

Дмитрий Нестеров Скины: Русь пробуждается

«Скины: Русь пробуждается»: Ультра. Культура; 2004
ISBN 5-98042-067-3

Аннотация

Первый роман молодого московского прозаика Дмитрия Нестерова посвящен быту и мировоззрению скинов – агрессивной городской субкультуры «бритоголовых», посвятивших себя идеям очищения арийской «расы» и «восстановления имперской гордости». Автор знает мир неонацистов не понаслышке. Он убедительно рисует психологический портрет отечественного «скина», а также раскрывает причины, приводящие молодого человека к такой форме протеста против современного мира.

Дмитрий Нестеров Скины: Русь пробуждается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Довольно сложное дело – быстро принимать нужные решения. Как раз в эту пору и закончилось отрочество Кваса. Три года довольно безобидной халявы в колледже ушли в небытие, а эпопея с экзаменами в Полиграфическую Академию завершилась две недели назад, когда Квас ознакомился с оценкой, полученной им за экзаменационный диктант. Итак, диплом был защищен, Академия ему не светила, и теперь наш герой стоял один на один с взрослой жизнью и медленно надвигающейся армией. Первые робкие поиски работы шли неудачно – начальство узнавало, что Квас только из колледжа, и, поглядывая на обритую под ноль голову соискателя, вежливо завершало разговор.

– Люди с утра ходят и ищут, а ты как думал? Само к тебе ничего не придет, – так все чаще и чаще говорила ему мать. – Нам с отцом уже не по двадцать лет. Ты сам видишь, какая сейчас жизнь.

– Ладно, мам, отстань, – начинал огрызаться Квас, – ну сколько раз можно говорить одно и то же? – Так ведь ты и делаешь одно и то же. И потом – что значит «отстань»? Что значит

«отстань»?

– Завтра понедельник. Ты вообще собираешься газеты покупать?

– Ох, уже понедельник... Да, да, собираюсь.

– Да, пора уж и пошевелиться. Утром деньги возьмешь – я оставлю под телефоном.

Понедельник. Ассортимент газет тот же, что и неделю назад. «Есть работа – нужна работа» и «Работа для Вас». После покупки газет Квас отправился на «Комсомольскую» – прикупить сигарет на толкучке у «Трех вокзалов».

За последние три года доходы семьи можно было вычислить по тому, что он курил. Квас начал курить на втором курсе, и начал во здравие – с «Кента». Потом плавно скатился на «Честер». После того, как папашу «ушили» из довольно приличного издательства, Квас перешел на «Петрушу». Одним прекрасным августовским утром, после дружеской пивной попойки, он вылез к метро за сигаретами и на ценнике рядом с «Петром» увидел цифру 12. «Да, блин, пора с этим завязывать, – сказал себе Квас, помотав головой, – чтоб уж от пива такие глюки шли!» Это оказался не глюк, а августовский обвал. С куревом Квас сел в глубокую яму. Начались мучительные поиски подходящих сигарет. «Пегас», «Ява», которая ни черта не тянулась. Скоро он раскопал «Новость» – неплохие сигареты, но из жердей, которые в них попадались, вполне можно было построить себе шалашик. Но кто ищет – тот всегда найдет, и Квас остановился на «Тройке». Покупать сигареты в розницу – не для бедных, и Квас старался отовариваться на «Трех вокзалах», благо не далеко.

* * *

Частая грубость с матерью шла от некоторой слабости. Тупая агрессия во все стороны – действительно, признак внутренней неуверенности. Мама была права, и он это знал. Квас хотел работать, но с этим было труднее, чем он представлял себе в технаре. Нужна была масса денег – на новый магнитофон, на курсы, на некоторые шмотки, на то на се – а их не было. Работы пока тоже не было.

Как уже говорилось, Академия Кваса до себя не допустила. Оба захода оказались неудачными. Он был и на пятимесячных курсах, и на двухнедельных, но все это пошло коту под хвост. Сначала Квас доблестно завалил устную литературу и диктант, и хотел прийти на историю – поприкалываться. Мать не пустила – сиди, грызи русский. Квас сидел днями, ночами – грыз, грыз... Второй штурм закончился совсем скоро – в диктанте он насажал столько ошибок, что это зрелище испортило ему настроение на весь день. Из всего их запуска кроме блатных прошел только один ботаник. Ботаник с большой буквы. Это был такой уникум, что по сравнению с ним их ботаничка из колледжа казалась жалким дегенератом. Парень знал буквально все. Вот он и прошел.

Хотя на курсах они недурно проводили время. Занятия были по вечерам, а потом пиво в компании лилось рекой. Общество собралось изысканное. Два наци – Квас, сверкавший лысиной и подтяжками, и Шурик. Высокая такая башня, в очках и с хвостом темно-каштановых волос, по совместительству толкиенутый. Шурик был необычным наци – он имел редкий уклон: был ужасным англофобом. Еще были три девушки – с двоими Квас был знаком еще по технарю, а третья была Наташа. С остальными особо не дружили – народ так себе: ни рыба, ни мясо либо «продвинутая» молодежь. Лекции по литературе были скучными, на русском просто-напросто закручивались гайки, но уж на истории они оттягивались вовсю. Однажды речь зашла о декабристах, и двое начитанных стервецов с издевательской интонацией затеяли диспут, кто же были декабристы – масоны или английские шпионы. Сошлись на том, что одно другому не мешает. Свары на древнерусской истории затевал Шурик, он и вправду знал ее первоклассно, а уж по XX веку обнажал меч Квас. То, что творилось во время истории II Мировой войны, было квалифицировано историчкой как «фашистская пропаганда», а Кваса иначе, как «погромщиком, как эти, с бритыми головами», она и не называла. А как Шурик притащил на курсы свой толкиеновский тын¹ Эту идиллию оборвали злые экзамены. Да Бог с

¹ Тын – самодельный меч, используемый толкиенутыми на своих сходках.

ней, с Академией, а вот именно на курсах Квас и познакомился с Наташей, и на этот цирк стоило походить хотя бы ради этого.

Хотя впереди и была неопределенность, Квас почувствовал некоторую свободу. Он устал за последние месяцы – практика, диплом, эти чертовы экзамены, да еще постоянный родительский дамоклов меч над головой. Что бы ни было дальше, чувство пусть кратковременной, но свободы, опьяняло его. Перед тем как тянуть рабочую лямку, хотелось побездельничать хоть месячишко.

Работа привалила неожиданно. Вечером пришел отец. Ну, как всегда началась эпопея с тапочками. Квас не мог понять почему, но отцовские тапки всегда оказывались на его ногах, а его собственные болтались бог знает где. На отцовских тапках большими белыми буквами было написано «KUBOTA», на его – мелкими и кривыми буквами «ZIKO». Вечернее общение с отцом обычно начиналось с тапочек.

– Да ладно, вот твои тапки, – огрызнулся Квас. – Вот они, успокойся. Ну, прямо конец света – чужие тапки надел. Удавиться мне теперь на подтяжках, что ли?

Отец всегда приводил доводы, которыми сам Квас обычно пользовался в дискуссиях с антифами в общественном транспорте – о порядке, о дисциплине, но Квас говорил о России, а отец – о тапках и полотенцах.

После обмена тапками отец пригласил Кваса на балкон – покурить и поговорить. Разговор, естественно, зашел о работе.

– Ну, как с работой?

– Ну как, ищу.

– Газеты покупал в четверг?

– Покупал.

– И что?

– Да есть кое-что, но опыт везде нужен.

– Ну, пора бы тебе уже работать.

– Я ищу, – Квас недовольно скривил рот и плюнул вниз.

– Значит, не так ищешь... Ну ладно, я вот проходил мимо, знаешь, наверное, у нас тут магазин открылся, там видел объявление?

– А чего там такое?

– Там нужен смотритель зала. Я заходил, разговаривал с администратором. Сказал, что завтра зайдешь.

– А денег сколько платят?

– Завтра сходи и поговори сам.

– Завтра суббота.

– Они всю неделю работают.

– Так что, без выходных, что ли?

– Откуда я знаю? Сходи, сходи – сам поговори. Там, наверное, по сменам. Пойдешь?

– Конечно, а куда деваться? А ты маме говорил уже?

– Да нет пока, она, наверное, против, как всегда, будет.

– Плевать. Искать буду дальше, а работа нужна позарез.

– Тогда завтра подойдишь к девяти. Идти куда, знаешь?

– Откуда?

– Знаешь, рядом с нашей булочной, там раньше универсам был, потом видеопрокат...

– А-а, все, понял.

– Вот. Администратора зовут Сергей Иванович. Запомнил? Сергей Иванович. Запиши.

– Да понял я, пап.

– Оденься по-людски завтра, ботинки одень нормальные и куртку. Слава Богу, оброс уже, не такой страшный – а то придешь к нормальным людям, как черт знает что...

Потом подключилась и мать.

– Вот видишь. Ходить надо, а не дома сидеть. Прямо под носом. А так, – отец случайно не зашел бы, – так и сидел бы дома, диван просиживал. Я смотрю, ребята у нас на работе крутятся, вертятся, учатся, работают. А мне и сказать стыдно про тебя, маемся с тобой с девятого класса. То то, то это, в колледже со Славиком своим три года куролесил, и чуть что – мать бежит,

разбирается...

– Ладно, все, хорошо, хватит...

– Так ты завтра-то пойдешь разговаривать?

– Да.

– Ты только с порога эту свою чушь не неси.

– Нет, мам, обязательно понесу. Сразу, как только войду – «Зиг хайль!»

Квас даже показал, как он это сделает – вскочил с дивана, вытянулся перед матерью, щелкнул каблуками, точнее, резиновыми подошвами шлепанцев, и, хлопнув себя по сердцу, выкинул правую руку вперед. Мать молча встала и пошла из комнаты.

– Мам, хватит, ну не тормози. Мать остановилась и обернулась.

– И не брейся пока – походи хоть немного, как человек.

– Я всегда человек. Не прическа определяет человека.

– В мозгах у вас пусто, и на башке твоей пусто.

– Все, мам, на этом моя сторона прекращает дискуссию. Я ужинать пошел.

– Возьми там пельмени в духовке, салаты там (почему не едите, а то ведь испортятся?), и колбасы возьми, если осталась.

– Осталась.

– Ты хоть сегодня обедал?

– Обедал.

– Врешь, как всегда. Ты понимаешь, что я вас, двух мужиков, не могу одной колбасой кормить. Что, трудно так суп разогреть? А то ешь одни бутерброды.

– Мам, суп завтра разогрею. Какой суп хоть?

– А-а, а говоришь, обедал. Грибной суп, разогреть и поесть со сметанкой – как хорошо.

– Да, ужасно здорово, – бросил Квас, идя на кухню.

На кухне сидел отец в майке-тельняшке, сосредоточенно ел пельмени и слушал радио. Квас облизнулся и потер руки.

– Вон в сковородке возьми.

В сковородке были румяные пельмени, запеченные в сметане и посыпанные расплавленной сырной крошкой. Они уже порядочно подостыли.

– Та-а-ак-с, а чего у нас за салаты?

– Вон, в мисках. Не мешай, пожалуйста, я слушаю.

Тут же на широкой тарелке был нарезанный «ароматный» хлеб и «дон-кихотовская» колбаса. В мисках была квашеная капуста и салат, где должны быть намешаны крабовые палочки, кукуруза и еще всякая всячина. Пожевав, Квас понял, что крабовых палочек нет.

– Пап, как колбаса?

– Нормально, – и через паузу, – а что у тебя с рукой? В последней акции Квас, несмотря на перчатки, сильно разбил две передние костяшки.

– Упал.

– Опять своей дурью маешься? Я говорю – ты когда-нибудь доскачешься: либо в милицию попадешь, либо морду набьют, как следует, и правильно сделают.

– Это еще почему?

– Что почему? Почему правильно набьют? А чтоб мозги на место встали, чтоб делом, наконец, занялся.

– А ты чего думаешь, когда я пойду работать, я не буду зачищать город, что ли?

Отец махнул рукой.

Вообще родители Кваса в последнее время все чаще и чаще возвращались к этой щекотливой теме – слишком сильны были стереотипы. При слове «скинхед» они, наверное, воображали гориллоподобного громилу с мутным взглядом, низким лбом, выступающей нижней челюстью и нечленораздельной речью. «Никогда не думала, что он станет фашистом, – говорила тетка, – я тут с тетей Полиной разговаривала, она спрашивает: "А как Митенька?" "А что Митенька, – говорю я. – Митенька у нас теперь фашиствующий молодчик"». «А тетя Полина что?» – весело спрашивал Квас. «Ну что тут можно сказать? Только руками развести», – следовал ответ. Стычки на этой почве, чаще всего с отцом, вспыхивали с завидным постоянством. У матери был на все один аргумент: «Вы бьете людей, а сейчас надо заниматься»

экономикой». Отец же считал своим долгом влиять на сына, и поэтому их диспуты на курительном балконе и поздно вечером на кухне часто переходили в крик. Тут же появлялась мать: «Что вы орете, время уже за полночь. (У нее всегда после восьми вечера время приближалось к полуночи.) Опять начинается ночная жизнь. Сидят по своим комнатам, а как полночь, выползают – и начинается».

Когда на семейные торжества собирались родственники и «друзья семьи», то рано или поздно его все равно начинали учить уму-разуму. Надо признать, что говорить наш герой умел неплохо, и родственникам приходилось нелегко. Любой более или менее начитанный наци не даст соврать – специально для таких дискуссий у него припасена парочка каверзных вопросов. Родственников, не слишком подкованных в этих вопросах, эти вопросы сажали в лужу. Когда уже были пущены в ход дед-фронтвик («Хорошо, что отец не видит, вот бы он послушал»), холокост, выражение «Патриотизм – последнее прибежище негодяев», когда Квас не получал ответа на свои вопросы, родственники обычно переходили на личности. Все это кончалось банальной семейной склокой. Но в целом отношения между бритоголовым племянником и тетками были хорошими – ведь Квас был само дружелюбие, когда дело не касалось хачей, цветных, пидоров, наркушников и евреев. Он был покладистым парнем и не любил скандалить, «Ненавижу скандалы, – всегда говорил Квас. – Всегда легче уйти в сторону. Пусть бабы скажут последнее слово».

Его любимым городом был Осташков. На Селигер Кваса занесло зимой, на каникулах. Ясным зимним днем они возвращались с лыжной прогулки. Двое сломали лыжи на горках, и до пансионата надо было ехать на автобусе. Компания пошла через город, на остановку. Старая часть Осташкова покорила их – она сияла тихой русской красотой. Маленькие классические особнячки, салатные и желтые, замершие деревья с искрящимся снегом на ветках, вывеска «под старину» над булочной, бездонное голубое небо и воздух, который они тогда пили, как кисель. Москву Квас не переносил, иначе как «пыльной клоакой» и «рассадником черномазых» и не называл. Москва умирала, дореволюционные особнячки и имперские сталинские замки оттеснялись ночными клубами и казино, Москва Белокаменная на глазах превращалась в интернациональный Вавилон, в очаг нездорового стяжательства, в эталон того образа жизни, который они ненавидели и с которым по мере сил боролись.

* * *

После ужина Квас участвовал в ответственном деле – чистил кошке уши.

– Митя, – тихо позвала его мать. – Давай кошке ушки почистим.

– Кошке? – нарочито громко переспросил Квас, зная, что кошка прекрасно все просекает. – Уши почистить? Се-е-ей-ча-а-асс!

– Ну тихо, тихо. Она же все, девочка наша, понимает.

– Капнули мы ей в прошлый раз многовато. То-то она все ходит, ушами трясет. Сейчас маслицем почистим.

Мать села на стул, надела перчатки и взяла клетчатый плед.

– Ну все, давай больного.

– Где она?

– Вон, на холодильнике.

Черно-белая кошка («торпедовская»², как называл ее Квас) внимательно следила сверху за приготовлениями к процедуре. Квас схватил ее в охапку и поволок к матери. Сначала кошка сидела спокойно, только внятно ругалась на своем кошачьем языке.

– Ну, Лиска, не капризничай, не так уж и больно. Что ты кричишь?

– Больно, вот и кричит. Ого!

– Ой, ужас какой! Сиди, Лиска, спокойно. Вон Митя какой доктор, вон какого крокодила вытащил.

Кошка взбунтовалась.

² Квас, называя свою черно-белую кошку «торпедовской», имеет в виду клубные цвета московского «Торпедо»

– Как, Мить, видно? Ты скажи, как мне сесть?

– Ты, мам, голову ей не держи, ты задницу ей держи, она задницей выскальзывает. Все, переворачивай, а то она совсем взбесится.

– Что, убили тебя? Зато уши чистые. Капать будем сегодня?

– Нет, капать завтра.

– Ну тогда все. Фу, отпускай.

– Сейчас мы кошке «Вискаса» дадим...

Лиска, пригнув голову к полу, удирала, куда глаза глядят.

– Цурюк! – остановил ее Квас. – Жрать будешь?

Лиска уже привыкла к манере разговора Кваса, ведь она была на его попечении. Поэтому на слова типа «Вис-кас» и «кушать» она не обращала внимания, а слово «жрать» уже усвоила. Так же она понимала слова «цуркж», «халт», фразы «куда прешься, еще не остыло», «а я сейчас за венником схожу» и еще несколько речевых оборотов, употреблявшихся Квасом, когда Лиска ложилась на клавиатуру компьютера, драла мебель или шумела ранним утром песком в своем поддоне. Поэтому после приглашения она, пританцовывая, потряслась к миске.

В гостиной заворочался вылезший из ванной отец – устраивался перед телевизором. Скоро оттуда, перекрывая рекламу прокладок, донесся его голос:

– Все, я ванну освободил.

– Ты что, в ванну идешь сейчас?

– Ага.

– Опять курить там будешь?

– А как же.

– М-мм, понятно... Тебе будильник на сколько завести?

– Да я сам себе, в принципе, заведу... На восемь, однако.

* * *

Когда Квас уже вытирался, в дверь ванной постучали.

– Ну, чего?

– Чего... трубку возьми.

Отец протянул ему трубку радиотелефона. Продолжая вытираться, Квас прижал трубку к плечу, а свободной рукой закрыл дверь.

Это звонил Роммель, и они обговорили все насчет похода, потом Квас, не откладывая, перезвонил Сергею.

Когда Квас выполз из ванной, мама в халате уже шла в спальню. С кухни доносилось радио – отец был все еще там.

– Уже ложишься, мам?

– Да, спокойной ночи. Вы там не очень шумите на кухне.

– Да я, мам, тоже уже скоро ложусь.

– Так ты идешь завтра?

– Да, конечно.

– Ну, не пуха. Ты там, давай, повнимательнее. Ты все-таки уже большой – поговори там, как мужчина. Будильник я тебе завела.

– Спокойной ночи.

На кухне отец слушал что-то про бюджет.

– Мить, ложишься уже?

– Чаю попью и ложусь.

– Завтра там посерьезней. И без своих этих выкрутасов.

Квас деланно тяжело вздохнул.

– Завтра дома будешь?

– Нет, часов в семь ухожу.

– Опять Наташа?

– Нет, – пробурчал (что за манера – лезть не в свое дело!), – с ребятами прогуляюсь.

– Будешь поздно?

– Не знаю, навряд ли...

* * *

Его растолкали минут за пятнадцать до звонка будильника.

– Мить, ты не забыл, куда тебе надо? – из-за двери спросила мать.

– Нет, не забыл. – Квас сел на кровати. – А я что, проспал?

– Да нет, еще без пятнадцати.

«А какого ж тогда...» – подумал он, зевая.

– О-о-ой. Фу. Да... А ты, мам, чего так рано встала, сегодня ж суббота?

– Ну как суббота, дела ведь не ждут. (Что, так и будем через дверь разговаривать?) А потом мы с Леной на дачу едем. Папа тоже куда-то собрался.

Квас надел спортивные штаны и майку, прибрал постель и вышел наружу.

– С добрым утром!

– А когда ты едешь?

– Сейчас дела кое-какие сделаю, Зина позвонит, пообедаю и поеду.

«Отлично, – сделал вывод почтительный сын. – Похоже, предки сваливают на все выходные».

Квас принял душ, напевая «Deutschland, erwache!», переоделся в джинсы и рубашку и пошел завтракать. Взболтнул чайник, долил в него воды, включил и присел к столу, глядя на лоджию. Там, на старом столе, среди разномастных банок, сидела «Торпедовская² Лиска» и смотрела в мир. Ее усы подрагивали, а голова дергалась на звуки, как локатор. В кухню заглянула мать.

– Мить, попробуй, кошклина еда не остыла?

– Как попробовать?

– Как-как... Ложкой. Не умничай. Квас открыл крышку на миске.

– Чего это за дерьмо?

– Ты чего разговорился? Кошку покорми...

Квас налил себе чаю, кинул туда попку лимона и придвинул бутерброды. Неторопясь, поел, потом положил в кошкнину миску еды и добавил от себя кусок ветчины. Он открыл окно.

– Ну ты, руки в масле, жопа в мыле³, лопать иди. Вошел отец недовольный, что кто-то влез в ванную поперек батька.

– Доброе утро.

– Наше вам с кисточкой.

– А тебе не пора?

– А сколько?

– Без двадцати.

– Оп-па! Опаздываю!

Квас убежал за джемпером. В прихожей надел ботинки, замотался белым шарфом, взялся за бомбер с «мертвой головой» на рукаве. Потом спохватился и надел потрепанную жизнью кожанку. В прихожую вышел отец, критически осмотрел его:

– Ну вот, хоть на человека похож.

– На лбу мне «скинхед» не написать?

– Не говори глупостей.

– А то у одного в фильме прямо на лбу было написано – «скин».

– Ладно, хватит. Ну что, пошел?

– Пошел.

– Удачи. Пособранее там.

– Аи, погоди! Часы забыл. Принеси, ладно, а то я уже в ботинках. В комнате у меня там, на полке... Ага, благодарю.

³ Квас имеет в виду обидную для торпедовских фанатов кричалку: Руки в масле, жопа в мыле, мы работаем на ЗИЛе. Торпедо – Москва!

* * *

На вымершей утренней улице было безветренно и тепловато. Ходу до нового магазина было не больше пяти минут. Когда Квас топтался перед входом, часы показывали без восьми минут девять. Он закурил и стал осматриваться. Когда-то здесь была булочная, потом видеопрокат, а рядом существовало ателье. Через какое-то время хлебопеки, видеопираты и портные накрылись, а новые хозяева сломали стены и устроили что-то вроде небольшого супермаркета. На витринах были большие наклейки, изображающие фрукты, бутылки, сосиски и торты, за стеклом покачивались на веревочках бутафорские пачки жвачки, а над входом висела большая желтая вывеска – «Микс-маркет». На стеклянных дверях висели два объявления, отпечатанные на принтере, в траурных рамках: «Требуется продавец» и «Требуется смотритель зала». Квас еще потоптался перед входом, закинул окурочок в урну и вошел. Прямо напротив дверей был высокий стеллаж, где покупатели оставляли свои сумки и брали корзины. «Так, вроде неплохо, – решил Квас. – Чисто, ничего не скажешь». Народу в магазине почти не было, и девчонки-продавщицы в бордовой форме сучали. Квас подошел к полной кассирше.

– Здравствуйте. Я по поводу работы. Как мне поговорить с Сергеем Ивановичем?

Кассирша оглядела его, но Квас смотрел бесхитростно прямо перед собой. Она остановила пробегающую мимо продавщицу.

– Ты вниз, Лен?

– Да.

– Скажи Сергею, тут пришел молодой человек, по поводу работы.

Квас отошел от кассы и стал глядеть по сторонам. На потолке лениво крутился вентилятор. В одной из магазинных тележек, поставленных змеей, спал толстый серый котенок, свесив сквозь прутья лапы. Магазин был небольшой – продукты в розницу, мясной отдел, всякая всячина для кухни, там же всякие шампуни-кремы, и аптечный киоск. Администратор, крепкий пожилой мужик в зелено-черном джемпере, стремительно вышел минут через десять.

– Кто тут насчет работы?

– Я. Здравствуйте.

– Здравствуй. Не ты сегодня должен к девяти подойти? – Я.

– Хорошо. Ты смотрителем? – Да.

Администратор кивнул.

– Как тебя зовут?

– Дмитрий.

– Я Сергей Иванович. Дим, слушай сюда. У нас, видишь, магазин самообслуживания. Твоя работа – следить, чтоб не тащили. Видишь, стеллаж с корзинами? Порядок у нас такой: заходит кто, сумку здесь оставляет, берет корзину и идет. Вход, видишь, строго там, а выход только через кассы. Ясно?

– Ясно.

– Время работы с восьми до десяти. Получать будешь тысячу. Вопросы есть?

– Обеденный перерыв и материальная ответственность.

– Обедом тут кормят. А ответственность... Какая у тебя ответственность? И так зарплата небольшая, а если еще вычитать, вообще будешь копейки получать. Тут расчет на совесть. Девчонки тебе покажут, где кухня, где что. Порядок такой; пошел обедать, там или чай пить, подошел, девчонкам сказал, чтоб подстраховали. Ясно?

– Ясно.

– Работать останешься? – Да.

– Паспорт при себе?

– Конечно.

– Пойдем, напишешь заявление.

Они спустились по лестнице в подвал, зашли в конурку, на двери которой значилось – «Администратор». Там Квас набросал заявление. Сергей Иванович бегло просмотрел его, почесал подбородок и закурил.

– Ага, заявление есть. Обрато пойдешь, сними объявление с двери, вакансию ты занял. В

понедельник к восьми утра жду.

Поднявшись, Квас поддел ключом скотч, державший грустное объявление, содрал со стекла, скомкал и выбросил в урну. Он вспомнил, как Молодой рассказывал о такой работе. «Четырнадцать часов на ногах – тяжело. Со скуки башка пухнет. Часам к четырем уже крыша съезжает, уже по барабану – тащат, не тащат. Народ набежит *вообще ни хера не уследишь*. А вообще, – нехорошо ухмыляясь, добавил тогда Молодой, – работа в том, чтобы следить, чтоб покупатели не спиздили того, что можешь спиздить ты сам. У меня, например, до сих пор не поднимается рука покупать шоколадки, ириски и прочую поебень». На обратном пути, почти уже у самого дома, Квас нос к носу столкнулся с невеселым спартачом, жившим в соседнем доме и знакомым по паре акций. Домой Квас пришел часа через два, встретив новый день двумя бутылками «Москворецкого» пива.

* * *

Дома отец гудел пылесосом. Когда над входной дверью тоненько звякнул колокольчик, он выключил пылесос и спросил:

- Ты, Мить? – Я.
- Как, все нормально?
- Вроде да – с понедельника выхожу.
- Ну, вот видишь... Тут тебе парень звонил.
- Назвался?
- Да, Денис, просил перезвонить.
- Угу, понятно, Тогда ты не гуди пару минут, ладно?
- А чего ты к себе не идешь разговаривать?
- А чего ботинки снимать? Я сейчас опять ухожу.
- Куда это?
- Да тут деньги, записка какая-то...
- А, это тебе мама оставила, сходишь, купишь, чего надо.
- Она давно на рынок ушла?
- Где-то полчаса назад.

Он слегка обеспокоился. Звонил Роммель. Обидно будет, если все накроется. Хотя, с другой стороны – тоже неплохо. Пустая квартира, темнота – друг молодежи, и так далее. Но переключаться с акции на Наташу... Да... Тем более уже дня четыре не созванивались. Квас изучал послание матери и одновременно звонил Роммелю. Было занято. Роммель изменил место встречи – и сейчас обзванивает остальных. Все ясно.

Теперь Квас переключился на материну записку. Она гласила:

Митя!

У "Океана" два павильона, знаешь?
Там купишь:
Мука (лучше сокольническую упаковку) 4 кг
Манки тоже 4.
На остаток купи чего-нибудь к чаю.

Квас порычал, почесался и поплелся в магазин...

* * *

Дома отец уже прекратил уборку и смотрел телевизор. Квас заглянул в гостиную. Отец смотрел кассету с «Куклами». На столе перед ним лежало надкусанное семиреновское яблоко.

- А-а, пап, опять этот жидовский театр!
- Дурачок. Это не жидовской театр.
- А какой, русский, что ли? Ты чай пить будешь?

- А есть с чем?
 - Ладно, не прибедняйся. Конечно, есть. С «коровками» и ржаной лепешкой будешь?
 - Конечно.
 - Ну чайник я там поставил, и лимон нарезал. А, сахарница здесь уже. – Квас кивнул на яблоко. – Ты купил?
 - Нет, я не покупал. А конфетки-то где?
 - На блюде, где яблоки... Да сиди, смотри свое юден-шоу, я принесу все.
- Под перебранку с отцом про засилье инородцев на телевидении и в других средствах массовой информации и не только чай был со вкусом выпит.

ГЛАВА 2

Квас проснулся по будильнику в четверть шестого и, напевая «Но вот опять звенит будильник, и по его звонку...», пошел ополоснуться. Не вытираясь, выскочил из ванной и быстро собрался – вынул белые шнурки из гриндеров и вдел обычные, черные. Теперь сигареты – непечатую пачку во внутренний карман бомбера. Туда же – карту Москвы с надписью славянской вязью «Карта Москвы – друг скинхеда». В нарукавный карман – тысячу рублей. Это были неприкосновенные деньги: на крайний случай – ловить тачку или дать взятку. Так, еще перчатки – теперь вроде бы все.

Квас присел на стол и курил, дергая головой в такт «Штурмовику», и прикидывал в уме, что же такое он мог забыть. Обычно он вспоминал про какую-то ерунду уже у самого лифта, но возвращаться было нельзя. Ладно, можно еще побалдеть – время есть.

Вечер понемногу вступал в свои права, в кухне из-за задернутых плотных штор уже был фиолетовый полумрак, но свет Квас зажигать не стал, а запалил свечу. Ровный свет свечи всегда успокаивал его – что до акции, когда начинался небольшой мандраж, что после, когда надо было душевно отойти и расслабиться. Янки закидывают ноги на стол и называют это «релакс», Квас тоже иногда называл это «релакс», но ноги на стол не закидывал, а смотрел на пламя свечи или просто тихо сидел рядом с ней, закрыв глаза. Прихлебывал чаек или сосал сигаретку. Вот потихоньку начинается мандраж. Он помнил, что после каждой акции, прокручивая все действие в обратном порядке, вспоминаешь множество мелочей, на которые в процессе просто не обращаешь внимания. А потом, когда все уже давно позади, когда отмокаешь в теплой ванне или лежишь без сна в постели, и в тебе все еще кипит боевое возбуждение, кажется, что на любой мелочи можно было сегодня засыпаться. Кто-то слишком пристально взглянул, когда шли по вагонам, запомнил внешность и все скажет при случае ментам. Бабка на платформе, у которой покупали сигареты, тоже что-то чересчур внимательно разглядывала. Никто не держал стоп-кран, и если бы какой-нибудь псих из публики дернул бы его, поезд бы замер и все элементарно могли бы попасться. Постоянно лезла под руку пионерия, которая должна была контролировать обстановку в вагоне и держать в страхе не в меру сердобольных очевидцев. Из-за них могло все рухнуть в одночасье. Хорошо, что обыватели, если не прямо выражали одобрение, то тихо изучали прессу или любовались пейзажем за окнами.

А вот тоже была история. Компания тряслась в тамбуре, когда до них донеслась жаркая перепалка в вагоне. Сначала они не обращали внимания, но потом Аякс сказал, что это межнациональный конфликт. Все прислушались, и точно: покрывая возмущенный гомон нескольких женщин, часто слышались два голоса, явно принадлежащих кавказцам. Толстый Бабс, за которым никогда не ржавело, пожал плечами и первым двинулся вперед. Пока они добирались до горячей точки и взвинчивали себя, стало ясно, в чем дело. Два кавказца не уступили место беременной женщине. Их стали совестить две сердобольные бабульки, а кавказцы отвечали им в своей обычной манере, обильно разбавляя свою речь теми единственными выражениями, которые они довольно сносно усвоили из всего великого и могучего нашего языка. Вокруг сидели женщины либо яркие представители русскоязычного населения России, уткнувшие носы, увенчанные очками, в умные газеты, и поэтому один кавказец, сидевший спиной к надвигающейся опасности, самовлюбленно хамил, упиваясь безнаказанностью, а второй, развалившийся напротив, тонко и ободряюще усмехался. Первый

все еще нес всякую похабень, когда второй увидел надвигающуюся расплату в лице пятерых бритых парней, спешивших на выручку своим соплеменникам. Улыбка с лица кавказца моментально исчезла, и он ткнул в колено оратора. Тот, довольно толстый, стал, пыхтя, разворачиваться, когда получил от надвинувшегося Бабса с ноги прямо в морду. Бабс схватил его за шею, нагнул голову и стал гвоздить коленом по черепу. Остальные, продираясь через полного Бабса, бросились на второго. Квас остался с Бабсом, который за шиворот сдернул толстого кавказца на пол. Энергично пошли в ход гриндера. Остальные, впереди которых мчался Аякс с почти пустой пивной бутылкой, настигли веселого кавказца в тамбуре. Началось, как скучно отмечается в сводках, «жестокое избиение с намерением причинить максимально возможные телесные повреждения». Как бесцветно это описание! Сколько подробностей, смешных и страшных, сколько страстей и эмоций не доходит по вине хроникеров и бесчувственных милиционеров до пытливого читателя! В самый разгар потехи, когда Молодой, работая ногами, объяснял кавказцу, что к чему и почему, из вагона опять донеслась ссора. Оказалось, что только что морально оплеванные с ног до головы дамы теперь грудью встали на защиту поверженного кавказца, обзывая своих заступников зверями и фашистами. «Ладно, мужики, – сказал тогда Квас, – пошли отсюда. А то еще удивляемся, что с таким быдлом у нас жиды на шее сидят с семнадцатого года. Дура, ты это дерьмо еще домой оттащи, зеленкой помажь. Ск-котт-ты!»

Или вот еще, в другой раз: последние метры перед метро не бежали, а шли деланно спокойно, чтобы не привлекать внимания, и вдруг у кого-то не оказывается проездного, а денег не густо. Сначала все скидываются ему на жетончик, потом он стоит в очереди, а время идет, а его все ждут, уже за турникетами, матеря его про себя во всю ивановскую. И сам он стоит, и готов порвать всех на клочки, потому что очередь, естественно, почти не двигается, и он чутко вслушивается в людской гомон в вестибюле метро, болезненно реагируя на каждый слишком энергичный шаг или слишком развязный голос.

С нервной усмешкой Квас вспомнил, как они чуть не прибили парня, который решил разогнать сумрачность соратников милой шуткой. Акция в тот раз прошла с излишними криками, воплями, руганью и нервотрепкой. Долго они петляли по дворам, а в отдалении голосили сирены, и потом, уже в метро, когда все вроде расслабились, это кекс, театрально похлопав себя по карманам, страшным шепотом сообщил, что, кажется, оставил ТАМ свой студенческий. Минут десять все обсасывали его умственные способности, а потом он сообщил, что «пошутковал трокси». Его тогда чуть не растерзали.

Мандраж крепчал. Квас с неудовольствием отметил, что мелко поддрагивает в пальцах сигарета. Но он знал точно, что ближе к акции мандраж уменьшится, а среди своих пропадет вовсе. С экзаменами дело обстояло как раз наоборот. Несколько дней он был абсолютно спокоен, а в день экзамена, уже с утра, его начинало буквально трясти. Когда Квас ехал в метро, в колледж, ему всегда казалось, что все в вагоне видят, как его колотит. Он был трезвенником, но сколько за четыре года колледжа было экзаменов, столько же раз он и напивался вдрызг – снимал напряжение.

Потом мысли его перескочили на Наташу. Да, тогда, конечно, нехорошо получилось, ничего не скажешь. Поход в театр был уже решен. Квас давно не был в «Современнике», а один знакомый эстетствующий расист расхвалил ему «Четыре роли для дебютантки». Кроме того, Наташины родители отбыли в загородное поместье под Пушкиным, но Квас самому себе старался доказать, что идет из-за любви к искусству, а не чтобы просто как-то для приличия эстетически дополнить поход в койку. В пятницу вечером позвонил Роммель и сказал, что святое дело национальной революции требует присутствия Кваса как раз вечером в субботу. Будь это кто-нибудь другой, Квас, возможно, и отослал бы его, но если Роммель говорит, что дело срочное, значит, черт побери, так оно и есть. Роммель так трепаться не будет. Кроме этого, Роммель был другом, ради которого можно ночью сорваться куда угодно, и уверен, да что там уверен, наверняка знаешь, что и он сделает для тебя то же. Случаи были. В конце концов Наташа была (не без сожаления) морально послана. Наташе было сказано по телефону в этот же вечер, что, блин-Клинтон, мне самому, не поверишь, как жаль, но завтра в театр мы не пойдем, а пойдем мы в театр как-нибудь в другой раз. Насчет же акта, который не указан в театральной программке, тоже неизвестно, тут такая проблема, что я даже не знаю, когда вернусь домой.

Тут она прервала свои слабые протесты и стала спрашивать, все ли у Кваса в порядке и не случилось ли чего такого, серьезного. В результате Наташа устыдилась своего эгоизма, из-за которого думает о развлечениях, когда у человека крупные неприятности. Квас почувствовал легкий укол совести, сказал о любви, нежности, тысячах роз и поцелуев, пообещал VIP-ложу в Большом театре, Луну у ног и так далее. Когда же они встретились, Наташа, надув губки, попеняла ему, что его бритые дружки для него значат больше, чем она. Сейчас Квас сожалел, что не приласкал, не соврал нежно в ушко, а довольно резко сказал, что это естественно, и он никогда не давал ей повода думать иначе. Друзья есть друзья, тем более такие, а девочек еще может быть миллион. Последнее он вслух, правда, не сказал.

Уже давно, кстати, ему казалось, что искорка, вспыхнувшая между ними еще в самом начале курсов, превратившаяся потом в пламя, сейчас потихоньку тускнеет. Они еще встречались, были близки, но что-то важное ушло навсегда, это Квас чувствовал и пытался нащупать это что-то, ведь Роммель Роммелем и национальная революция национальной революцией, а она ему нравилась безумно до сих пор. Квас вспомнил, как мать говорила о «запасном варианте»: дескать, если бы у отца не было бы «запасного варианта», сидел бы сейчас без работы. Впрочем, сначала неплохо бы вернуться нормально домой, а там уже жизнь сама подсунет ему чего-нибудь. Именно так и получилось когда-то с Наташей. Сначала между ними проскочила искра, а потом уже Квас расплевался с Таней, с которой был почти семь месяцев. Тогда как раз Наташа сошла за «запасной вариант», а хотя нет – начиналось у них серьезно... Он вспомнил, как они виделись с Таней последний раз – тогда он нес ей тигра, раскрашенного под гжель, с очень веселой мордой. Вручить не успел – был послан. Тогда Квас матерно выругался, расколошматил тигра об асфальт, развернулся и ушел.

Почему-то Квас вспомнил малознакомого парня с необычной кличкой Каудильо, чаще для простоты именуемого Кадилом. Он готовился идти к своей девушке во второй раз на День рождения. Первый раз Каудильо долго мучился, долго не брился, надел костюм, чтобы быть представленным ее родителям. Кадило произвел на родителей хорошее впечатление – ее маму он покорила мужественной наружностью, а отца – патриотизмом в сочетании с трезвостью и хорошим ремеслом автослесаря. Каудильо потом опять начал бриться, когда впечатление трудно уже было испортить. На второй День рождения он уже себя особо не урезывал. В тот день ему надо было с утра сходить за хлебом. Булочная была через дорогу. На остановке в ожидании автобуса скучало человек семь поклонников негритянской музыки в широких штанах. Это называется оказаться не в том месте не в то время. Глупо и обидно, но это может случиться с каждым. От этого никто не застрахован. Кабы знал, где упадешь, подстелил бы. В результате Каудильо вместо Дня рождения оказался в сороковой больнице, надалеко от ВДНХ. За одиннадцать дней, которые он там провел, его именинница не удосужилась зайти к нему ни разу. Горя праведным гневом, Каудильо позвонил ей, обозвал всеми словами, обозначающими ветреную женщину, и заявил, что не желает иметь с ней ничего общего...

Свеча догорела. Сигарета потухла, чай выпит, и от лимона осталась одна корочка. Громко исполнив «Пора в путь-дорогу!», Квас оделся и присел – на дорожку. «Пора! – сказал он себе, хлопнув ладонями по дивану. – Если Бог с нами, то кто против нас!»

* * *

В битком набитом вагоне метро, под взглядами публики, Серега и Квас прибыли на «Савеловскую» минут за пятнадцать до назначенного времени. Лавируя в людском потоке, стучаясь о встречных, извиняясь и тихо матерясь, они достигли центра зала. Там тесным кружком стояли Роммель, Аякс и еще два настороженных незнакомых скина в бомберах «мокрый асфальт». После отмашек, приветствий и похлопываний по спине, Квас огляделся и спросил:

– И чего, больше народу нет?

– Почти все уже здесь. Просто шифруются, чтоб мусорам глаза не мозолить.

И действительно, приглядевшись получше, то тут, то там можно было заметить скинообразные фигуры, парами и небольшими группками рассредоточившиеся по станции, на скамеечках и между колонн.

– Повар здесь?

– Пока нет.

– А что делаем сегодня?

– Рэперов валим на Некрасовской.

– Наводка-то есть?

– Да Филя там недалеко живет. Ходил на разведку, видит, ниггер с бабой сосетя...

– Скорей, какая-то сука скотоложеством занимается.

– Короче, Филя налетел на них, ниггер свинтил по-быстрому, этой сучке он по ушам накидал слегка, потом идет, слышит, типа, эй, пацан, стой. Оборачивается – клоуны.

– Сложили они его?

– Да нет, он отступил.

Все представили это «отступил» и рассмеялись.

– Далек от Москвы?

– Да я ебу, что ли? Да не, не особо. Там какой-то новый спальник.

Время от времени подходили новые, удивлялись, что так мало людей, их успокаивали. Довольно скоро вокруг Роммеля стояла кучка уже человек в десять, бритых и полубритых, слышался гомон, смех, матерок. Приехали Молодой и Кекс. Кекс был прямо из института, с пакетом и большим черным тубусом, Бог его знает, что он делал в институте до вечера. Тоже додумался – еще бы с чемоданом на махач приперся. Потихоньку стали подтягиваться те, кто раньше рассосался по станции – время было уже почти десять минут девятого. Роммель уже отправил человек десять на улицу.

– Так, до Некрасовской просьба пиво не жрать и на людей не бросаться.

– Так на людей мы и так никогда не бросаемся, только на нелюдей.

– Так, народ, слушаем все. Электричка идет в сорок минут. Сейчас все уходим на улицу, а то вон уже менты косятся. Нужно четыре человека – ловить опоздавших. Вы? Хорошо. Знаете, где расписание? Часы у кого из вас есть? Заебись. Ровно в половину вы отсюда уходите, под расписанием вас будут ждать. В электричке вести себя культурно. Кекс, чего ржешь? Тебя это, блин, скорее всех касается. Повторяю, ни на кого не кидаться, главное сейчас – некрасовские рэпера. На обратной дороге кого-нибудь замочим, если будет кто. Ясно? Пошли.

Внушительной толпой они повалили к эскалатору. Бабулька, которую все обгоняли и обгоняли бритоголовые, не выдержала:

– Господи, одни лысые, одни лысые... И куда ж вас столько едет?

– Соблюдать права человека, бабуль!

У эскалатора стояли двое ментов, подозрительно смотрели на них. Один другому тихо сказал:

– Футбольные фанаты, на разборки едут.

– Так, ниггер, – сказал Сергей уже на эскалаторе. – Держите меня за руки.

– Спокойно, Серег, все нормально. Ты что, ниггеров никогда не видел?

Под колючими взглядами эскалатора, почти наполовину блестевшего лысыми, негр съезжился, стал как-то меньше ростом и незаметнее. Квас однажды видел, как четверо скинов в такой же ситуации ринулись на соседний эскалатор, по которому суетливо удирала вниз жертва – негр с черной гривой волос, перевязанных в косички. Квас, говоря коллегам «Бог в помощь!», уехал вверх, но успел заметить свалку у выхода с эскалатора и крики «Позовите милицию!» Но сейчас все молчали и не двигались с места, только смотрели в упор на ненавистное черное лицо и тихо ругались. Наконец кто-то из молодых не выдержал.

– Эй, обезьяна! – и, как выстрел, прозвучал смачный плевок. Прошло несколько секунд, и тот же голос виновато сказал:

– Простите, я не хотел в вас, я в него хотел.

На что солидный мужской голос ответил коротко:

– Идиот!

– Роммель! Что за хуйня? Восстанови дисциплину! – заорал один из «мокрых асфальтов».

– Какой мудака там буянит? Ткните его!

– Потерпи до Некрасовской!

– Сказали же, блядь, русским языком – вести себя культурно. По обезьяннику соскучился?

Дисциплину кое-как восстановили. Прощтрафившийся молодой притих. Они вышли на улицу, несколько человек все же отлучились за пивом. Роммель промолчал, когда они вернулись, и в пакете жалобно позвякивали бутылки. Пива было в аккурат поднять боевой дух.

– Вон наша электричка, видите, седьмой путь.

– Роммель, наших мы с Сергеем дождемся.

– Ага, идите потом в последние вагоны.

С бутылкой пива они остались у расписания, и Квас успел рассказать только три сальных анекдота, когда в тридцать четыре минуты из метро к ним подвалила целая бригада из одиннадцати человек. Ребята отловили еще семь опоздавших.

– У-у-у, какие люди! Здорово, Повар! Как жизнь? Здорово, ребята.

– Зиг хайль! А-а-а, Серега! Здорово! Да я тебя и не узнал прямо.

– Поглумимся сегодня?

– А без базара!

– Народу-то много едет?

– Увидишь. Клоунов едем мочить.

– Ладно, мужики, прибавили ходу, уже почти сорок.

В электричке был полностью забит последний вагон. Скины толкались в тамбуре, курили, потягивали пиво. Но большинство разбилось на группки: расселись по скамьям, беседовали. Роммель на улице у дверей поджидал опоздавших. Они бежали по перрону, целая группа, сталкивались с встречными, извинялись и огрызались на ходу, перепрыгивая через сумки и баулы, а иногда просто сбивали их. Они засакакивали гуськом в двери последнего тамбура, впереди Сергей, замыкающим – Квас, и из тамбура торчала бритая макушка – им предупредительно держали двери. Наконец все уселись. Поезд вздрогнул и медленно, трясясь, пошел. Роммель встал с лавки, спросил, все ли купили билеты. Ему ответили хохотом.

Ехали весело, орали, подпрыгивая на наборных деревянных скамьях:

СКО-РРА, СКО-ОРР-А
 МЫ ВЫ-ГОНИМ ГОСТЕЙ!
 РО-ССИЯ – ДЛЯ РУССКИХ!!!
 МОСКВА – ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!!!

Потом поднялся толстый Бабс с бутылкой пива в руке, откашлялся, набрал воздух и начал:

А-А-А-НН-У-КК-А-А!

Весь вагон подхватил в добрых тридцать глоток, выстукивая такт подошвами об пол и кулаками о скамьи:

...ДА-ВАЙ-КА!
 УЕБЫВАЙ ОТ-СЮДА!
 РО-ССИЯ – ДЛЯ РУССКИХ!!!
 МОС-КВА ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!!!

МЫ НИГ-ГЕ-РОВ ПО-ВЕСИМ!
 МЫ ВЫРЕ-ЖЕМ ХАЧЕЙ!
 РОС-СИЯ ДЛЯ РУССКИХ!!!
 МОСКВА ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!!!

Надо было взбодрить личный состав. На седенье вскочил Роммель и даже как-то неуверенно спросил:

– Зиг?

– ХАЙЛЬ!!! – выдохнул в ответ вагон.

– Зиг? – уже громче и уверенней спросил Роммель.

– ХАЙЛЬ!!! – восторженно проорал вагон.

– Зиг? – еще громче спросил Роммель.

– ХАЙЛЬ!!! – рявкнул вагон.

– ЗИГ? – уже заорал Роммель, да так, что покраснел лицом и на шее на мгновение вздулись жилы, и выкинул вперед правую руку, хлопнув ладонью по сердцу.

– ХАЙЛЬ!!! – ответил вагон так, что задрожали стекла. Немногих попугчиков из гражданской публики как ветром сдуло.

Дальше темп нарастал – вопросы Роммеля и ответы всей бригады шли громче и быстрее.

– Зиг?

– ХАЙЛЬ!!!

– Зиг? – ХАЙЛЬ!!! – Зиг? – ХАЙЛЬ!!! – Зиг? – ХАЙЛЬ!!! – Зиг? – ХАЙЛЬ!!! – Зиг? – ХАЙЛЬ!!!

Кольхался воздух от взмахов тридцати с лишним рук, все быстрее и быстрее выкидываемых на слове «Хайль!» Кто-то предложил спеть «Хорст Вессель». Русского варианта никто не знал, но зато громким хором исполнили первый куплет из гимна РНСС, его-то точно все знали:

ЗАРЯ БЛИЗКА! ЗНАМЕНА ВЫШЕ, БРАТЬЯ!
СМЕРТЬ ПАЛАЧАМ РОССИИ ДОРОГОЙ!
ЗВЕНЯЩИЙ МЕЧ ФАШИСТСКОГО ПРОКЛЯТЬЯ
СМЕТЕТ НАВЕКИ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ГНОЙ!

– Слава России!

– СЛАВА РОССИИ!!!

Похоже, что уже вся длинная «змея» поезда знала, кто едет в последнем вагоне. Можно было ручаться, что национальный состав пассажиров через несколько остановок самоотрегулировался. Оставшееся большинство состояло из великороссов, и хотя им немного мешал рев из последнего вагона, но слушали они его не без некоторого удовлетворения, наблюдая, как лица всяких нелюбимых в народе национальностей спешно выскакивают из поезда на остановках, иногда даже помогая дверям раскрываться. Последний вагон успокоился еще не скоро. Когда иссяк весь репертуар патриотических речевок и когда, не считаясь с полным отсутствием голоса, Квас без особого успеха исполнил свой собственный вариант марша «Deutschland erwache!»⁵, который, естественно звучал как «Russland erwache!», перешли на фанатские речевки. Все пели гимн «Ничего на свете лучше нету...»⁶, причем каждый вставлял название своей команды. Они еще не добрались до опровержения факта, что, дескать, британские фанаты – самые серьезные ребята, а два ближайших вагона уже опустели. Вагон, набитый нацистами, это еще куда ни шло, видимо, думал обыватель, унося ноги, но целый вагон футбольных хулиганов – от этого становится просто жутко.

Постепенно бригада затихла. Погода портилась – начал накрапывать дождь. Гнусь и серость лезла в вагон через окна. На станциях заходили люди – бесцветные тетяки и дядьки с корзинками, сумками на колесиках. Некоторые уходили из вагона, другие оставались и с интересом присматривались к бритым попугчикам. Разговоры расклеились – погода давила. У Кваса першило в горле, он нахохлился, уткнув нос в белый шарф. Рядом Сергей, «мокрый асфальт» по кличке Боксер и незнакомый скин с порезами на гладко обритом черепе отгадывали кроссворд в брошенной кем-то на сиденье газете. Второй «мокрый асфальт» дремал, на соседних скамьях Роммель, Аякс и Молодой слушали анекдот про литовскую школу, который рассказывал высокий парень, не бритый, зато в «конской хулиганке»⁷, повязанной на поясе под бомбером. Кто-то мрачно курил в форточку; сосед, единственный, кажется, кто на акцию напялил белые шнурки, дернул его за цепь на штанах:

– Иди в тамбур.

– Отвали, – лениво огрызнулся тот. – Я никому не мешаю.

Первый не отстал.

– Иди в тамбур курить, в вагоне уже до хрена народу.

Скин вздохнул, выкинул окурок и уселся на сиденье – скучно, даже огрызаться нет

настроения. Лениво звучали голоса:

- Погода – пиздец...
- Долго там еще ехать?
- Минут двадцать.
- Тварь... Все настроение – на хрен.
- Уходить-то там как?
- Да уйдем... – меланхолично отозвались сзади. – Что, в первый раз, что ли?

Свет еще не включили. В вагоне царил полумрак. Перестук колес, частые свистки. Дождь усиливался, сек грязные окна косыми пунктирными каплями. Народу входило больше, поэтому они уступали места, собираясь у выходов, в тамбурах. Курили, травили анекдоты, тянули время. Прошло минут двадцать. Роммель наконец расшевелил свое войско.

- Внимание! Через одну выходим. Чего? Да, после этой.

Квас уже переместился в тамбур, курил. Вся бригада столпилась у одних дверей, Квас потерял Сергея, его зажали в угол. Боком к нему стоял незнакомый скин с зеленой нашивкой «Войковского фронта»⁸. Прислонился лбом к стеклу, поезд трясло. Все перебрасывались короткими фразами, курили, как паровозы. Близость дела сказывалась на настроении. И погода. В воздухе физически ощущалась влага, холодные капли дождя влетали сквозь щели. Быстро темнело. Сильно воняло мочей – промежутки между вагонами активно использовались как сортир бойцами и штатской публикой. Наконец поезд стал тормозить.

- Готовимся, готовимся! – слышались возгласы.

Некоторые прикинули к окнам, пытаясь разглядеть будущее поле боя. Роммель усмехнулся.

- Да не здесь. Нам еще пешком знаешь сколько пиздюхать?

Поезд вздрогнул, дернулся и остановился. Двери разинулись, как пасть. Скины кучей ринулись наружу, подталкивая друг друга локтями. Кто-то загрохал кулаком в дверь между тамбурами:

- Хорош ссать, все уже выходят!
- Пацаны, не теряться!
- Все, все, выходим!
- Заебал на ноги наступать!
- Оп-па!

* * *

Дождь уже не похлестывал, а нехотя капал с темного неба. Бригада стояла двумя тесными кучками у кирпичной тумбы с расписанием поездов. С интересом и незлобными комментариями разглядывали небрежные надписи зеленой краской: "Jungle Rock", "Ice Cube" и ниже – "Скины – уроды!" Тупо мельтешащие по своим делам люди оглядывались на них. Обе группы перекликались, не потерялся ли кто. Плясали огоньки сигарет. Вроде все были на месте. Густой колонной они шагали по загаженному бомжами подземному переходу. Только здесь Квас отыскал, наконец, Сергея. У самой автобусной остановки все войско с ходу уперлось на двух деятелей в «несуразных», как выразался Роммель, штанах. Мороженое, которое они ели под дождем, сразу комами застряло в рэперских глотках. Аякс вежливо попросил мороженое. Рэперы его отдали, в виде уплаты получив несколько пинков и зуботычин. Роммель, комментируя каждую зуботычину, мотивировал их тем, что "вы, ребята, одеты как черные расисты!" Потом Боксер обвинил их в том, что это именно они написали "Скины – уроды!" "Ты сам урод, понял?!" – крикнул один из пионеров, и наотмашь врезал тому, кто повыше.

– Недосуг об вас мараться, ублюдки. – бросил им на прощание Боксер, плюнув обоим на трубы. – Вы даже не представляете, как вам повезло. Живите, козлы! Привет Михею!

Разминка закончилась. Довольно стройной колонной бригада затопала по обочине шоссе. Квас слышал, как пластается грязь под ботинками. Мерный шум множества шагов спланировал. Они теперь представляли собой не толпу, где половина была незнакомая или малознакома между собой, а единый организм, шедший под командованием к намеченной цели. Это была уже армия, пусть небольшая, но армия, спаянная одной идеей, этим паршивым вечером, шумом

собственных шагов. Квас шагал за Поваром, машинально подстраиваясь, чтобы идти в ногу. Это было трудно – Повар слегка прихрамывал, да и передние постоянно ломали шаг. От курева спеклось в горле. Квас достал медовый «холлс», и леденцы тут же пошли по рукам.

Шли уже минут тридцать. С одной стороны шоссе тянулось редколесье, за которым темнели ряды «ракушек», а еще дальше светились окна четырехэтажных «немецких» домов. С другой стороны – тропинка, отделенная от шоссе кустарником, а за ней мокли под дождем дачи. Сильно пахло мокрой листвой, мокрым разбухшим деревом. Стойко держался аромат недалекой помойки.

– Шаг прибавили, не успеем!

Колонна захлюпала по грязи энергичней. Дачи слева закончились. Темнела за четырьмя рядами «ракушек» многоэтажная блочная башня. У подъезда было людно – прыгали звездочки сигарет, то и дело вспыхивал нарочито развязный смех, часто доносился мат. Тусклые звуки мокрого вечера и яркие звуки гуляющей молодежи вдруг перечеркнуло дребезжание пустой пивной банки, отброшенной чьей-то ногой.

– Оп-па, клоуны!

Роммель с сомнением посмотрел на часы – это было не то место, куда они стремились.

– Проверим, хрен с вами. Только не все – человек десять, и побыстрее.

Аякс, Молодой, Сергей, Квас и с ними еще четверо внезапно вышли из-за ракушек. Пряжи и цепи в опущенных руках были готовы к бою. Все воинство напряженно замерло за «ракушками» – ловили каждый звук, надеялись, что это рэперы, что сейчас они их сомнут, разгонят, вдолбят в асфальт упавших. Бездействие уже начинало бесить.

Увидев бритых, компания резко замолкла, сбилась в кучу и отступила к подъезду. Обе группы некоторое время молчали, только дрожали в руках у некоторых сигареты. Между ними, как пограничные вехи, стояли на асфальте две бутылки аперитива.

– Ну, кто тут рэпер, выходи! – задорно спросил Аякс.

Молчание.

– Чего молчите? Рэпера, давай, выходи, ну!

– Мы не рэперы.

– А кто такие?

– Мы, вот, живем здесь...

– А чего это вы, мужики, за девчонками прячетесь, а? Выходите-ка на свет, мы на ваши штаны поглядим. (За «ракушками» – взлет надежд!)

Ребята, подталкивая друг друга, обреченно вышли. Так, ребята как ребята. Несколько в бомберах, но бомбера ведь носят все кому не лень. Один малорослый металлюга.

– Ладно, мужики, извините, обознались. Все нормально, отдыхайте дальше.

* * *

Колонна опять проходила по какому-то совсем небольшому дачному поселку. То и дело чернели недостроенные громады бандитских особняков.

– Не хило братки строятся.

– А пусть строятся. Все равно им всем пиздец скоро. Как Муссолини, за год, да, всех братков перестрелял?

Они все шли, шли, шли. От станции отошли, наверное, с час назад. Наконец поселок кончился. Чуть дальше был пригорок с огромным кривоватым дубом. Под ним две «ракушки», дальше спуск, весь изрезанный колеями от грузовиков. Через дорогу начинался спальник. Роммель собрал всех, как насадка цыплят.

– Все, пришли. Они во дворах тусуются. Главное, – пересечь открытый участок. Ну, готовы?

– Подожди, блин, Роммель! Дай отошьем.

Человек пятнадцать выстроилось в сторонке. Роммель нервничал – момент внезапности мог быть упущен. Драки он не боялся – они могли сейчас погнать и толпу человек в семьдесят, а просто – ну, внезапность есть внезапность. Налетели, положили, и все, ищи ветра в поле. А так шум, гам, крик, беготня, еще ктонибудь в милицию позвонит. А позвонят точно – рэпера-то

все местные, и валить их будут, считай, под окнами их квартир.

– Ну, быстрее там ссыте!

– Все, поссали? Итак, слушай сюда. Дома идут прямо, потом – пустырь, за ним станция. Проходим быстро, мочить только рэперов, если кто сомневается – ну на хрен, не бери греха на душу. Громко не орать. Все готовы?

– Все.

– Ну, с Богом! Поехали!

Не теряя времени, бригада с гулким топотом ворвалась через арку во двор. У Кваса все отпечаталось в сознании урывками, и уже через день он, убей Бог, не мог бы все вспомнить. Дробный топот шагов по асфальту. В неровном свете фонарей Квас видел впереди и вокруг себя дергающиеся в беге фигуры. Бежали, не огибая луж – в лицо ему пару раз брызнула грязь. Хрипло зашлась собака, и голос, дрожащий от возбуждения, заорал:

– Убери собаку! Убери собаку, блядь!

О-па! Первый! Опрометью бросился к подъезду парень в желтой куртке, а сзади чуть подрагивали качели, и окаменевшая девчонка все еще сидела на них. Парня сбили у самого подъезда. Вокруг него сразу столпилось столько народу, что Роммель заорал:

– Не останавливаться! Дальше, блядь, дальше погнажи, мы догоним!

Боксер обрушил на голову парня свою знаменитую пряжу. От тычка пыром в пах парень завопил и согнулся, схватившись за промежность. Его со вкусом оттянули пряжей по хребту. С криком тот разогнулся резко, как пружина, переворачиваясь на спину. Отставший, а теперь нагнавший своих Молодой прыгнул на парня с разбегу двумя ногами. Гриндера скользнули по телу, и Молодой чуть не упал – потерял равновесие. Дальше на освященном пятачке у подъезда пошла зловещая возня, когда четверо человек изо всей силы и злости пинают парня в желтой куртке, а он орет и дергается из стороны в сторону.

Их огибали все остальные, уносились дальше – использовать момент внезапности. Аякс промчался мимо качелей и резко затормозил возле девчонки.

– Твой? – крикнул Аякс ей в самое лицо.

Она машинально кивнула, не отводя расширенных глаз от подъезда.

– Поняла, как мы валим рэперских скотов?

Квас дернулся на бегу, остановился, пнул рэпера пару раз своим излюбленным способом – круговое движение ногой по часовой стрелке или против нее, и сверху на голову поверженного врага обрушивается дробящий удар пяткой – раз! раз! – бросился со всеми дальше, вперед, вперед, пока двор вроде бы еще не ожил. Его обгоняли, на бегу обмениваясь отрывистыми фразами.

Встретились с группой Бабса у арки. Те тоже прибежали вразной, тяжело дышали, махали руками, матерились.

– Ну как?

– Короче, завалили одного, с бабой на качелях сидел.

– Точно рэпер?

– Сто пудов. А вы?

– Стали у подъезда одного валить, да тетка с собакой вмешалась, сука.

– Все здесь? Отставших нет?

– Серег, ты здесь?

– Здесь.

– Все вроде.

– «Вроде» у бабки в огороде. Точно все? Смотрите.

– Аякса нет.

– Здесь я, блядь, за Бабсом спрятался.

– Все, за дело. Таким макарком еще двора два-три прочешем. Поехали!

В середине этого двора было нагромождение «ракушек», и они опять разбились на две группы. Волна криков, дробного топота катилась вперед, ее сопровождали, как шлейф, вопли и завывания автомобильных сигнализаций. Вперед, вперед! Но внезапность уже исчезла. Из-за занавесок выглядывали люди, впереди отрывисто хлопали двери подъездов – кто-то поспешно скрывался в домах. От темного нагромождения «ракушек» резко рванул какой-то кекс. Ребята

взрели и стали нагонять – все-таки охота за обезумевшим человеком возбуждает. Беглеца стали настигать. Ближе. Ближе. Кваса и Роммеля, державшихся впереди, сначала обогнал какой-то скин, тот, кажется, из Войковского фронта, а потом вдруг вперед вырвался Молодой, примериваясь пряхой для удара, и понесся вперед размеренной рысью. Когда до вихляющего на бегу беглеца оставалось метров пять, Молодой оттянул руку с пряхой и торжественно провозгласил:

– Смерть рэперам!

Бегущий парень рванулся из последних сил, чтобы не попасть под первый удар, а то после первого удара по людям пробегает искра, и там уже особо не разбираются. Если передний счел нужным кому-то врезать, значит причины были, и тут уже не до вопросов. Пряха свистнула в воздухе, парень увернулся и заорал:

– Стойте, я не рэпер!

– Замри, урод, блядь! Если ты не клоун, тебе ничего не будет.

Парень резко встал, как вкопанный. Подскочивший сбоку пионер тут же дал ему в зубы.

– Да не рэпер я, хватит!

– Кончай гнать, здесь все рэпера!

Все набежавшие и тяжело дышавшие скины не могли смириться с мыслью, что такая веселая охота на человека кончилась так плачевно.

– Да не рэпер я!

– А хули ж ты тогда бежал, а? Какого хрена убегал? Стоял бы на месте.

– Да-а-а, стоял. Прикиньте сами – ночь, крики, толпа такая несется, блин. Тут два каких-то пробежали, кричат – сваливай, бритые всех валят...

– Запомни: никого никогда просто так не валят.

– Точно не рэпер? А чего слушаешь? – отдельные энтузиасты мордобоя все еще надеялись к чему-нибудь придраться, а то, в натуре, гнали, гнали – и вот вам, пожалуйста! Нехорошо!

Парень открыл рот, чтобы ответить. Вряд ли, конечно, он назвал бы «House of Pain» или «Bad Balance» в такой ситуации, но тут заорал благоразумный Боксер:

– Да вы чо, охуели! Какая нам разница, что он слушает! Он сейчас скажет, что с пеленок их слушает! Штаны на нем нормальные, пусть идет своей дорогой! Время, блин! Дальше побежали!

Вокруг одобрительно зашумели энтузиасты не просто мордобоя, а именно идейного мордобоя. Они только что с удовольствием гнали этого парня по темной улице, но вот оказалось, что он не рэпер, и они сразу потеряли к нему интерес.

– Точно, быстрее надо! Сейчас уже, небось, кто-нибудь в ментовку позвонил.

– Парни те какие были?

Парень указал на широкие штаны, что естественно для нормального человека, для которого такой размер штанов необычен.

– Куда они побежали?

– Да они на бегу попрощались, один в этот подъезд заскочил, а второй туда куда-то.

– Все, не достать ублюдков. Ладно, парень, извини, все нормально. Только на будущее: не чувствуешь вины – не убегай. Догонят – разбираться особо не будут.

– Хорошо, что я сказал насчет рэперов, – догадался Молодой. – А то бы въебал молча и все, парень сейчас бы уже созрел бы для больницы.

– Слушай, а ты знаешь, там, в первом дворе, такой мудака, в желтой куртке?

– Мужики, я не местный. Тут брат с женой живут. Ну видел я его пару раз сегодня.

Дмитрий, по-моему, его зовут.

– О, Квас! Тезку твоего замочили.

– Сильно вы его?

– Норма-а-ально, блядь, до свадьбы хрен заживет.

– Прикинь, его родители. Сынок, ха-ха, чисто погулять вышел!

– Все, харе. Распиздились... Время, время! Дальше погнали!

Следующий двор-колодец уже вымер. Даже собачники куда-то подевались. Группа Бабса уже кучковалась у арки и жестами показывала, чтобы подходили быстрее и не особо шумели. Последний дом перед пустырем был когда-то построен в форме буквы «П». В перекладине

буквы была арка, у которой сейчас скины обменивались впечатлениями, а между палок располагался детский сад за сетчатым забором.

Вся бригада сгрудилась у арки, передние осторожно выглядывали, смотрели, что происходит в детском саду.

– Тише, бля. Сидят.

– Кто?

– Хуй знает. На веранде сидят.

– Дай посмотреть.

– Тихо ты! Еще бы по пояс высунулся.

– Эй, сколько их там?

– Нормально.

– Башку спрячь, дурак.

– Тихо, – свистящим шопотом сказал Роммель. – Бабс – вы в детский сад. Мы окружаем.

Дальше пустырь. Там – видите, огни, – там железная дорога.

– Странно, Роммель. Сидят, будто ни хрена не слышали!

– Какая разница, вперед!

Арка вдруг изрыгнула из своих темных глубин одинаково одетую толпу. Кинулись молча, без крика. Видать, ребята на веранде были не в лучшей форме, потому что заметили скинов, только когда они во главе с Бабсом, возвышавшимся над соратниками, как римская осадная башня, с шумом ворвались на веранду. Когда скины неслись к веранде, там кто-то включил магнитофон. Музыка сразу избавила от сомнений – эти ребята как раз те, ради которых Роммель недели две сидел на телефоне, мобилизуя людей из разных районов Москвы. Как сказал бы какой-нибудь писатель-баталист, «...тишина была разорвана зловещим грохотом кованых сапог...» Наиболее трезвые брызнули с веранды врассыпную. Остальных захлестнула волна скинов. Захлебнулся собственным рэпом магнитофон, сброшенный чьим-то пинком на землю. Орала девочки – в темноте и неразберихе они пытались выдраться из рукопашной. Шумно катались под ногами бутылки. Слабое сопротивление было скинами задавлено, смято множеством ударов, и началось побоище. Звонко лопнула о чью-то голову трофейная бутылка с недопитым пивом, и пиво потекло вниз, мешаясь с кровью. Скины суетились, как муравьи, по всей территории сада. Рэперов гоняли, настигали, стаскивали с забора, охаживали пряжами, били цепями и пинали ботинками. Некоторым удавалось перемахнуть через забор. Там их встречали с распростертыми объятиями Роммель и компания. В темноте, при зловещем свете далеких фонарей, эта картина напоминала Ад в разгаре рабочего дня, когда черти преследуют и тащат во всех направлениях упирающихся грешников. Бабс бил кого-то урной. Молодой, грамотно размахивая пряхой, запытил в угол веранды нечто в бейсболке и балахоне. После зуботычины нечто ойкнуло, и Молодой понял, что это девочка. Взяв за шиворот, Молодой поволок ее через поле боя. Какой-то усердник сбоку саданул ее по голове. Рэперша вскрикнула, закрыла голову руками, машинально прижалась к Молодому.

– Хорош! – остановил усердника Молодой. – Мужики, это баба, не бейте.

– Эй! – встряхнул ее Молодой. – Слышь, телка, пиздуй домой и веди себя хорошо!

* * *

На Кваса и еще четверых жертва свалилась прямо с неба, точнее, с забора. Ускользнув в самом начале потехи с веранды, парень в длинной черной фуфайке с эмблемой «Nike» на груди и трубах и белых кроссовках, вдруг вынырнул откуда-то из темноты, одним махом перелетел через забор, и только тут понял, что попал он из огня да в полымя. Внятно сказав "Ох, бля!", он развернулся и еще быстрее опять взлетел на забор, но мокрые, заляпанные красным гравием, кроссовки выскальзывали из квадратиков сетки. "Войковский фронт" уцепился за забор и стеганул пряхой ему по пальцам, а Аякс, ухватившись, за рюкзак, сдернул рэпера с забора вниз. Жертва шумно обрушилась в мокрую траву. Только что они с завистью наблюдали за побоищем на веранде, а теперь разом бросились на свежего врага. Градом ударов его буквально вмяли в землю. Вокруг рэпера сгрудились, ругались, мешали друг другу точно ударить, попадали по ногам соратникам. Метили по бокам и в голову. Боксер прыгал на рэпере, говоря

нарочито противным голосом и подражая "Romper Stomper":

– Вре-е-мя подыха-а-ать, рэперский навоз!

Когда клоун перестал дергаться, скины огляделись. Некоторые сели на корточки и закурили. Вся возня стихла – шоу закончилось. У веранды смутно темнели несколько поверженных врагов. Ребята из группы Бабса, вчистую расправившись с рэперами, молча перескакивали через забор. Еще одна группа, державшая забор с другой стороны, весело дубасила кого-то. Двое любителей отправились туда – на помощь. Наконец перед началом пустыря все сошлись вместе. Дышали все шумно, начали обсуждать и обсасывать свои подвиги. Но Роммель прервал:

– Все базары по пути. Уходим, блин, уходим! Мы отметились в этом районе, теперь здесь еще год об этом рассказывать будут. Мы войдем в историю, пацаны! Теперь дело за малым – доехать до дома. Странно, что менты еще не шевелятся.

Оглядываясь на поле битвы, они быстро уходили к станции, каждую секунду ожидая услышать сзади милицейские сирены. Пока сзади было тихо. Пустырь тянулся километра полтора-два, минут двадцать быстрой ходьбы по такой ужасной грязной дороге. По пути подвели итоги. Семь или восемь человек точно сейчас поедут в больницу. Немного для тридцати четырех бойцов, но уж зато качество работы было отменным, и потом думали-то, что рэперов будет больше. Особенно не повезло одному – у забора. Он валялся на пути отступления всей колонны, и каждый считал своим долгом пнуть его пару раз на посошок. Десяток рэперов, зажимая пробитые головы, разбежались во всех направлениях. Потери – в свалке на веранде двоим пионерам слегка перепало по лицу. Причем непонятно от кого, возможно, что и от своих, так, случайно.

Квас, Молодой, Сергей и Аякс шли впереди всей колонны и беседовали о футболе. В совместных акциях бок о бок сражались за общее дело «мясные» и «кони», «паровозы» и «мусора», а также «мясные шлюхи» – «торпедоны». Квас был «динамиком», и сейчас в дружеском выяснении, какая команда дерьмо, он противостоял двум спартачам, Аяксу и Сереге, и «торпедику» – Молодому. Но вообще все они утверждали, что идиотизм – когда русские ребята разбивают друг другу лица из-за шарфов разных расцветок, когда по улицам русских городов шляется столько всякой мрази. Они прошли где-то две трети пути, когда опять стал накрапывать дождик и когда из темноты донесся тихий разговор, а затем нарисовались четыре фигуры. Не останавливаясь, бритые надвинулись на них. Квас вышел чуть вперед и попытался осветить первого дрожащим огнем зажигалки:

– Стой. Если вы не рэперы, вам ничего не будет.

Вместо ответа ему сейчас же прислали по физиономии, и тут же раздалось два вопля:

– Бритые!

– Клоуны!

Квас рванулся вперед, схватил рэпера в «стальной зажим» и вместе с ним упал на землю. Над ними тут же трое скинов сошлись в рукопашной с врагами. Квасу еще добавили, тот был здоровее, кроме того, он был напуган, и хотел вырваться. Напороться на основные силы скинов ему не улыбалось.

Квас вцепился в рэпера, как клещ, но тот рвался осатанело, наконец, дернулся, ударом наотмашь швырнул Кваса на землю, вырвался, пнул ногой под ребра и убежал. Западло, что именно этот рэпер, одолевший Кваса в коротком поединке и нанесший ему болезненный, хотя и несильный урон, именно он и спасся из всей группы. Через мгновение после того, как рэпер унесся в темноту, подмога накрыла место схватки – и все было кончено. Квас стоял на коленях, задрал голову – был разбит нос. Болела скула от последнего удара. Редкие капли дождя, капавшие на лицо, были приятны. Прижав платок к носу, он медленно поднялся. Вокруг двух сбитых рэперов царило недоброе оживление. В этой бестолковой стычке, кроме Кваса, пострадал еще и Молодой. Ему, скользя, досталось пивной бутылкой по черепу. Квас растолкал друзей и тоже приложился по рэперам, но тут кто-то заорал, как ненормальный:

– Электричка!!!

Счет пошел на секунды. В любой момент могла возникнуть милиция, и точно, она появилась. Завыла сирена, но где-то далеко сзади, когда скины, матерясь, отступаясь, разбрызгивая грязь, подлетали к станции, почти вровень с начавшим тормозить составом.

Несколько бойцов первыми ворвались в тамбур и исправно держали двери, пока вся бригада не оказалась в поезде. Квас забежал одним из последних. Когда он бежал, разбрызгивая кровь из носа, по бетонной лестнице, он подскользнулся на ступеньках, его кто-то поддержал, придал направление, крикнул вперед:

– Раненых не оставляйте, бля!

Электричка тронулась. Фу-у-у, ну все, теперь – домой. Скоро, уже совсем скоро все будут ужинать, сидя перед телевизором, отмокать в ванне. А сейчас можно успокоиться, расслабиться, потрепаться. Можно спокойно покурить в тамбуре, обстоятельно привирая о своих подвигах. Они шумно расселись по вагону. Человек десять пошли в следующий. Квас завалился на лавку и запрокинул голову. Подошел Сергей, посмотрел.

– Ну как?

– Хреново – во время бега все растряс.

– Сильно идет?

– Да уже нет, вроде.

Из соседнего вагона пришел Аякс, хлопнул его по колену:

– Ну как, Митяй, больно?

– Да не особо. А Молодой, как, у вас там сидит?

– У нас. Давай платок, у нас там парень с девушкой, у них минералка холодная, пойду смочу, если хочешь.

– Давай. Спасибо.

– Квас, еще есть платок? Тоже смочу, умоешься, у тебя вся рожа в крови.

– Разбрызгал, пока бежал.

Сергей достал свой платок.

– Возьми мой, если нет, он чистый.

– Да чего, Серег, не знаешь, что ли? У Кваса, блин, всегда их с собой целый мешок. Ага. Ну, сейчас, я приду.

От сочувствующих реплик Квас недовольно отмахнулся.

– Мы десять человек по больницам разослали – должен же был кто-нибудь из наших огрести?

– Гордись, Квас! Не по пьянке по роже получил...

– Ага, а сражаясь за нацию. Знаем, знаем: «так лучше, чем от водки и от простуд...» Да пошел ты!

– Во, глядите, Бабс пирожок ест!

– Уже где-то надыбал!

– Откуда взял-то, Бабс?

– С собой был.

– И молчал, да? Ах ты ж-ж-жопа!

– Бабс, видел бы ты сейчас свою довольную рожу!

– Отстаньте вы от меня. Человек вкалывает на оптовом складе по двенадцать часов, может же он себе иногда марципан позволить?

– Это марципан, что ли?

– Ага, с маком!

– Ах ты рожа! Так ты еще и наркоман к тому же!

– Жизнь наркомана – дерьмо!

– Бабс, дай куснуть!

– Да ты чего, он его уже сожрал.

– Вот так вот, Бабс! Ты знаешь, чего ты сделал? Ты обожрал голодных соратников!

– А прикиньте, в походе?! Он и плащ на одного себя накрутит!

– Да я хоть в походе, хоть не в походе, а спать с тобой рядом не лягу.

– А чем я тебе не нравлюсь, противный?

Развлекались, короче, – нашли жертву для незлых подначек. Тут в вагон зашел серьезный Роммель, а за ним – Аякс с двумя платками. Аякс отдал платки, и они с Сергеем стали координировать умывание Кваса:

– Ниже.

- Левее.
- На подбородке.
- На скуле.
- Не, не на этой.
- Вот и т. д.

Роммель взялся за железные ручки на спинках скамей.

– Мужики. Поступило предложение... тише, бля... мужики, есть предложение напоследок промяться по вагонам на предмет обнаружения ниггеров, хачей и прочей дряни.

- погоди, Роммель, Квас вот кровь остановит.
- Да все уже, по хую, она уже не идет. Пошли.
- Пошли, мужики!

– Пошли, – кивнул в сторону Роммель, резко развернулся на пятках и двинулся вперед. За ним гуськом потянулись все остальные. Во втором вагоне скины уже столпились в тамбуре. Стоял возбужденный гомон голосов.

– Все ясно? – спросил Роммель. – Всей кучей не кидаться. Вот я, Бабс, Аякс, Повар – для начала хватит. Стоп-кран держите. Все ясно? Пряхи, цепи – в конец колонны. Все, готовы? Поехали.

Роммель пошел первым, за ним Бабс и все остальные. Шумно распахивали двойные двери, шли, шатаясь от тряски поезда, внимательно разглядывали пассажиров. Те удивленно поднимали глаза от книг и газет, прерывали разговоры, оглядывались вослед.

Они напоролась на того, кого искали, через четыре вагона. Объект сидел к ним спиной, справа от дверей на втором сиденье в углу у окна. Вагон был идеальным для работы – полутемный и почти пустой. Его население составляли две пожилых и одна молодая пара, алкоголик и старичок-дачник в потертом камуфляже и резиновых сапогах, читавший «Работницу».

– Штурм, – тихо сказал Роммель. – пробегись по остальным вагонам, оцени обстановку.

Штурм ушел. Объект был окружен плотным кольцом дрожавших от нетерпения бритоголовых. Объект – хорошо одетый молодой кавказец с одуловатым полным лицом – дремал, подергивая головой. Теплый темно-зеленый плащ был распахнут, демонстрируя окружающим шикарный костюм, а сбоку от кавказца стоял дорогой матовый дипломат. Очнувшись вдруг от дремы, кавказец обнаружил сидящих и стоящих повсюду злых скинов, а остальная публика жалась к противоположному концу вагона. Там стоял заслон из двух «мокрых асфальтов», и Боксер вежливо, но властно убеждал всех остаться в вагоне, обещая, что нормальных людей не тронут. Кавказец тоскливо забегал глазками по лицам, но всюду встречал злорадные и жестокие взгляды. Два раза он пытался встать, и оба раза его за плечи сажали на место. Они ухмылялись ему прямо в лицо, деловито снимая у него на глазах пряжи и цепи. В вагоне повисла гнетущая тишина, только один раз, когда жертву возвращали на сиденье, Аякс отрывисто бросил:

– Куда ты? Спокойней, мужик, теперь уже все.

Воздух был наэлектризован спокойной расчетливой злостью. Напряженность ощущалась почти физически. Сергей часто сглатывал и поводил плечами. Невозмутимый Бабс в упор смотрел на кавказца, луща семечки, которые он выудил из своих бездонных карманов на пятнистых натовских штанах. Квас во все глаза глядел на жертву, пытаясь рассмотреть физические перемены в нем, связанные с тем, что вот еще только что этот тип ехал по своим делам, его что-то ждало впереди, а вот теперь все изменилось в одну секунду – будущее его окутала темнота, и все это случилось в тот момент, когда первые скины шумно ввалились в вагон, но этого события, для всех остальных такого незначительного, а для него слишком важного, он так и не заметил – спал. Теперь ему оставалось только ждать расправы – ждать тем ожиданием, которое страшнее смерти, потому что сводит оно с ума, закручивает нервы в канаты и рвет за считанные минуты. Вернулся Штурм, кивком головы подтвердил, что все спокойно. Поезд тормозил – будет остановка. На остановке зашел парень, оценил ситуацию и быстро перешел в другой вагон. Счет пошел на секунды. Счетчик в голове у каждого отсчитывал с бешеной скоростью: «... 04, 03... Ну, давай-те же, начинайте кто-нибудь!» Ребята из бригады Роммелля поглядывали на Бабса. Он почти всегда начинал первым, потому что был

массивен и на тренировках по рукопашному бою ему неплохо поставили удар. Молодой нервно звенел цепью, намотанной на кулак. Роммель вышел на середину вагона.

– Уважаемые РУССКИЕ пассажиры! Не бойтесь. Сейчас будет проведена акция по зачистке Русской земли от...

Под эти слова поезд тронулся вперед. Это был сигнал. Напряжение последних секунд разом испарилось, появилось только радостное боевое возбуждение. С криком Пора!!! массивный Бабс легко вспрыгнул на сиденье скамьи за спиной кавказца и поразил его голову мощным ударом гриндера. Голова жертвы звонко врезалась в оконное стекло. Посыпались осколки.

Во всем вагоне скины повскакали с мест. Кавказец с воплем вскочил, держась за голову. На осколках, торчащих в раме окна, была кровь. Кровь текла по пальцам, которыми кавказец прикрывал правую половину лица. Вид первой крови и явственный вопль жертвы ударил по мозгам – указания Роммеля сразу были забыты. Всем нетерпелось принять участия в расправе. Со всех сторон, как пантеры, прыгая через сидения, на врага ринулись скины. Кавказец закрыл руками голову, пригнулся и отвернулся к окну. Ему сзади так напододали, что стекла брызнули во второй раз. Опять вагон потряс пронзительный вопль. Потом Квас с кличем «Сдохни, сука!» подтянулся на багажной полке и сбоку щечкой ботинка, как по футбольному мячу, смазал кавказца по затылку. Подскочивший Молодой закрестил его цепью. Кавказец, спиной к окну, сполз по стене на пол, прикрываясь дипломатом. Бабс протиснулся между сиденьями, пинком выбил дипломат из его рук и стал лупить кавказца ногами, надсадно выдыхая при каждом ударе. Вокруг бесновались остальные, которые из-за спинок скамей и массивного Бабса не могли дотянуться. Только Повар и Молодой через спинки скамей обстреливали кавказца ударами пряжи и цепи. Попадали, правда, редко. Бабс развлекался. Перстав бить, он нагнулся и спросил:

– Что ты тут делаешь, ублюдок?

– Нэ надо!

– Что не надо? Хуль ты приперся сюда, к нам, а?

Бабс продолжил.

– А-а-а-а, сук-ка! Сдохни! (Удар!) Сдохни! (Удар!) Сдохни! (Удар!).

Бабс бесновался, пока его выволакивали чуть ли не за шкурку. Всем хотелось приложиться. Бабс махал ногами в направлении кавказца, но уже не дотягивался. Воспользовавшийся этой заминкой, кавказец на корточках полез под лавку. Наконец Бабса вытащили в проход между скамьями и на его место тут же хлынули новые бойцы. Тут уж удары посыпались, как горох. Кавказец укрыл голову под лавкой и принимал удары корпусом, крича из-под лавки свое «Нэ надо!».

– Гнида черножопая!

– Тащите его, блядь!

– В голову его, в голову бей!

– Места мало, блядь! Отойдите же кто-нибудь!

– Да дайте же ударить по-людски!

Вокруг жертвы царила зловещая суетня. Кавказец уже непрерывно вопил, предлагал денег, а его всем миром пытались вытащить из-под лавки. Страшна сила человека, когда уже не он, а его организм сам цепляется за жизнь. Тащили его тяжело, все время били. И вот уже почти весь он, в своем плаще, заляпанном кровью, лежал между скамьями, только голова еще была под лавкой. Но тут он отчаянно задергался и опять нырнул обратно. Кавказец там за что-то зацепился намертво. Его опять поволокли наружу. На кавказца прыгали со скамей с криком «Отцепись!» по несколько человек за раз, лупцевали цепями, плющили ботинками.

– Дергайте его, ну!

Стали тащить рывками. Раз, другой – оторвался. Кавказца и вцепившихся в него скинов разом вынесло почти на середину вагона.

– Кончай комедию! – заорал Роммель. – Хватит, в окно его на хуй!

Избивая, кавказца поволокли к ближайшему окну. Он уже обезумел, кричал, пытался кусаться, хватался за всех липкими от крови руками. В густой шапке черных скрученных волос зияли ярко-розовые проплешины.

– Во, блядь, кровищи-то! В светлых джинсах кто, не лезьте!

Кваса оттерли от кавказца свои же. Обратное он рваться не стал – хватит на сегодня. Да и что это, шутки, в самом деле? Что, у него нервы железные, что ли? Рядом стояли и тяжело дышали такие же, как он, принимавшие участие в расправе почти с самого начала. Кучка из человек семи, среди которых все еще трепыхался кавказец, с криками, воплями, матерщиной, медленно перемещалась к окну, возле которого стоял Бабс. Роммель давно уже кончил свое обращение к пассажирам, а они все еще сидели, как окаменелые. Еще бы – ну да, с некоторым злорадством ждали, что сейчас побьют хачику морду, но чтоб такое!

Бабс в два захода разбил окно, когда шевелящаяся кучка людей была уже у самых скамей. Поднялся страшный гвалт, крики и злорадная ругань, потом раздался вопль «Оп-па!», мелькнули изящные вишневые башмаки, полопались острые, как бритвы, осколки окна, когда через них кавказца проталкивали наружу, и настала тишина. Кавказец сошел с поезда. Скины некоторое время молчали, переглядываясь, осматривая поле боя. Всюду была кровь. Между рядами скамей валялся окровавленный галстук. Боксер поднял дипломат и, сплюнув, отправил его в окно. Внятно слышалась злобная ругань тех, кто из-за столпотворения так ни разу и не сумел приложиться.

– Хаааа! Ауфидерзейн!

– Туда ему и дорога, ублюдку!

– Низко летел – к дождю!

– Блин, ребят! Я ебал – чо ж такое-то?! Вас хрен растолкаешь! Вы чего?!

С поезда скины исчезали очень быстро – по четыре, по пять человек соскакивали на промежуточных станциях. До вокзала не доехал никто – боялись, что их там могут отлавливать по одежке, если не красовские менты оповестили о погроме. Доехав, все обзванивали друг друга, узнавали, кто как доехал. Часам к двум все, наконец, успокоилось. Квартира была пустая, и Квас без помех разобрался с вещами. В ванной он брезгливо осмотрел свои боевые штаны и понял, что их надо замачивать. Пробыло три часа утра, а Квас уже спал, и засыпал он, надо сказать, с чувством до конца выполненного долга.

ГЛАВА 3

Уже, похоже, всем набила оскомину аксиома о понедельник. Якобы он день тяжелый. Да, для Кваса этот понедельник действительно обещал быть тяжеловатым – первый рабочий день на новом месте.

Будильник разбудил его точно в семь утра. Квас продрал глаза, пробурчал что-то отдельно похожее на длинное витиеватое ругательство, вскочил с кровати и потащился в ванную. Квас всегда тяжело вставал, особенно в семь-восемь утра. Еще в колледже ему было легче вскакать чуть свет на нулевую пару, чем вставать к первой. «Еще часов до одиннадцати вообще никакой буду!» – решил Квас, выходя из ванной и направляясь на кухню пить чай. Прохладный душ не принес никакого результата. Как только на кухне он уселся на стул, сразу почувствовал, что засыпает. Отец еще не проснулся, а мама уже ушла на работу в свой НИИ, оставив на столе пару бутербродов с сыром. Зевая и ругаясь вполголоса, Квас положил перед собой часы и, глядя на них, стал пить чай с лимоном, часто дуя в кружку.

...Пришло время одеваться. Он надел черные джинсы, простые ботинки, рубашку и темный джемпер. Писать на лбу слово «скин», чем он в шутку пугал отца, он не стал, прошел в свою комнату, открыл окно и закурил.

Ладно, пора. Теперь он не Квас, а просто Дмитрий.

Без пяти восемь этот Дмитрий тихо вступил под своды магазина. Первый рабочий день начался вяло. Утро, и еще, естественно, почти никто не горел желанием делать покупки. Дима ощущал легкий дискомфорт оттого, что никого не знал. Две кассирши ограничились поверхностным знакомством и сейчас беседовали друг с дружкой, не обращая на него внимания. Потом одна ушла, а вторая достала из кассы «Лизу» и стала читать. Дима был предоставлен самому себе. Отчаянно зевая, он медленно слонялся по залу – развлекался тем, что разглядывал, что бы такое он мог съесть и выпить, будь у него много денег. Часто, когда проходил кто-нибудь из персонала, Димка искоса приглядывался к людям, с которыми ему

предстоит работать.

Магнитофон в соседнем отделе выдавал всякую дрянь, и уже через два часа у Димы начало сводить уши. К концу дня он уже зверел от песни «Рейкьявик». Хорошо бы встряхнуть этот магазинчик старым добрым Оi-ем, благо кассета лежала в куртке. Димка взял ее так, для смеха – пусть полежит, хлеба ведь не просит. До обеда в магазине царило сонное оцепенение, потом Дима пообедал на кухне казенными пельменями, а после обеда, где-то с трех часов, повалил народ. Димка встряхнулся. Бойко трещали кассы. Администратор все чаще похаживал по залу, наверно, следил, как ведет себя новый смотритель. И вот уже новый смотритель получает первый втык. Какая-то ушлая бабуля выскользнула через вход, очевидно из-за склероза, забыв уплатить за две пасты. Из того отдела, где были пасты, прибежала девушка и спросила, проходила ли бабуля через кассу. Ей ответили, что нет, и Димке досталось. Но это нормально – боевое крещение на работе, первый кол от начальства...

Первый день тянулся бесконечно. Это было ужасно – часам к пяти Димка уже ненавидел покупателей лютой ненавистью и мечтал об огнемете или пулемете, наподобие того, который был у Рэмбо. Какая-то тетка насела на администратора, стоящего у кассы: молодой человек – де смотрит на покупателей, как на заядлых врагов. Часам к шести Диме уже и в самом деле было наплевать – кто там чего тащит, он смотрел сквозь людей и думал о своем. Например, почему позапрошлым летом, когда он работал в отцовской конторе грузчиком, он так не уставал даже в самые горячие дни, когда «бычки» с книгами шли чередой. А вот сейчас, по сути дела ни черта не делая, уже вымотан весь. Да потому, наверно, что когда вкалываешь, время летит быстрее. А тут ходишь, ходишь, как дебил, – ну, думаешь, час прошел. Смотришь на часы – ага, как же, только двадцать минут.

Молодой тогда был прав: больше десятка человек в зале – следить уже бесполезно. Если у касс хотя бы небольшая очередь, то шоколадки, жвачки, шоколадные яйца и прочая ерунда, выставленная на стеллажах у касс, разлетается просто на ура. Но главная проблема – это сумки. Народ, которого Димка про себя направо и налево крыл матом, упорно не хотел оставлять сумки и брать казенные корзины. Ссылались на то, что там документы, что они идут только за хлебом, за маслом, за пивом и т. д. Или же просто посылали его куда подальше. Димка зверел от своего бессилия – отвечать хамством на хамство ему было категорически запрещено. Покупатель всегда прав, и если он вслух считает, что Димка мудака, то надо отвечать: «Точно так-с. Где уж нам, мудакам-с...» Димка пару раз вежливо просил показать сумки при выходе, но ему их показывали так, что он на будущее зарекся это делать. Все оскорблялись до глубины души, даже тетка, у которой Димка, смущаясь, извлек неучтенную колбасу, перед этим полчаса орала, как это, мол, не стыдно обыскивать честных людей. Один раз Димка сорвался и сказал, что сюда все заходят с такими наивными лицами, будто до пяти считать не умеют (Димка любил Швейка и часто цитировал, особенно ему нравился монолог прапорщика Дауэрлинга про римскую армию, обращенный к чешским новобранцам), а товара на четыре тысячи в неделю непонятно куда девается. Иногда в карманах рыбка оказывается, а как она туда попала – Бог ее знает. Живая, знаете ли, такая рыбка – незаметно так – скок в карман, а человеку неприятности. Или стоит очередь – и вдруг ба-бах! – бутылка у кого-то из-под полы падает и разбивается. И у всех такие честные лица, что становится ясно, что бутылка сама приплыла по воздуху через весь зал и ринулась вниз, словно камикадзе. Иногда студентик из соседней путяры (в магазине два вида товаров были дешевы – хлеб для народа и пиво для студентов и местных алкоголиков, которых Димка уже недели через две всех будет знать в лицо, по именам, и будет знать душещипательную историю каждого) засунет две «Балтики» под куртку, придерживает их руками в карманах и идет к выходу, будто самый умный. Димка для развлечения тормозил его уже у самых дверей, когда парень счастливо проскакивал кассу.

– Пацан, пивко смотри не урони.

– Какое пиво?

– А которое у тебя под курткой. Чего, думаешь самый умный, что ли? Иди давай, оплачивай.

Если это краем уха слышал администратор, то он подводил парня к кассе и говорил:

– Лен, вот этого молодого человека без очереди рассчитай. В нем совесть заговорила и он пиво решил оплатить.

– А Димка наш что, в роли его совести выступал? – спрашивала кассирша, испепеляла парня презрительным взглядом и кривила губки. Очередь тоже внимательно его разглядывала, а если там была какая-нибудь бабулька, то она давала обидные комментарии к нынешней молодежи трагическим шепотом. Особенно ненавидел Димка, когда придут, накупят всего, поскандалят из-за того, что кредитки не принимают, и при этом сопрут какую-нибудь мелочь. Таких фруктов Димке было запрещено трогать, пусть еще приходят и оставляют в магазине свои шальные бабки. Но один раз он не выдержал. В магазин зашла высокая русская девушка, сопровождаемая заросшим щетиной кавказцем. Они взяли тележку и стали набивать ее всякой дорогой всячиной. Димка опять превратился в Кваса и наблюдал за ними с такой дикой ненавистью, что девушка вздрогнула, посмотрела на него и что-то прошептала спутнику. Тот обернулся, оттопырив нижнюю губу, и натолкнулся на прямой взгляд прозрачных от ненависти светло-карих глаз Кваса. «Ну, суки! – думал он. – Ох, суки же! Жаль, что вы по электричкам не ездите. Но ничего, будет и на нашей улице праздник!» Набив тележку всякой дрянью, они поехали к кассе. Лена на кассе с тоской ждала их приближения. «Небось, косаря на полтора затарились, суки!» – на глаз примерно определил Квас, когда заметил, что девушка цапнула фиолетовую керамическую кружку с золотым ободком и быстро сунула в пакет, лежащий поверх горы товаров в тележке. Квас еще послонялся по залу, косясь на них, но потом подошел к кассе. Пакет девушка взяла и отложила в сторону, а все купленное стала перекладывать в две огромные сумки, которые держал кавказец. «Зацепить или не зацепить? – думал Квас. – Она, сука, ее и оплачивать не собирается. Зацепишь, вонь ведь такую поднимет. А, ладно! Хуй с ней! Пусть меня вышибут, но Наташка за эту кружку восемьдесят рублей будет платить, а у нее двое детей, а эта подстилка черножопых на халяву из нее хлебать будет. Хрен тебе за воротник. Замочить я тебя не могу, но уж тут ты попалась!» С Ленки сошло семь потов, пока она пересчитала все, что купили эти двое, к ним услужливо подбежал администратор, помогая этой дамочке донести сумки, зная, что кавказец к ним и не притронется. Еще бы администратору перед ними не выгибаться – на тысячу пятьдесят рублей за раз накупили! А вдруг еще раз придут... И тут раздался голос Кваса:

– Лен, а они кружку из того пакетика оплачивали?

– Какую кружку? – спросила девушка, поднимая наивные глаза.

– А такую, фиолетовую, из наташиного отдела, которую ты («чучмекская подсосница» – чуть не вырвалось у Кваса) положила вот в этот пакет.

Повисла неловкая пауза. Все смотрели на белый фирменный пакет с лейблом какого-то бутика и все видели, что рядом с дамской небольшой сумочкой ясно вырисовываются очертания чего-то, слишком напоминающего кружку. Администратор застыл с двумя сумками. Он переводил взгляд с Кваса на Лену. Момент был щекотливый. Лена тоже молчала. Квас смотрел на нее: «Давай, Ленка, плюнь на все это дерьмо, на этого ублюдка, он же не знает, где за деньги полизать у черножопого. Ну, ты же русская, не подставляй Наташку, скажи им, нельзя спускать этого черножопым!» Ленка думала, что лучше, конечно, сказать, что оплатили, они ведь купили на тысячу, а сперли на полтинник, но ведь Наташка, которая вкалывает весь день, будет платить из своего кармана за эту холеную проблядушку. Пусть лучше гвардейцам своим фруктов купит. Нельзя все мерить на деньги, в этом Димка прав. Он смотрит на нее, и Наташка пришла из своего отдела, тоже смотрит. Это не просто бытовой момент – оплатили, не оплатили. Это как раз один из моментов, когда люди делятся на своих и чужих. И если она сейчас скажет «оплатили», то она в угоду неизвестно чему подставит двух своих. Лена посмотрела на администратора, делавшего ей страшные глаза. И она сказала «нет, не оплатили».

Администратор шумно выдохнул. «Сейчас он им ее еще от фирмы подарит, урод», – решил Квас, наблюдая, как деликатно администратор разбирается с ворами, взятыми с поличным. Вообще-то Квасу полагалась в таких случаях небольшая премия, но тут явно пахло только втыком. Мрак, в общем. Часто Димка видел бабулек, тащивших хлебушек. Но он сразу решил, что бабулек трогать – лишний грех на душу брать, Бог с ними, с бабушками. Небось, вкалывала всю жизнь, хуже ниггера на плантации, а теперь вот на пенсию не разгуляешься. А после истории с кружкой Димка вообще решил, что отворачиваться, когда бабулька тащит половину черного кирпичика – акт национальной солидарности.

* * *

К концу бесконечно долгой первой недели в магазине Димка обнаружил, что вроде начал втягиваться в работу. Он привыкал понемногу. Потихоньку перезнакомился с соратницами по торговому фронту. Научился рассчитывать время. Сначала – с восьми до одиннадцати. Там – уже почти обед. Обед бывал готов часа в два. Если обедать с умом, да еще перекуривать – «на голодный желудок», «на сытый желудок», то часик можно смело сбрасывать. Потом, часов до четырех, можно подремать, опершись на тележку с хлебом. С четырех до шести – люди (гады) набегают, будто больше заняться нечем, кроме как по магазинам шастать. Или можно подумать, что в районе больше продукты негде купить. Но зато часов в семь – можно пить чай. Если опять же с умом пить, то еще минут сорок можно спокойно протянуть. Полчаса до восьми – тоже приткнуться где-нибудь незаметно, отдохнуть, но чтобы начальству демонстрировать свое присутствие и полный контроль ситуации. Ну а от восьми до десяти – рукой подать. В девять поток покупателей обычно разом спадает, и часок можно потрепаться с кассиршами или полистать какой-нибудь идиотский журнал вроде «7 дней» или «Лизы». Без пятнадцати десять Димка всегда выходил курить, а потом собирался и шел домой. Он саботировал работу, где только можно, но уставал все равно. И не надо думать, что Квас был лентяем. Совсем нет. В больнице и в конторе отца он работал добросовестно, но это безделье по четырнадцать часов в день, оно же выматывает хуже Бог знает чего. Знакомства с коллективом, как это обычно бывает, завязались в курилке. Пару первых дней Квас выдержал, чтобы не казаться навязчивым, а потом начал налаживать личную жизнь. При таком мучительном безделье по четырнадцать часов в день отношения с коллективом очень важны, иначе со скуки подохнешь. Особенно Димка сдружился с двумя девушками, Олей и Таней, и с грузчиком Сашей. Ольга – веселая кассирша, а Таня – общительная продавщица из аптечного киоска. Там всегда толпился народ из работающей смены, жадный до общения. Шурик, парень из Владимира, осевший в Москве после армии, как оказалось, воевал в Чечне, попав как раз на последний, августовский штурм. Часто после рабочего дня они брали пиво, там же, в магазине, и долго разговаривали – до завтра ведь все равно не отоспаться. Особенно хорошо пиво шло по воскресеньям, когда их смена сдавала дела следующей, и все сидели в магазине черт знает до каких. Тогда они с Шуриком зависали на его теплом и уютном складе, среди штабелей упаковок с пивом, коробками провизии и консервных банок. Жизнь в магазине наладилась.

В переходе с Лубянки на Кузнецкий мост Квас однажды случайно ухватил газету «Я – Русский», откуда помимо прочего вычитал, что в Москве открылся Дом-музей художника Константина Васильева.

Он вспомнил темень комнаты, где компания собралась на просмотр «Темы». Бритые расположились на диване, на двух креслах, даже на чистом ворсистом ковре и наблюдали, как Гусман, потрясая пачкой газет, среди которых они опознали «Славянин» и «Я-Русский», убеждал аудиторию, что в этих газетах сосредоточена «ненависть ко всему хорошему на земле». Его речь сопровождалась издевательским смехом и заковыристой бранью короткостриженной аудитории перед телевизором. Всплеск эмоций потряс комнату, когда некий молодой человек заявил, что фашистские партии надо изничтожить. Просмотр проходил очень бурно, а Молодой, сидя на столе и опорожня уже вторую банку сладкой кукурузы, заметил:

– А что, ребят, я доволен, что такая гнида, как этот недобитый жид Гусманоид на нас наезжает. Это значит, что мы – на правильном пути. Было бы обидно, если бы он нас хвалил.

– Вот сука! Ты слушай, чего он говорит! «...Что мы хохлы, москали, чурки, чушки, жида...» Причем тут мы и хохлы? Мы-то один народ, а остальное говно...

– Да нас сейчас специально сталкивают лбами. Кац со своим Севастополем...

Квас позвонил Роммелю и поделился радостью. Потом внес предложения устроить туда культмассовый поход.

– Ясен пень, – сказал Роммель, – устроим. Картины Васильева – это да, это круто. Недаром жида его из-за них засунули под электричку. Васильев – воин, и он погиб в битве. Мне вообще стыдно смотреть на эти картины. Какими мы были и какими стали. Тьфу, блин,

противно!

– Попы, я слышал, на него наезжали!

– Ко-онешно, – Роммель, окая, передразнивал попов. – У него бложенненьких на картинах-то нету, монахов и всяких богоугодных-то старцев-то тоже нету, а все какие-то воины да жонки, во грех блудливый вводящие...

– Ладно, хорош. Как там с акциями?

– Мутим на эту субботу. С утречка схожу к Васильеву, потом надо будет родителям там с какой-то херней помочь, потом кино посмотрю» Прокляты и забыты», взвинчусь немножко и – Москву чистить.

– Здорово. А я тогда в воскресенье пойду.

– Да, Квас, ты мне адрес-то продиктуй.

– А, да. Слушай. Сейчас, карту достану, а то я куда-то газету дел. Пишешь?

– Давай, диктуй.

– Метро «Алтуфьево», первый вагон из центра. Короче, выходишь из первого вагона и направо сразу. Идешь, идешь, короче, проходишь Лианозовский парк, и дальше направо наискосок домик белый – это он и есть. Там, по-моему, чирик вход.

– Ну, это все равно – сколько там вход. Что для души – на деньги не меряется. Здорово, что ты позвонил. Я скажу всем нашим.

– Знаешь, Роммель, ты если пойдешь в субботу, узнай там, есть ли экскурсии, и если есть, сколько стоят. Можно скинуться, сходить на экскурсию.

– Ага, хорошо. Обязательно. Тогда где-то в пятницу созвонимся, поговорим конкретнее.

* * *

Вечером Квас с матерью опять схлестнулись насчет политики. Квас жевал сосиски и смотрел телевизор, когда по НТВ заговорили про «Российский Национал-Социалистический Союз».

– Кувалдин – молодец! – заявил Квас, поднимая вилку с наколотой сосиской.

– Вид у твоего Кувалдина немножко туповатый. Передай мне салат, – ответила мать.

– На своего президента посмотри, – огрызнулся Квас, передавая салат. – Кувалдин все правильно сделал. Идеи, которые, в общем, многие разделяют, облек в четкую форму, создал движение, имидж, стиль. Раскрутил маховик. Теперь, если, не дай Бог, с ним что случится, идея не зачахнет. Точнее, не идея не зачахнет, а не зачахнет та форма, в которую он облек идею. Эти все ваши партии создаются под лидера, ну вот сдохнет завтра, допустим, Лужков, и все его «Отечество» тут же разбежится, а он создал партию будущего. Ведь не Гитлер создал НСДАП, и возможно, что тот, кто будет русским Гитлером, сейчас просто боец под номером семь в РНСС или даже, может, еще не вступил туда. Может, он щас с лысым черепом по Москве рассекает. Я вот все думаю: когда-то и нам надо будет в РНСС вступать. Не до сорока же лет хачей и ниггеров отлавливать. Вот пойдем, что наше место займут молодые, и все – переключимся на легальную борьбу.

– Ты идиот, что ли? Да Кувалдин твой...

– Не мой. Я пока не в РНСС.

– Все равно. Все они до власти хорошо говорят. А потом, как дорвутся, так и поехали...

– Это не оправдания сидения на печке. Тебе чего, нравится, что сейчас в стране творится?

– Нет, ну сейчас, конечно...

– Так борись.

– Сейчас нет людей, которые для страны стараются – все под себя гребут. И эти ваши то же самое...

– То, что ты не видишь, это твои проблемы. Присмотрись получше.

– Все равно. Сейчас политика не нужна, нужно экономикой заниматься и хозяйством...

– Извини, мам, как это не нужна политика?! А внешняя политика? Кто союзник, а кто враг? По каким признакам их определять? А внутренняя жизнь? По каким приоритетам ее строить? Вот черные все заполонили, русским на рынках торговать не дают – это как? Деньги-то они платят. С какой точки зрения на это смотреть? С вашей или охранять интересы

коренного населения на его собственной земле? А то телевизор послушаешь, – эти коренные, те коренные, тут титульная нация, там титульная нация, одни мы, русские, некоренные, нас сюда ветром занесло, как Элли с Тотошкой.

– А у вас что? Дикость какая-то... Да нигде в мире этого нет, чтобы в таком огромном городе жили одни русские.

– Почему одни русские? Но все в разумных пределах. А то так к нам скоро сюда весь трудоспособный Кавказ припрется.

– И опять кровь, да? А потом там у них работы нет.

– А не хрена было отделяться. Свободы захотели? Пусть жрут ее с маслом теперь. Или пусть одни фрукты свои жрут. Пусть живут на том уровне, на какой их интеллект вывел. В аулах в своих, до ветру – во двор, за водой – ишака завел и вперед... А к нам пусть не суются.

– Они, между прочим, тут работают. Вот вы асфальт не пойдете класть, будете лучше на диване валяться. А они кладут.

– Пусть у себя дома кладут.

– Я тебе еще раз говорю: там работы нет...

– Я тебе еще раз говорю: во-первых, не надо было отделяться. Во-вторых, у нас, между прочим, тоже есть безработица. А в-третьих, большинство из них асфальт не кладет. Посмотри любую «Дежурную часть» – процентов семьдесят стабильно кавказские рожи.

– Но все равно бить людей – это дикость.

– Людей вот мы за полтора года ни одного не тронули. Вот хачиков, ниггеров, цветных – да, долбим от души. Да и рэперам иногда перепадает, чтобы мозги на место встали. Не нравится хачам, когда их по черепу долбят, – скатертью дорожка, пусть убираются, мы без них не скучали.

– С ума ты совсем сошел. Мы тут разговаривали на работе, со мной согласились – у РНСС...

– Да что ты все РНСС, РНСС... Я же тебе говорю – я пока не в Союзе.

– Ну все равно. Одна сторона медали – патриотизм, это хорошо, но вы собираетесь уничтожать нации...

– Я не собираюсь никого уничтожать, мам. Живет Гоги в Тбилиси, а Тигран в Ереване, а азер какой-нибудь вонючий – в Баку в своем, и мне плевать, как они живут: грабят они там, наркотой торгуют, асфальт кладут – мне все равно. Но когда они шляются по моей земле, как у себя дома – изволь получить. Фашизм – это круто! Потому что культивируются здоровые вещи – храбрость, любовь, личность. Это ваша дерьмократия стоит только на дураках, пидарасах, ворах, наркотиках и предателях.

– Все равно, все сейчас болтать научились. Вон Ельцин тоже тогда говорил...

– А что Ельцин? Он вам, дуракам, наобещал чего-то там сделать за 500 дней, а вы уши и развесили. Все эти «МММ», «ВЛАСТЕЛИНЫ» – чего на них возмущаться-то? Лохи сами виноваты – я сейчас дам сто рублей, а мне через месяц отдадут тысячу, я сейчас дам тысячу, а мне через месяц дадут машину, вы тысячный покупатель и тот утюг, который стоит тысячу, мы вам продаем за двести. Ах, у вас только семьдесят? Ну, хрен с вами, давайте за семьдесят, – так не бывает! «Возродил гордость россиян, понимаешь!» Вырасти укроп и рискни его на нашем рынке продать, а я посмотрю. Подойдет азер и скажет: «Валы отсюда! Эта мая зымля!» И с вашей точке зрения будет прав – он за нее деньги платил.

– И что, бить за это?

– А что им за это, талоны на усиленное питание? И потом, мам, извини, сейчас грубо скажу – меня эта ваша паскудная психология бесит, честное слово! Долбят русских в Ставрополе, унижают в Казахстане или Прибалтике – плевать, не меня же. Гуманисты, блин, за чужой счет, пока жареный петух в ж... попу не клюнет! Вот у меня у девчонки знакомой мать тоже – скины то, скины се, скины – кому заняться нечем. А тут стоит у ларька в небольшой очереди, подъезжает машина, оттуда двое черных – и без очереди. Она им сказала, они ее так обложили, да еще и пихнули. Тут, говорит, еду в автобусе, заходят эти ваши лысые и начинают черного лупить. Немного было, конечно, стыдно, но я им так и сказала, чтоб все в автобусе слышали: «Правильно, ребята. Понаехали отовсюду – сил никаких нет». Все правильно – как ее лично задела, так сразу все поняла. А потом помнишь, мам, я в больнице тогда санитаром

работал летом. Во я там на них насмотрелся! И я тебе скажу – будь у них сила, они бы всех нас, русских, в двадцать четыре часа бы вырезали бы и не моргнули бы. Так что их, гадов, валить надо без всякой амнистии, где только заметишь. Знаешь, как в песне поется:

Сколько в Москве черножопых скотов,
Столько же надо фонарных столбов.
Много веревок, удавок и мыла,
Чтобы на всех цунарефов хватило!

Мать была ошарашена лихой националистической песней, которую Квас исполнил с большим чувством, стуча вилкой по столу. Деликатный слух матери, сотрудницы какого-то нужного, а нынче полумертвого НИИ по-коробило выражение «черножопые».

– Да ладно, мам, чего ты? Черножопые, они черножопые и есть. Тебя же не коробит, когда при тебе произносят «русские», «украинцы», «немцы», «жиды». Мы – русские, а они – черножопые, чего ж тут такого? Чего? «Жиды»... А что жиды? Это их название во всех языках. Даже на их собственном – «идиш» же, а не «еврейш», правильно? А если это слово стало ругательством (тебе скажут: «Ты русская» – ты обидишься? Вот то-то), то это их проблемы, такая уж пакостная нация. Ладно, хватит. Пошел я к себе. Если будут звонить ребята, то я есть, а если женский голос, то меня нет. Влом мне сейчас с ней разговаривать, надо будет – сам позвоню.

После душа Квас пошел к себе в логово и уселся перед компьютером – просмотреть дискету, полученную от Молодого. В первом файле было начало опуса какого-то наци под названием «Заметки на полях "Mein Kampf"». Автора хватило только на вступление, и предваряла все это куча красивых цитат. Квас прочитал «Заметки...» с удовольствием, тем более сам иногда тоже баловался сочинительством. Он написал несколько стихов и пытался накропать «немного биографичную и немного стебовую сагу из жизни бритоголовых», как он сам выражался. Пока эта сага существовала в виде смелых замыслов и кучки замаранных черновиков. Квас держал это в тайне от своих, но однажды, переборщив с пивом, он признался лучшему другу, Сергею. Серега не отстал, пока Квас не нашел и не показал ему худенькую пачку черновиков. Было тепло и они сидели на большой лоджии Кваса и пили пиво. Прочитав, Серега, посмеиваясь, сказал:

– А чего, неплохо. Только знаешь, Квас, если хочешь ее печатать, то влепи сюда какую-нибудь экзотику. Ну там знаешь, какуюнибудь «клятву бритоголовых» – чтобы обывателя поугадать. Я даже тебе подскажу. Слушай и записывай. «Там в глуху-у-ую по-олночь, в темном лесу, перед огромным пылающим крестом собрались бритоголовые, чтобы принести клятву своему ужасному Богу, Богу тьмы – Адольфу Гитлеру! У-у-у!» А, каково? И потом – у тебя, блин, ебля здесь какая-то обычная. Это неинтересно. Пусть твой скин трахается, там, я не знаю, ну, скажем...

– С негритоской, да? – хмыкнул Квас.

– Ну нет, это уже слишком. Ну, там, с дочерью банкира какого-нибудь, что ли, ну чтобы это интересно было.

– С жидовкой, что ли?

– Да почему? Необязательно. И чтобы ее родители ее там запирали, на даче все время держали под охраной, и чтобы скины эту дачу штурмом брали, чтобы этот твой скин с ней потрахался. Вверни там такие обороты вроде... сейчас «он там, типа, снял свои пятнистые штаны и вошел в нее, трепетавшую от страсти, блин», ну и все такое... Эта бригада скинов, да? Почему она никак не называется – это же неинтересно...

– Слушай, Серег, а мы-то никак не называемся, и ничего вроде...

– Квас, ты чего, не понимаешь, что ли? Это скучная жизнь, а ты пишешь книгу. Хочешь, чтобы она стала этим... «бестселлером»? Что, тебе трудно обозвать их бригаду там «Рыцари Адольфа Гитлера» или «Скинлегион "Мертвая голова"»?

– Да ну брось, идиотизм какой-то...

– Конечно, а ты как думал? Чем глупее, тем быстрее напечатают. Знаешь эту серию – «Русский бестселлер»? Это же бред полный! У меня сестра читает, взял тут у нее книжку

посмотреть, а там в аннотации, знаешь, чего написано? Я этот шедевр наизусть помню: «Что заставляет молодую журналистку терпеть болезненные поцелуи почти неизвестного мужчины? Смутная догадка, что перед ней серийный убийца, на счету которого несколько загубленных девичьих жизней...» Написала баба какая-то. Во, учись, Квас. Это тебе не слоников из говна лепить! А у тебя что? Надо, чтобы на обложке написали что-то вроде «молодые неонацисты, яростные поклонники идей Адольфа Гитлера, объединяются в неуловимую банду под названием Легион "Мертвая голова". Город, это, взбудоражен слухами о кровавых расправах с теми, кого бритоголовые молодчики считают... не... называют «недочеловеками». Они, типа, зверски убивают девушку, подругу чернокожего студента. Ее отец, бывший офицер спецназа, понимает, что ему вновь необходимо применить свои навыки, чтобы избавить город от озверевших от безнаказанности... да не, тупо как-то... а, вот: от упивающихся своей безнаказанностью неонацистов...» Сразу купят, как миленькие. Тема-то ведь актуальная, а ниша на рынке не заполнена. Так что давай, Квас, сбациай им какую-нибудь клубничку. Разбогатеешь. Потом ты ему кликуху получше придумай – там какой-нибудь...

– Бешеный! – со смехом подсказал Квас.

– Не, Бешеный уже есть, ты слишком долго раскачивался. Ну возьми Череп, во.

– Да у нас есть уже Череп, ты чего, не помнишь? Этот кекс из Мытищ.

– А, точно, блин. Пусть кликуху сменит. А тогда – Тигр там какой-нибудь...

– Не, Тигр – это самый злой косой из «Romper Stomper»...

– Ну я не знаю, подумай сам, и пусть всех все время убивают, а его нет. Во, обзови его Рудольфом.

– Да есть уже вроде на Москве Рудольф один...

– А Вульф есть?

– Вот насчет Вульфа не знаю...

– Отлично, вот пусть Вульф и будет. Тогда будешь раз в два месяца новую книгу нагора выдавать! «Мечь Вульфа», «Война Вульфа», «Борьба Вульфа», «Кровь Вульфа», «Вульфу не дали...», «Вульфу опять не дали...» Пусть в Вульфа вселится дух Гитлера, потом дух Муссолини, потом барона Унгерна [Барон Унгерн – Унгерн фон Штернберг, Роман Федорович. Легендарный белый генерал, вызывал и вызывает интерес прежде всего мистической стороной своей жизни. Из древнего рыцарского рода. Один из его предков погиб во время Грюнвальдской битвы, будучи рыцарем Тевтонского ордена. Всеми и всегда воспринимался как воплощение Войны. Известен своей фанатической храбростью и такой же жестокостью, особенно по отношению к евреям и коммунистам. Ортодоксальный монархист. Воевал в Монголии против китайцев. Монгольские сторонники воспринимали его как воплощение Чингисхана. Убит красными. Личность барона Унгерна вызывала большой интерес в Третьем Рейхе как эталон языческого нордического воина, была даже поставлена пьеса об участии барона в Гражданской войне.), я ж тебе говорю – это золотая жила...

– Серег, я тебе сейчас скажу кое-что, как лучшему другу, но дай слово, что ты не растреплешь это по бригаде.

– Да что я, баба, что ли, трепаться? Конечно, все между нами будет.

– Короче, Молодой тоже пишет книгу про скинов.

– Ну и дела! А он про что пишет?

– А у него, короче, соску одну, ментовскую курсантку, мусора внедряют в группировку скинов, чтобы их как-нибудь с поличным накрыть, и с одним скином там у нее любовь-морковь, все дела, и там будет показано, как эта девчонка, общаясь со скинами, шаг за шагом постепенно в конце концов превращается в такую ярую нацистку, что чуть ли эту бригаду не возглавляет потом. Бред, конечно, но написано здорово! Молодой мне читал отрывок, ну вообще классно написано! Знаешь, там такие хохмы, как если бы Гашек писал про скинов. Короче, у тебя тут немного пафосно – вот, типа, скины, рабочая молодежь, ля-ля-тополя, борьба за нацию, а у него то же самое, но с приколами. Там как вы с Поваром, помнишь, ссали в Печатниках напротив мента? Это вообще! Он на вас смотрит, и вы на него смотрите, лыбьтесь чего-то... А он нам говорит – вы этих, типа, ждете? Напрасно, они со мной пойдут. Или как Боксер с хачами разговаривает нежным тоном, будто с любимой девушкой, помнишь, тогда в электричке – «Как здорово, что ты сюда сел!» Или в Царицыно тогда – идем с

ним, трепемся, вдруг Бокс такой – «Приве-е-ет!» Таким тоном добрым, я, блин, сначала думал, друга встретил. Тебя не было тогда – это вообще было что-то с чем-то! Хач со своим щенком вышел погулять. Прикинь, пяти шагов от подъезда не отошел – на него налетает такой скин-ортодокс, таким добрым тоном «При-иве-ет!» и ему в табло так профессионально – ба-бах!

– А перед тем, как выйти, он по телеку прослушал мента, который говорил, что на самом деле скинов никаких нет, что типа их журналисты придумывают...

– Точно. А этот щенок – тоже приколы вообще! Там долбеж идет, хач орет, мотается туда-сюда, чего-то вырывается, там из окон орут, дети смотрят, чуть ли не толпа вокруг собирается, бабка из окна с Роммелем переругивается. Типа, чего вы его бьете? (Сергея спрашивал пронзительным шамкающим голосом, имитируя старуху, а за Роммеля отвечал мужественным басом) – Та он черный! – А что, вы только черных бьете? – Да-а, в общем! – А за что ж вы их бьете? – Дак потому что они черные! А детеныш – сначала молча смотрел, потом знаешь так неуверенно – уабы... Помолчал. Потом до него дошло, как до утки, на пятые сутки – он как заорет! Потом я смотрю – а детеныш по воздуху летит... Или, помнишь, Сова-то наш, тогда долбим хача, он всех растолкал – типа, мужики, дайте, я его булыжником, взял такой комок снега, ба-бах им в хача. Потом поднял эти снежки и начал их в хача метать... А эту твою бессмертную фразу он тоже вставил...

– Какую еще фразу?

– Ну, помнишь, мы тогда ходим, ищем черных, фантазируем, как мы будем уходить, как нас менты остановят и спросят – а чего вы тут делаете?

– А-а, вспомнил! Молодой с такой наивной рожей говорит тогда: «А я скажу тогда: "А чего? Мы, типа, тут гуляем!" А я говорю: «Молодой! После того, как такие кексы вроде тебя где-то гуляют, оттуда потом обязательно кто-то в больницу едет в белом мерседесе с мигалкой».

– Вот-вот. Молодой обещал вроде к лету закончить.

– Вы, мужики, давайте, пишите, пишите... Глядишь, скоро идейность скина будет определяться не тем, сколько он черных замочил, а пишет он повесть про скинов или нет. Прикинь, так: «У тебя, типа, белые шнурки есть?» – «Есть». – «А повесть про скинов пишешь?» – «Нет...» – «А-а, пошел на хер, чмо! Ты не скин, ты модник!» Или так: «Ты, по ходу, сколько повестей про скинов написал?» – «Семь.» – «А-а... Типа, ты круче! Я только пять...»

Кончилось тем, что они поругались и помирились только тогда, когда Серега поклялся, что он шутил, и что никаких подколов у него и в мыслях не было.

– Ладно, Серег, пошли на кухню, чего-нибудь покушаем.

– Пошли. А чего там у тебя?

– Да найдем чего-нибудь... О, видишь, Серег? Кошка отодвинула миску и вместо нее сама села. Это, типа, она жрать хочет. Но сейчас этот номер у ней не пройдет. Понятно тебе? Мать придет скоро, будешь рыбу жрать. Тебе не стыдно, Лиска? Ты посмотри на нее, Серег! Чего ты так смотришь (это уже опять кошке)? – Квас быстро резал ломтями дрянную голландскую ветчину. – Что дядя подумает? Что тебя год не кормили?

– Да ладно, дай ей, Митяй.

– Ага, сейчас, разбежалась. Серега, наивная душа, ты что, думаешь, она голодная? Как же. Я ее перед твоим приходом кормил. Это у нее так – чисто промысел, чисто помрет сейчас от голода. На мать действует безотказно. Серег, пиво будем еще? Да? Ну достань там из камеры по бутылочке.

– Не, Квас, можно, я все-таки ей дам?

– Желание гостя – закон. Дай. Только она жрать не будет.

Серега присел на корточки, понюхал ломоть ветчины, два раза шумно облизнулся и положил ветчину перед кошкой.

– Ешь, кошара.

Лиска нагнулась, лениво понюхала ветчину, тронула ее лапой, посмотрела на Серегу, но есть не стала.

– Ну, видишь, я ж тебе говорил. Я ее уже как облупленную знаю. Ну, потащили все это богатство на балкон. Что, выцыганила? У, ж-жаба!...

Стихи Квас тоже писал, но редко, когда они прямо перли из него, и стихов у него было немного. Но их он своим не показывал, даже под пивом. Одно стихотворение, написанное для Тани, когда у них еще не было всяких серьезных проблем, начиналось так:

А зимой, в декабре,
Белый пар струится.
Мой огонь – он со мной,
Он – в моих глазницах...

В среду выл какой-то зверь,
Терся в двери жалом.
Я живу, как люблю –
Страстно и устало...

Это он намекал на одну их ссору, очень эмоциональную, которая разразилась как раз в среду. Этот стих, в общем, и писался под впечатлением от этой ссоры и с надеждой на примирение. Были у него еще несколько лирических стихотворений, но он, убей Бог, нигде не мог их найти.

Были и нацистские стихи:

...Благослови тебя Бог, мой Фюрер!
Раз начал – иди до конца.
А мы подарим тебе наши руки,
Как прежде отдали сердца...

... Блещут на солнце тевтонские латы,
Взор пронзает толщу веков.
Я даю тебе Клятву Солдата, мой Фюрер!
На тысячу лет и эпох...

Этот шедевр, коротенький отрывок из которого здесь приведен, назывался «Клятва Фюреру».

Самое последнее его стихотворение, единственное, которое слышали соратники, было написано им в изрядном подпитии и тут же громко прочитано. Называлось оно «Старый скин». Квас попытался стилизовать стих под лирику Роберта Бернса с вкраплением молодецкого ямба, что-то вроде припева:

...Хоть невзгоды побелили мне мои виски,
В берцы вновь, кряхтя, вдеваю белые шнурки.
И двадцатого апреля, точно как тогда,
Озарятся факелами наши города.

Дальше шел куплет, который всем очень понравился, а уж похож он стихи Бернса или нет, это, согласитесь, не так важно. Вот он:

Много в жизни я познал
Был крестьянином, солдатом,
Сеял хлеб и воевал,
Дрался, спорил, выпивал,
Хоронил, любил, спасал,
Только Родины, ребята,
Не продал ни разу.

И припев:

Хоть асфальт царапает клюка,
Правая вновь вверх вскинута рука.
В этот день мне снова выправка нужна,
Распрямляется годами смятая спина.

Одно время бригада страстно хотела создать группу. И даже был момент, когда они эту группу уже почти замутили, но все это так и осталось в теории. А Квас написал для будущей группы одну песню под названием «Русь пробуждается» и активно работал над двумя другими текстами – своим вариантом песни «Pulling on the boots» на русском языке и песней, которую он хотел назвать «Скинхед». Для нее был готов только припев, вернее, лишь его окончание:

Ведь он так похож на солдата, И так не похож на раба.

Эту фразу, Богом созданную для агрессивной и отважной песни в стиле Oil, он вычитал из статьи газеты «Завтра», и она своей лаконичностью и магнетизмом ему так понравилась, что через какое-то время Квас искренне поверил, что это его фраза. Из-за этой группы однажды все в бригаде чуть не перелаялись между собой. А причина была одна – название группы. Каждый мог предложить кучу красивых названий, но при этом ни в грош не ставил названия, которые предлагал сосед. Сначала вроде спорили одни музыканты, но потом все вошло в азарт, и тут уж в большой комнате Молодого поднялся шум, какой обычно поднимается в курятнике, когда туда забредает на огонек лиса. Все злились, что такое прекрасное, мужественное название для скин-группы, как «Коловрат», уже используется. Кто-то сгоряча предложил назвать группу «Посолонь», то есть коловрат наоборот, но никто не согласился. Что-то уж название такое, звучит как-то не так. Дальше пошли различные «Фронты», «Секиры», «Легионы» и т. п. Наконец Бабс предложил что-то вроде «Когорты – 88», и это было записано как рабочее название группы. Ну и все – с тех пор они к группе не возвращались. Потом басист отошел от дел, его долго уламывали сыграть, наконец, уломали, но тут он переехал в Зеленоград и все, с концами...

В следующем файле были переводы песен «Deutsch-land, erwache!» («Германия, пробудись!») и «Li Marleen». Оригинальные тексты песен сопровождались историческими справками, дословными русскими переводами и обработанными русскими вариантами. Тот, кто скачал их на дискеты, честно ссылаясь при этом на журнал «Раса». В третьем, последнем файле, был перевод песни «Das Horst Vessel Lied», тоже с исторической справкой, хотя и без ссылки на источник. Там же была краткая биография Хорста Весселя и аннотация к двум «родным» германским фильмам – «Hans Vestmar» и «Марш для Вождя». Заканчивалось все это фразой «Mit Russische Gruss!» и непонятными непосвященным цифрами «14/88!». Квас с удовольствием перекачал все это к себе на жесткий диск, чтобы потом распечатать.

* * *

Бригаденфюрер Роммель решил навестить ниггеровские общаги в Перловке. На субботу была назначена акция, а на неделе у Кваса случилось два несчастья – в воскресенье его уволили из магазина, а в четверг он сильно отравился пельменями. Среду Квас провел неплохо – все-таки вырвался в музей Васильева. Квас был парнем самостоятельным и поэтому сам лечил себя отваром из гранатовых корок. Вторую половину четверга и всю пятницу он только тем и занимался, что заседал в туалете и пил кружками гранатовую отраву. К субботе он вроде привел себя в порядок, но осталась довольно противная тяжесть в животе. А с магазином получилось следующее. В воскресенье с утра Иваныч решил созвать пятиминутку. На ней он сказал много бичующих слов о коллективных перекурах, об обедах и чаях, которые больше похожи на какие-то шумные массовые застолья, о чрезмерной посещаемости сильным полом, то есть Квасом и Сашей-фронтвиком аптечного киоска во время работы. «Если в зале никого нет, тащи что хочешь, – сказал Иваныч, – а машина полчаса ждет разгрузки, значит эти два красавца торчат у аптеки, в галантности состязаются. С этим пора завязывать!» Под конец Иваныч въежил лично Квасу за то, что клиенты упорно не желают брать магазинные корзины и ломятся в зал со своими сумками, и заявил, что каждый гражданин, прошедший со своей

сумкой, будет стоить Квасу пятьдесят копеек. Сначала Квас рьяно бросился на покупателей, но ведь плетью обуха не перешибешь, и все оставшееся время он с грустью отдавался арифметике, подсчитывая, сколько же по вине тупых клиентов вычтут из его зарплаты. Вечером его уволили. Магазиновая эпопея Кваса закончилась. За один день бестолковые покупатели утащили из трудового Димкиного кармана почти семьдесят рублей. Понедельник и вторник Квас упивался бездельем, вечер вторника наслаждался обществом Наташи, вел светские разговоры с ее бабушкой (родители ее свалили отдыхать на десять дней). В среду, приехав с утра домой, Квас решил, что это именно тот день, когда он достаточно чист душой для поездки к Васильеву. Все было здорово – ну выперли с работы, тут Квас быстро успокоил себя, что это из-за той истории с кружкой, то есть он пострадал в борьбе, с Наташей вроде опять все в норме, а в субботу они опять пошумят. Короче, один из немногих коротеньких периодов в жизни Кваса, когда над ним безоблачное небо.

В метро Квас ехал, закрыв глаза, вспоминал подробности ночи, а когда раскрывал их изредка на остановках, удивляясь, как меняются люди в вагоне, ему казалось, что на него смотрят, потому что у него на лбу запечатлены все те оригинальные штучки, которыми он развлекался ночью. На него тарасились – еще бы, бритый полностью под ноль здоровый парень, с яркими чистыми белыми шнурками⁴ в начищенных ботинках, в черной, шинельного сукна куртке с «мертвой головой» на рукаве. Русо фашисте – облик морале. Только один раз – проездом. Спешите видеть.

Квас вышел в Алтуфьево, на безликой новой станции, и, ориентируясь по указаниям газеты, направил стопы к музею.

Вход оказался закрытым. Квас выругался и посмотрел на часы. Было начало первого. Потом он посмотрел на дорожку перед домиком. Прямо перед входом была огромная лужа. Цепочки следов шли из лужи к входу, там они топтались, а затем сворачивали за угол. Квас, не мудрствуя лукаво, пошел по следам и оказался прав – вход был и вправду с обратной стороны. Квас вошел, вытерев ботинки о циновку. Внутри было тихо и очень цивилизно. После лестницы к гардеробной вел коридор, выдержанный в светлых тонах. У гардероба сидел охранник в черной униформе, тут же у кассы был небольшой лоток с календарями и открытками. Их Квас решил изучить под конец, а сейчас заняться картинами.

– А где же девушка? – встретила его вопросом гардеробщица.

– Дома сидит.

– А друзья где?

– Будут и друзья. Я – первая ласточка, на разведку пришел.

Потом Квас прошел в зал, и время потеряло для него счет. У двух самых роскошных картин – «Рождение Дуная» и «Валькирия над поверженным воином», Квас стоял довольно долго, ведь у этих картин можно было менять ракурсы подсветки, и каждый раз они смотрелись хоть немного, а по-другому. Застежка на плаще поверженного героя и Валькирия, салютующая правой рукой, особенно понравились Квасу, а уж автопортрет Васильева в униформе, так напоминающей форму штурмовика! А на плаще поверженного героя блистала обычная свастика, да, да, она самая, только из трех лучей. Была там еще одна загадочная картина, точнее, незаконченный эскиз. Висел этот эскиз прямо над лестницей, на втором этаже, в том же зале, где и «Валькирия...» Это был эскиз картины «Вторжение». Изображена была битва русских ополченцев, которые отчаянно защищают православный храм от закованных в латы рыцарей с рунами и орлами на штандартах. Сначала Квас отметил отличную графику и пластику – люди на картине рубились, скакали верхом и умирали, как настоящие. И тут одна интересная деталь бросилась ему в глаза. Над головами германских рыцарей и древками их знамен разверзлись небеса, и небесное воинство вроде бы тоже помогает всадникам с рунами ворваться в христианский храм. Квас сам попытался докопаться до смысла картины и решил, что Васильев написал антихристианскую картину, и поэтому небесные рыцари помогают

⁴ «Белые шнурки». В самом Движении существует несколько версий на эту тему. Наиболее классическая и популярная – знак того, что человек участвовал в убийстве врага, причем или индивидуально, или в составе небольшой команды.

именно воинам, несущим на своих знаменах символы арийства, возрожденного духа северного рыцарства. А возможно, он имел в виду нечто другое, ведь у Васильева каждый штрих что-то означает и несет глубокий смысл. Квас решил подождать экскурсию, которую он видел на первом этаже, пристроиться к ней на какое-то время, а потом обогнать. И потом тихо спросить у экскурсоводши, может, она, как сотрудник музея, ответит, что же хотел сказать Васильев этой картиной? Тихо переговариваясь, группа поднялась на второй этаж, и Квас стал томительно ждать, когда же они доберутся до «Вторжения». Наконец тетенька стала объяснять эту довольно загадочную картину. Квас прислушался и подошел ближе. На него еще сначала искоса посматривали, а сейчас некоторые обернулись вполне откровенно. Когда Квас снял свою шикарную куртку, он остался в коричневой рубашке и был перехвачен двумя черными подтяжками. Объяснения экскурсоводши Кваса не устроили. Все у ней было слишком просто – на картине русские сражаются с иноземными захватчиками, а рыцари с рунами на знаменах были записаны в татаромонголы. Небесное воинство было вообще проигнорировано, и пытливый Квас все надеялся, что кто-то из группы, вместо того чтобы пялиться на него и шепотом прохаживаться насчет его вида, обратит внимание на картину и поймет, что татаромонголы какие-то непохожие на себя, или хотя бы поинтересуется, почему небесное воинство как-то явно сочувствует монголам. Но нет, группа все схавала на ура, и дальше Квас уже потерял интерес, сделал круг почета по выставке и отправился восвояси. На прощание Квас отметил в книге отзывов и приобрел на лотке «Велесову Книгу».

Удивительно, но на общий сбор они добрались без опоздания.

– А, бьется насмерть каратель СС Сергей!

– А, бьется насмерть каратель СС Митя!⁵

Кроме Роммеля и Молодого, знакомых пока не наблюдалось. Зато шумела, веселилась, работая на публику, пионерия.

– Роммель, ты пионерией не увлекся?

– Да в самый раз. Пусть ребята кровь пополируют.

– А остальные наши?

– Бабс к сестре поехал, с племянником нянчиться, а остальные вроде должны быть.

Тут из-за колонны появился Повар с большим промасленным пакетом. Оказалось, что это казенные пирожки. Народ потихоньку собирался. Повар начал раздавать пирожки.

– Слышь, Повар, ты чего это расщедрился так?

– С работы унес. Ну как?

– Не, с капустой дерьмо, а эти, с повидлом, ничего, хорошие пирожки.

– Как, еще с повидлом есть? А у меня только с капустой. Блин, мужики, дайте один с повидлом.

– Повар, да никак опять шнурки заработал? Без нас?! Повар надевал белые шнурки только на концерты и каждый раз, когда увеличивал свою коллекцию этих самых шнурков.

– Да тут, на неделе. Лемурчика какого-то. Ну, мы идем, идем, никого, типа, не трогаем, а у нас там за гаражами кусты, и там беседка стоит, вся раздолбанная. Ну, идем, короче, этот раздолбай там сидит, с букетиком цветов, все как у людей. Ну чего? Загасили, конечно...

Время за разговорами быстро летело. Подошли Боксер с Аяксом. Приехал Упырь, обмотав шею красно-черно-желтый шарфом с надписью «Deutschland». Ему сказали:

– Шарф убери – нам не нужны особые приметы.

– Слышь, Молодой, как голова?

– Нормально.

– Да фто ты говоришь? И не болит?

– Там болеть нечему.

– Отвали, слушай.

– Ветер дует, дождь идет, Молодого хач... насилует.

– Да хватит, блин, чего ты пристал-то ко мне?

⁵ В качестве шуточного приветствия Роммель использует строчку из песни «Каратель СС "Варяг"» группы «Коловрат», одной из самых популярных российских скин-групп.

– Только ты, мозг нации, не подставляйся сегодня, голову береги, а то куда ж мы без тебя денемся?

– Без Молодого все движение зачахнет.

– А то! Ты что ли у нас самый ветеран?

– Да куда уж нам, убогим!

– Ладно, все, хорош. Отъебитесь от меня.

– Да чего ты взвился-то? Мы же любя!

– Любя, блин! Все, отстаньте, сказал. Дайте булку сожрать спокойно.

И вот – пора. Войско тронулось к электричкам.

В просторном тамбуре тесной кучкой встали Роммель, Сергей, Повар, Квас и еще один скин, которого привел чуть не опоздавший Боксер. Выяснилось, что этот скин по кличке Морковка только что переехал в Россию из Белоруссии. В первый же день на новом месте жительства его послали за подсолнечным маслом. У магазина он нос к носу столкнулся с Боксером. Они познакомились, и вот уже Морковка идет в битву со своими новыми соратниками. Как они узнали из разговора, Морковка рвался в РНСС.

Скоро вернулся Аякс, он сообщил, что их двадцать семь человек и что войско понесло первые потери – двое пионеров, которых видели на станции, в поезд так или иначе не попали. С Аяксом в тамбур зашли два пионера, хорошо знавших район работы, Квас достал «Друга скинхеда» – и они занялись рекогносцировкой местности.

Поезд трясся на ходу, а в тамбуре было спокойно и уютно. Из выбитого окна задувал ветер, он разгонял тучи сигаретного дыма. Центром внимания стал Морковка. Его спрашивали о Белоруссии, о Лукашенко. Морковка рассказывал слухи о Белорусском РНСС, о стычках с БНФ. С ним подходили знакомиться, каждый старался сказать что-нибудь доброе в адрес Белоруссии. Квас вспомнил, что отдыхал в Гродно, купался в Немане. Молодой похвалил белорусский портер «Черный Лев». Мимо прошла тетка с мороженым, Квас, подумав, нащупал в куртке червонец и кучку мелочи, бросился вдогонку. Когда он вернулся с двумя шоколадными стаканчиками, в тамбуре все слушали, как скин по кличке Башня рассказывал о встрече с бойцами из Союза.

– ... вчера в электричке. На «Новой» парень заходит со значком РНСС на куртке. Ну мы подошли, типа, РНСС? Как дела? Ля-ля, тополя, познакомились, короче...

– Ну, как у них там?

– Сегодня вроде обещали быть двое ребят из РНСС.

– Их Аякс хотел привести.

– У них сегодня акция какая-то, в Климовске, что ли? Наверное, не успели.

– Это те, которые с нами тогда в Медведково работали?

– Они самые...

– Короче, парень этот там недавно. Тут, говорит, едут тоже в электричке, два каких-то подходят, тоже, РНСС типа? Ну, РНСС. А мы, говорят, ваши союзники.

– Скины?

– Слушай, бля! Они их спрашивают: а вы, ребят, типа, кто? А мы, говорят, из НБП. Лимоновцы, что ль? Лимоновцы.

– Ну и чего, по шее они им не дали?

– Кто кому?

– Да этим лидерам, лимоновцам.

– Да нет, зачем? Они им говорят: типа, ребят, вы, что ли, наши союзники? Не смешите наши ботинки. Лимонов ваш пидор, чему он вас там только учит, как ниггерам на корягу прыгать?

– А у них вообще в Латвии там центровой ниггер какой-то...

– Не, ну с гайдаровцами они, конечно, классно замутили. Вот тут они молодцы, конечно, ничего не скажешь.

– Не, здорово то, что, помнишь, когда это по телевизору показывали? Ну, когда они только начали орать, помнишь, как все эти дерьмократы перестремались. Прямо видно было, как они все в штаны наложили.

– Туда надо было не лимоновцев, а ребят из РНСС, да с лопатками, чтобы они всю эту

жигу навозную порубили на кусочки, да на совках вынесли, да по помойкам, блин, раскидали весь этот навоз. Прикинь, какой кайф – в гайдаровскую ряху саперной лопаткой ба-бах!

– Ты чего, Гайдар классный мужик! Когда люди видят его раздувшийся ебальник по телевизору, всем ясно, что не все в России живут плохо.

– А с Михалковым тоже круто было...

– Да Михалков – пидор! Тоже, блин, монархист нашелся. Подождал, пока парня скрутят, прицелился так, чисто не торопясь, и ба-бах ногой! Я видел – по телеку показывали!

– Не, надо было им, конечно, пиздюлей навешать...

– Да ладно, зачем, у них там тоже нормальные ребята...

– А газетка у них, кстати, ничего, злая...

– «Империя» лучше.

– Кстати, не факт. «Империи» закрыли, суки.

– А «Штурмовик» кто читал?

– У меня целая подборка есть. Интеллектуальная газетка.

– Интеллектуальная? – спросил Морковка.

– Ну да.

– А Прошечкин говорил, что там на каждой строке «мочить да валить!»

Громкий хохот был ему ответом.

– А ты Прошечкина больше слушай!

– Тварь жидовская, он тебе наговорит. Я, кстати, сначала тоже думал, что это такая тупая маргинальная газетка, нет, слушай, потом почитал, оценил.

– С лимонами, говорят, шарпы тусуются...

– «Шарпы»⁶ – ублюдки. Помните, в «Белом сопротивлении»: «На хуй, типа, шарпы на свет появились?» – «Да чтобы пиздить их, уродов!»

– Это не в «Сопротивлении» было, а в «Под ноль»⁷, в интервью каком-то, и без твоей материны.

– Башня, Башня, что с тобой?

– Вы, жертвы аборта, вы мне договорить дадите?

– Фу, ну ты меня прям напугал! Я думал, ты рожать собрался!

– Ну и чего там дальше было?

– Да так, ничего, побазарили и разошлись. Опять хохот.

Дальше раговоры пошли уже между всеми. Шумели в вагоне предоставленные сами себе пионеры.

– ... тоже, был такой. Без идеи, а только так, чисто приятно, когда на тебя в метро пялятся. Ну его, это, – клоуны на Кропоткинской слегка помяли, и все – всю романтику как рукой сняло. Я ему раз звонил, два, блин, – а он то носки не выстирал, то шнурки не погладил...

– Ну, все ясно, хрен с ним. Такие пусть сразу отсеиваются...

– ...Русской же штыковой атаки почему все боялись? Да потому что у всех были ножевые штыки, а у нас – трехгранные, пирамидкой. Раны от них не затягивались ни хрена. Ткнул штыком в бедро, и все, пиздец – кровью истечет. Янычары, кстати, тоже всех натягивали, когда до рукопашной доходило...

– Кроме русских.

– Ну, ясный пень.

– Я, ребят, тут у Некрасова стих прочитал, мне понравилось. Там, по-моему, как-то так:

Иди в огонь за честь Отчизны,
За убежденье и любовь.

⁶ «Шарпы» – члены антифашистского западноевропейского движения «S.H.A.R.R» – «Скинхеды против расовых предрассудков». В настоящее время это движение официально распалось, и название стало скорее нарицательным. В России «шарпы» попадаются, но ни качественно, ни количественно никакого веса не имеют.

⁷ «Белое сопротивление», «Под ноль» – скиновские журналы

И лишь тогда Идея вечна,
Когда по (или «под ней» – не помню...) ней струится кровь...

– ...Слушай, а девочка твоя, помнишь, там, из Царицыно, как поживает?

– Блин, не напоминай мне о ней. Уже месяц, как расплевались...

– А что так, извини за вопрос? Хорошая ведь девочка была...

– Понимаешь, в любви, как и в дружбе, есть ведущий и ведомый...

– Тут ребята анекдот рассказали: короче, представьте медвежью берлогу. Мама-медведь сидит, носки штопает. Папа-медведь сидит в этой, качалке, газету читает. И тут же маленький медвежонок играет. Потом подходит к медведю и говорит:

«Папа, покажи охотников!» «Отстань, Топтыжка!»

«Ну папа! Ну покажи охотников!»

«Ну ладно, смотри!»

Подходит к шкафу, достает оттуда два человеческих черепа. Один надевает на левую руку, другой – на правую. Дальше папаша-медведь показывает что-то вроде кукольного театра.

Левый череп (нижнюю челюсть ворочает, будто череп говорит):

«А что, есть у вас медведи?»

Правый череп:

«Что ты, Петрович! Какие у нас тут, на хрен, медведи!»

Молчаливый скин, знавший Перловку, вошел в тамбур, разглядел через стекло в коричневых разводах название станции и объявил, что Перловка следующая.

– Что?

– Следующая.

– Что «следующая»?

– Перловка.

– А, черт, совсем заболтались! Спасибо. Оповестите наших – сейчас выходим.

...Еще через полчаса выяснилось, что это был холостой выезд. Улицы и дворы вокруг словно вымерли. Бригада ходила там кругами, потом разбилась на несколько мелких групп, потом все ушли и спрятались, оставив пару часовых. Все было бесполезно – мусора, видать, узнали о готовящейся акции и предупредили администрацию общежитий, а те – студентов.

– Ну что за хлоп твою мать! – возмутился Роммель. – Наверняка кто-то стукнул.

– Должны они быть. Мы же на разведку ездили, тут же плюнуть было некуда, одни ниггеры и их потаскухи!

– Да упредили их, сто пудов...

– Тогда тут нечего ловить.

Ловить было действительно нечего. Кафешки и ларьки все поголовно были закрыты. Вокруг общаг стояла мертвая тишина. Хочешь не хочешь, а надо возвращаться. Злые, все вернулись на станцию. Дисциплина разом упала. Отбегали, брали пиво. Квас попытался поднять боевой дух пионеров, убеждая, что не все еще потеряно, что они прочешут, как обычно, электричку, что не надо падать духом. Но все было тщетно. На акцию остались Роммель, Морковка, Повар, Квас, Сергей и Боксер. Им удалось убедить еще человек шесть пионеров. Молодой спешил на свидание, и ему надо было успеть прилизаться и переодеться, а Аякс обещал помочь отцу переделывать что-то в застекленной лоджии...

Уехали отказавшиеся пионеры, умчался на крыльях любви Молодой. Погода портилась – поднялся ветер, гонял взад-вперед мусор по асфальту. На скамейке в позе патриция лежал пьяный.

– Идет, родимая. Внимание!

Электричка осветила их резким желтым светом, из полумрака отчетливо сквозили красные полосы на ее кабине. Квас взял у бабульки туго набитую сумку на колесиках, рывком поднял ее и заскочил в тамбур со словами: «Когда Перун с нами, то кто против нас!» За ним заскочил Сергей и еще двое пионеров. Остальные пошли в следующий вагон. Квас завез сумку и подождал бабульку.

– Спасибо, сынок.

– Да не за что, бабуль... Что у тебя там, гири, что ли?

– Пошли, что ли?

– Пошли.

Они пошли – первым Серега, за ним Квас и пионеры. Во втором вагоне они обнаружили строящего ухмылки Роммеля и остальных, с деланно скучающим видом расположившихся, вокруг интересной пары – дюжего негра и полноватой крашеной блондинки. Бог был действительно с ними. Смешанная пара – самая лакомая мишень для бритоголовых, причем пути смешанных пар и скинхедов очень редко пересекаются в таких местах, где с ними можно разобраться без особого риска.

– Видишь, Морковка, – сказал Роммель, – а ты боялся. Перловка, хрен с ней, от нас она никуда не денется, а тут такая удача.

Пионеры расселись в отделении, а один подошел к старшим и спросил, что делать с девушкой.

– Чего, ребят, с дуба рухнули? – возмутился Роммель. – Да она здесь враг номер один. Ниггера-то и так в толпе видно, не мы, так другие его рано или поздно накроют, а наша задача – чтобы вот эта вот сука вышла из больницы в таком состоянии, чтобы уже вообще никогда никого рожать не смогла, понятно? И не надо говорить о какой-то жестокости – когда речь идет о чистоте расы, то тут весь этот бред нужно выжечь из сердца. Неприятно, согласен. Но что поделаешь – а ля гер ком а ля гер. Ясно?

– Ясно.

– Ну и отлично. Будьте готовы. Сейчас начнется.

– Смотри, Роммель, у них кольца обручальные на пальцах.

– У-у-у... Ну, это все. Это даже не какая-нибудь блядь, это – идейная, уже и замуж за него выскочила.

– Сука такая.

– Ладно, мы ее сейчас так обработаем, что на нее вообще больше ни у кого никогда не встанет.

– Лучше бы конечно ее вообще... того...

– Ну-у-у... никто с этим не спорит. Ладно, жизнь покажет.

– Не повезло, бля, ха! Это называется оказаться не в том месте не в то время.

Один из пионеров вдруг громко сказал:

– На ловца и зверь бежит!

Парочка вздрогнула и стала озираться. Если негр еще въезжал и вертел своей курчавой головой, то его спутница уже оценила ситуацию. Скрываться смысла уже не было. Скины рассаживались уже прямо вокруг них.

– Этого пионера папаша в детстве порол мало. Что за манера ебасос разевать раньше времени! – зло прошипел Роммель.

Квас прошел и сел прямо напротив них, через сиденье, и стал наблюдать. У них на виду Сергей демонстративно и медленно снимал пряжу. Теперь уже и негр въехал, что сейчас произойдет, и на его лице отразился такой ужас, какого Квас еще никогда ни у кого не видел. Губы его дрожали, большие бронзовые руки ходили ходуном. Пионеры переглядывались, ждали начала. Бабса не было, и Роммель решил взять инициативу на себя. Он медленно, чтобы не спугнуть раньше времени жертв, передвинулся к ним за спину. Квас заметил, что девушка держит негра за руку, и под ее ладонью, даже сквозь ткань куртки видно, вздрагивает его крупный бицепс. Тот молчаливый скин (они уже познакомились – его звали Артем) тихо сказал Роммелю:

– Погодите, мужики. Сейчас будет Лось, а потом перегон очень длинный – в самый раз.

– Отлично. Стоп-кран поддержишь, ладно?

– Да без проблем. Только не облажайтесь – ниггер уж очень здоровый.

Совет был вроде смешон – ведь их было двенадцать человек. Однако шесть из них были пионерами, которые жались друг к другу, и вообще было похоже, что это их боевое крещение. Остальные шестеро были достаточно надежными и безжалостными бойцами, но одного надо обязательно поставить у стоп-крана, еще одного или двоих – на обеспечение, следить за пассажирами. Остается три или четыре человека, но если ниггер действительно здоровый, как буйвол, начнет всерьез защищать свою жизнь и свою даму, то могут возникнуть проблемы. Нет,

они его, естественно, завалят, но это будет сопровождаться великим шумом и займет много времени. А возня в электричке – вещь тонкая: пространство замкнутое, удирать, в крайнем случае, особо некуда, и поэтому все должно быть быстро, аккуратно и по возможности тихо. Поезд отошел от станции – начали, поезд подошел к следующей – все уже кончено, все выскакивают на платформу и испаряются. Поэтому Роммель серьезно отнесся к совету Артема. С трех первых ударов этот ниггер должен завять, а с бабой кто-нибудь один разберется... Перемещения скинов вокруг негра были похожи на маневры частей армии перед вражеской цитаделью, старательно выбирающих удобные позиции перед всеобщим штурмом.

– Ну, ниггер здоровый, сука!

– Блин, главное, бабу не упустить.

– Ненавижу с бабами работать – сразу такой бздеж подымается.

– В тамбур ее, суку, надо тащить.

– Да ну, на хрен. Зачем? Прямо здесь давай.

– Ни хуя. Народ может возникнуть. Какой-нибудь, блядь, попадетса гуманист, мать Тереза...

– Эксперт, блядь, какой-нибудь по правам человека. Нам сейчас лишний бздеж не нужен.

В тамбур, а там мы ее быстро сложим.

Тут девушка, видимо, услышав краем уха этот добрый диспут, надтреснутым голосом спросила:

– Ребята, вы что, и меня будете бить?

Квас весело усмехнулся. Прямо как в «Двенадцати стульях»: «Господа, неужели вы будете нас бить? – Еще как!!!» – диалог Кисы Воробьянинова и коварно обманутых Великим комбинатором васюкинских шахматных гениев.

Квас встал, прошелся мимо них, остановился и ласково сказал:

– Ну что вы, мадмуазель! Вас-то мы бить не будем. Вас мы будем у-би-вать!

Поезд начал притормаживать – Лось. Все приготовились – ну, сейчас понесется. Но тут взбалмошная подруга негра выкинула номер, который разом перечеркнул весь стройный ход операции. Хотя то, что наобещал ей Квас, она восприняла не особо серьезно, но все равно, убить не убьют, но ведь поколотят. Тоже не особо приятно. Поэтому как только поезд замер у платформы, она бросилась к окну, высунула голову из форточки и пронзительно заорала:

– На помощь!!! Милиция!!! Меня убивают бритоголовые!!!

Что тут началось! Полное замешательство. Огромный негр ударился в бега, прыгая через спинки сидений, как горный козел. Одни пионеры бросились наутек, других Квас и Сергей увлекли в погоню за негром. Девушка все больше и больше высывалась наружу и продолжала голосить. Народ в вагоне заволновался. На перроне в темноте тоже было какое-то шевеление.

– Тихо, блядь, уроды! – бесновался Артем. – Никого же не тронем!

Боксер поймал за шкирку удирающего пионера.

– Назад, блядь! В окно, быстрее, смотри мусоров! – Боксер наподдал ему для ускорения, и пионерчик метнулся к окну.

Морковка сначала растерялся, ведь с началом воплей девушки он вдруг сразу оказался предоставленным самому себе. Но потом увидел, как Повар с криком «Умолкни, блядь!» ринулся с цепью на девушку. Морковка бросился ему на помощь. Дальше все шло рывками, с криком, матерщиной. Шумел вагон – здесь усиливался глас народа. Артем, вращая глазами и кидаясь из стороны в сторону, суля пассажирам страшные кары, пока еще удерживал их в повиновении. Но он был один и рычать на весь вагон долгое время, ясно, не мог. Девушку лупцевали Повар с Морковкой, один раз они уже умудрились выдернуть ее из окна, но она рванулась обратно и продолжала орать. Им это надоело, и они стали лупить ее уже по-настоящему.

– Пусть нас примут, сука, но ты сдохнешь, сдохнешь, сдохнешь!

Они опять вытащили ее из окна. Девушка трясла разбитой головой и орала уже от боли. Не очень чистая блондинистая грива сзади была уже полностью в яркой кровище.

– Чего встали, уроды? – заорал Повар на вернувшихся и остолбенелых пионеров. – Или сваливайте, или помогайте!

– Двое сюда, быстро! – уже почти визжал Артем, сцепившийся с кем-то из пассажиров. Какой-то смелый гуманист перешел к открытому бунту.

Звонко брызнуло стекло. Это Повар выбил его девушкой и подержал ее так, пока один из пионеров пару раз врубил ей пыром ботинка по животу. Девушка заорала.

– А-а, жжется, сука! Легла под черного, дрянь, лопай теперь!

Теперь уже Морковка дернул ее обратно, ободрав об осколки, и протаранил девушкой стену. Тут пионер схватил ее за волосы и рванул голову вниз, с силой выставив колено. Кто-то предупредительно распахнул двери и Морковка сильным тычком выкинул ее в тамбур. Туда же влетели Повар с цепью и Роммель. Тут только Морковка огляделся и увидел, что поезд трясется, как ни в чем не бывало, что никаких ментов нет, что пионерчик все еще торчит в форточке, что стоп-кран, паразиты, оставили без охраны, что Артем уже спокойно беседует с пассажиром, держащим платок у носа, что четверо пионеров так и стоят, раззявя рты, и что ниггера накрыли-таки где-то в середине вагона.

– Чего встали? – усталым голосом спросил пионеров Морковка. – Валите туда – ваши уже там работают...

Он не спеша направился в тамбур, откуда доносились смачные шлепки, вопли о пощаде и отрывистая матерщина Повара, заглушавшая лекцию Роммеля о сохранении чистоты расы, которую тот читал девушке в процессе нанесения телесных повреждений.

...Квас соскользнул, попытавшись одним махом перескочить через спинку скамьи, не удержал равновесия и ободрал голень об сиденье. Пожилой мужик в очках отшатнулся к окну. Квас в сердцах матюгнулся, ринулся вперед и опять голенью задел за угол скамьи. Баба выкинула штуку, а теперь атмосфера нервозности давила на всех, все шло как-то тупо, не по-русски. Квас присел на краешек скамьи, наблюдая за тем, как пионеры сигают через сиденья за черным, а Сергей мчит по проходу как ураган.

– Вы что, ребят, совсем с ума посходили? – испуганно и неуверенно спросил мужичок у окна.

– Успокойся, мужик. Все нормально. Тебя же никто не трогает, правильно? Ну и не лезь не в свое дело, сиди спокойно.

Негра наконец-таки нагнали. Он был ужасно здоров, и мелькавшие, как цепи, кулаки, не попадали ему выше лопаток. Негр дико орал, продираясь вперед через облепивших его пионеров. У хоровода, который водили пионеры вокруг негра, подскакивал и ругался Серега с заточкой, ловя момент для удара.

– Мужик, не лезь, понятно? Не доводи до греха! – Квас бросил эту фразу на бегу. Он бросился на помощь Сергею, раскрывая «бабочку». Пионеры мельтешили вокруг негра, кто-то уже умудрился заехать ему в нос, но Квас и Сергей бить по-серьезному не решались. Сзади со звоном лопнуло стекло, раздался женский вопль, и посыпались осколки. Взвизгнул кто-то из пассажиров. Квас обернулся на мгновение и увидел, что Морковка держит бабу в окне и как поднявшегося было пассажира в сером плаще и с газетой Артем короткой зуботычиной швырнул назад. Серега вроде уже расчистил пространство вокруг негра, но пионеры все лезли вперед – их охватила чертова новичковая лихорадка. Тут подвалили еще двое, посланные Морковкой, и теперь ни Квас, ни Сергей бить уже тем более не могли. Негр продолжал орать, и Квас, от отчаянья раздвинув грудью пионеров, врезал ему в ухо, зажав в кулаке сложенную «бабочку».

...Морковка врубил девушке пощечину. От удара она откинулась к двери. Роммель уже в который раз врезал ей ботинком в живот. Она вздрогнула, что-то внутри у нее хлюпнуло, и она стала оседать на пол. Повар ударом локтя пробил ее сцепленные на лице руки и, скорей всего, сломал ей нос. Тут девушка, кажется, поняла, что тот бритый парень в черном сказал, в общем-то, правду, что надо спасать себя. Она сдуру и завопила, что она беременная. Удары прекратились, а Роммель схватил ее за волосы, рванул так, что она опять заорала, и закричал ей прямо в лицо:

– Стой! От кого? Давай, блядь, отвечай, говно! От кого, сука?

– От него, да? – спросил Повар и пнул ее в бок. Она чего-то хмыкнула из-под пальцев, на которые свисали пряди вымоченных в крови волос.

– Нет?! А?! Что нет, сука? Пиздишь, блядь вонючая!

– Что у тебя на руке, паскуда?

Пионерчик, раньше стоявший молча в стороне, наконец, раскачался, подскочил к ней, крикнул: «Смерть врагам!» – и обрушил ей на затылок пивную бутылку. Повар дал ей ногой так, что ее голова с глухим стуком врезалась в стену тамбура, а потом за шиворот повалил на пол.

– Самое страшное преступление, – нагнувшись, сказал девушке Роммель, – это размывать генофонд нашей расы. Мы уничтожаем не тебя, а плавающий ген, который ты, проблядь, носишь в себе.

Потом принялись пинать.

– Белые шнурки есть? – спросил пионера Повар.

– Нет еще, – ответил пионерчик, тяжело дыша. Было ясно, что полученных впечатлений ему хватит надолго.

– Как зовут-то тебя?

– Вадим.

– О, тезка значит. Ну и как, не страшно?

– Немного.

– Все нормально. Когда-то ведь надо начинать.

– Сейчас будут тебе шнурки, – вмешался Роммель, отчаянно работая ногами.

...С великим шумом негра наконец-таки загнали между сиденьями к окну. Серега и Квас своими глотками, применяя политику кнута и пряника, рачистили себе место, и все шло к завершению, когда случилась непредвиденность. А эти штуки никогда не надо сбрасывать со счетов. Какая-то женщина лет тридцати с небольшим продралась сквозь восторженно гомонящую толпу пионеров и встала перед негром. Гомон разом смолк. По рядам бритых прошел шумный выдох – и настала тишина. Сразу вдруг стало слышно прерывистое дыхание пионеров, покашливание Кваса, прочищавшего саднившую глотку, шум радио из соседнего вагона, подозрительную возню в дальнем тамбуре. Женщина, достаточно аккуратно и стильно одетая, с короткой стрижкой светло-каштановых тщательно уложенных волос, молчала. Молчал негр, черной тенью возвышающийся за ее хрупкой фигуркой, ладонью ощупывая лицо и хлюпая разбитым носом, молчали бритые, затаили дыхание пассажиры.

– Что вы все на одного, как шакалы? – сказала, наконец, женщина. – Как вам не стыдно?!

– Ничего подобного, – вежливо прохрипел уже почти успокоившийся Квас. – Было бы их много – мы бы тоже напали.

Тут очнулся один из пионеров, вошедший в раж.

– А ну отойди, сука! – заорал он и бросился вперед. Сергей попридержал его.

– Ладно, хватит. Не стоит ее валить.

– Хватит, – поддержал друга Квас. – Мы же не мясники. Значит, не судьба. Успокойтесь.

Он и так надолго запомнит.

– Ну, сука, а! Мы тебя еще достанем!

– Это твой второй день рождения, ниггер. Мы тебя еще накроем!

– Ладно, пошли его потаскушку попроведем.

Сергей и два пионера остались для контроля ситуации. Пионеры развлекались тем, что грубо комментировали ухаживания гуманной дамы за изувеченной физиономией негра, предлагали ей у него отсосать и все такое, а Серега пошел из салона перекурить. Квас с остальными в этот момент уже подходил к противоположному тамбуру, у которого стоял побледневший бритый пионерчик лет четырнадцати. Квас подошел к разбитому окну, плюнул наружу, рукой в перчатке вытащил окровавленный осколок стекла.

– Что, сука уже сошла? – спросил он пионерчика. Тот помотал головой и указал на тамбур.

– А ты чего, первый раз, что ли?

– Ага...

– Ну и как? Пионерчик поморщился.

– Ну ладно, пошли, – Квас похлопал его по плечу. – Все замечательно. А ты как думал?

Здесь все без дураков.

В тамбуре Квас увидел настоящую идилию – скины курили, а подружка негра валялась у

двери ничком, слабо ворочалась и стонала. Пол тамбура был обильно заляпан кровью.

– Эта, что ли?

– Она самая.

– Уже во как стемнело... – тоскливо сказал Роммель, прижавшись лбом к дрожащему окну. – А перегон здесь и вправду длинный, все никак не приедем.

– Артем где?

– Вон, с народом базарит.

Его окликнули. Артем вошел в тамбур, сплюнул на лежавшую.

– Ну как оно?

– Порядок. Сколько времени?

– Одиннадцать минут десятого.

– А начали когда?

– Часов в девять.

– Чего, на часы, что ли, никто не смотрел?

– Да нет как-то.

– Эта сука орала тут, что она беременная.

– Да ну?! Чего, серьезно, что ли? – Ну.

– Вот дрянь-то, а?! А чего она орала-то? Типа, не бейте меня, я беременна, что ли?

– Ну да.

– От дура-то.

– Чтоб у нее выкидыш был...

– Сильно вы ее?

– Сам посмотри.

Квас подошел, нагнулся, толкнул ее в плечо мыском ботинка.

– Ну, как ты? – и потом вдруг отскочил и с подскоком пнул ее пару раз в живот. – Ну, тужься, сука, тужься! Посмотрим, что за ублюдок из тебя вылезет.

– Квас разжигает межнациональную рознь! – хохотнул Роммель.

Засмеялись.

– Ни хрена. «Ублюдок» – научный термин. Введен Дарвином для обозначения продукта смешанного брака. Классику надо читать, деревня. Ба-бах – это уже в голову. – Подстилка черномазая, чтоб ты сдохла!

Пионерчик, который в первый раз, решил и попрыгал на ней немножко.

Остановки все не было. В тамбур уже набились пионеры, весело подымался дымок от сигарет. Шел неторопливый разговор и время от времени слышались пинки и стоны. Квас с восхищением отозвался о заступнице негра.

– Только у нас такие женщины! Прикинь, полвагона мужиков – и никто не вякнул. А эта дура в самое пекло полезла.

– Квас, блядь, либерал херов! Валить ее надо было, дать пару раз в череп, блядь, чтобы знала, как негритосов защищать!

– Ни хрена. Народу слишком много. Надо и о пропаганде думать. Было бы народу поменьше – я бы ей первым бы перепаял.

– Интересно, мужики. За негра вступились, а эту суку мы мочим, мочим, а никто не вступается. Вроде она девка, за нее скорей должны вступиться.

– А-а-а, Повар, это уже психология. Я думаю, это потому, что... Как это сказать? Ну, вроде смотри: негра, типа, защищают – это совковое воспитание...

– При чем тут воспитание? Ты, блин, Роммель, смотри – влезть в такую кучу скинов, почем она знала, что Квас такой чистоплюй? У всех воспитание, однако все сидели и молчали в тряпочку.

– Ты слушай, я не кончил.

– Не закончил.

– Ну да, не закончил. Не цепляйся к словам. Вроде фашисты бьют негра – это расизм, это плохо. А когда лупят подругу негра, то это уже, ну вроде, «голос крови». Ну, подсознательно плохо относятся, потому что сошлась с самцом из другой стаи. Я думаю так.

– Хм, возможно. Слышь, Артем, а ты там кому врезал?

- Да я так, несильно ему въебал-то, чтобы только на место сел.
- А базарил о чем?
- Да кто мы, что мы. Чтоб не боялись. Говорил, что мы за русских, что русских никогда не трогаем...
- А народ чего?
- Этот кекс говорит: «Я, типа, украинец». Я говорю: «это мне по херу, что украинец, что русский, что белорус, что серб – едина культура, едина кровь, един народ. И потом, у меня вообще, бабушка – литовка. Ну и что? Прибалты – тоже арийцы, как и мы все».
- Хотя и довольно паскудные.
- Забыли просто, чем русский танк в бою пахнет. Напомнить разок – и опять присмирят. Я вообще не знаю такого понятия – Прибалтика. Объясните мне, мужики, что это такое? Я знаю понятие – Чухна. А жители Чухны – чухонцы...
- Слушай, а эта тварь, а?! Выдала номер.
- Чуть не вкапались из-за нее.
- Скорей бы приехать, а! Не может быть, чтобы менты не шевелились, она же орала, сука, на всю станцию.
- Сейчас все выходим, до вокзала не едем.
- Я бы даже сказал, выбегаем.
- Сейчас какая будет?
- Лосиноостровская.
- Что за ебень?
- Это не ебень, это очень классная остановка. Хочешь – до Бабушкинской, хочешь – до Медведково.
- Квас, Серега где?
- В вагоне.
- Блядь, менты. Блядь, может, они уже по вагонам идут?!
- Не ссы. Никто никуда не идет. Во, слава яйцам, остановка. Успокойся. Помахай лучше тем, чтоб выбегали.
- Мужики, надо ей вклеить на посошок. Стали пинать.
- Пока поезд тормозил, один из пионеров сказал:
- У меня тут сестра недалеко живет. Сейчас выбегаем – и направо, до моста. Там трамвай. Кто куда хочет. Можно дворами до «ВДНХ» дойти.
- Прибежал серегин пионер:
- Чего махали? Выходим? Кто негру в ухо дал? – Я.
- Поздравляю – барабанную перепонку на хер выбил.
- Поезд останавливался. За окном уже тянулась платформа.
- Кто район знает? – напряженно глядя в окно, спросил Роммель.
- Я.
- Как тебя зовут?
- Иван.
- А кликуха?
- Пока нет.
- Ладно. Пойдешь вперед. Не подкачай, ладно? Поезд остановился. Подталкивая друг друга, все ринулись в фиолетовый сумрак. С гулким топотом скатились с перрона. За ними никто не гнался, не свистел. Забившись в просторную арку сталинского дома, скины подождали, пока электричка уедет.
- Ну все. Все здесь?
- Все.
- Покурим, ребята. Все в порядке. Теперь во дворы, быстро... Ну как, ребят? – спросил Роммель у пионеров.
- Здорово.

– Здо-о-орово! А как сначала по съемам вдарили?⁸ Не паникуйте, мужики. Тот, кто паникует, первым неким органом накроется. И еще. Я тут у некоторых жалость какую-то заметил. Вы это бросьте раз и навсегда. Дома мы все добрые. Вы Бабса знаете? Нет? Ну, короче, это такая дубина здоровая, как въебет раз, не возрадуешься. Жалко, что его сегодня не было. Так он, знаете, какой добрый? Что вы, ребят, он и мухи не обидит. А как племянничек над ним стебается – это отдельная тема... Короче, сидим раз у него, пьем пиво, базарим. А у них квартира однокомнатная, и мы его племянника вытурили в кухню, чтобы не слышал выражений типа «кровища», «глаз ему на хуй выбил», «чувствую, как черепушка под гриндером трещит» и т. д. Ну, ля-ля тополя, короче, и я вдруг слышу, как из кухни доносится что-то вроде слова «ебаться». Я Баб-су говорю, типа: «Что это там твой племянник матерится?» Он отвечает: «Не может быть. Он мелкий еще, мата не знает». Я говорю: «Ну ладно, типа, тогда у меня глюки». Нет, прислушались, точно: ля-ля-ля, ебаться... ля-ля-ля, ебаться. У Бабса челюсть до стола отвисла...

Пионеры засмеялись, более старшие улыбнулись. Знали, как огромный Бабс обожает своего племянника и как тот его тиранит.

– ...Короче, пошли узнавать, в чем дело. Оказывается, этот мелкий деятель знает не только это слово, но и что оно означает. Он, короче, взял, из резинки от трусов, ну, знаете, такие длинные, белые, вытащил тонкую резинку и гоняется по кухне за мухами, которые как раз делают то, что он произносил. Знаете, да, они иногда по две штуки летают и ебутся даже в полете. Вот. Бабс начал его стыдить, а этот кекс как начал орать ему назло: «Ебутся!!! Ебутся!!! Ебутся!!!» Орет на весь дом. Бабс его потом чуть не убил.

Истории, как племянник изголяется над своим дядей, всегда ждали в компании с нетерпением. Племянник обладал дьявольской фантазией, и огромному Баб-су от него часто доставалось на орехи.

– Кстати, Бабс и сейчас с ним сидит, – Квас с доброй улыбкой поглядел на часы. – Он Бабса уже, наверное, на уши поставил.

– Да, так вот. Дома мы все добрые. А здесь мы на войне. Наш враг не имеет ни пола, ни возраста. Поэтому эти базары «ах, девушку не надо, ах, тетю, которая за негра заступается, не надо, ах, эту не надо, она беременная» прекратить. Мы, ребята, еще сварим с вами каши, но чтобы я от вас этого больше не слышал. Квас, это и тебя тоже касается, понял? Ты чего-то размяк в последнее время.

– Понял.

– Ниггер на твоей совести, понял?

– Ха-ха... Голубые шнурки тебе – за спасенного негра...

– Надо было валить эту дуру, и все. Слишком мы гуманные стали, поэтому нас и чмырят всякие черножопые, понятно? Ладно. Вань, команду, как дальше ехать.

– Ну смотри – по этой улице до моста. Там остановки. Туда до ВДНХ...

– Долго?

– Минут десять. А туда – до Медведково. Примерно столько же.

– Фу-у... Понятно. Ну чего, все идем до моста?

– Нет. Мы дворами к метро выйдем. Роммель, а можно еще с вами?

– Да ради Бога. Давай сделаем так. Вы между собой все знакомы?

– Да.

– Ну отлично. Тогда старший у вас кто будет? Пионеры пошущукались.

– Я.

– А-а, Иван Сусанин. Опять ты. Хорошо. Давай свой телефон, если чего, я звоню тебе, а ты уже своих обзваниваешь сам. Поскольку вы новые – запомните, мужики – по телефону языком особо не пиздеть. Береженого Бог бережет – не нами выдуманно (эту фразу Роммель очень любил и часто употреблял, а с командира ее собезьяничала и вся бригада).

Роммель достал из кармана джинсов крошечный блокнотик с клейкими листками. На первых пяти или шести листках был написан его телефон. Он отклеил листочек и подал Ивану,

⁸ «Вдарить по съемам» (фанатский сленг) – обратиться в бегство.

а тот прилепил его во внутрь пачки сигарет, за целлофан. Потом Роммель отклеил чистый листок, прислонил его к плечу Сергея и приготовил ручку:

– Давай, говори... Ага, понял... Если чего, звони. Ну ладно, мужики. От имени нации благодарю вас за то, что вы оторвали задницы от дивана и рисковали собой во имя НС. Благодаря нам чуть-чуть улучшилась демографическая ситуация в России. Слава России! – Роммель выкинул правую руку вперед.

– Слава России! – ему тоже ответили салютом. Распрощались. Пионеры уже затерялись в дворах, а Квас, Роммель, Повар и Морковка стояли у двадцатичетырехчасового магазинчика и дружно хлопали себя по карманам, соображая на бутылочку газировки. Потом Повар вдруг нашел у себя мятый червонец и роздал каждому обратно мелочь. Вышел из магазина он уже с бутылкой «Байкала».

– Пошли, мужики.

Они шли молча. Да и незачем было сейчас разговаривать. Напряжение, давившее на всех за эти кровавые полчаса, разом свалилось. То, что их объединяло, не требовало слов, это было на каком-то подсознательном уровне. Так они и шли молча, попыхивая сигаретами и долго еще передавая по кругу бутылку...

Милиция, наверное, не отреагировала на вопли или слишком долго раскачивалась. Так или иначе, все добрались домой без проблем и происшествий.

ГЛАВА 4

Прошло два с половиной месяца, и наступил ноябрь. В этот год морозы ударили до противного рано, и за какие-то три-четыре дня накапало до – 15°C. Квас уже почти месяц работал в типографии.

С работой вроде пока наладилось, с Наташей вроде тоже, так что зима понемногу вступала в свои права, а Квас жил относительно неплохо. Наташе он стал посвящать гораздо больше времени, потому что их экспедиции стали более редкими, одно время они даже вовсе никуда не ходили – наступил обычный для московских бритоголовых период зимней спячки.

За эти два месяца бригада расплзлась для занятий личной жизнью, и вместе собирались только два раза – когда Бабсу стукнуло двадцать, и просто так, без всякого повода, у Молодого, попить пивка вволю. Да и то на этот пивной мальчишник половина не явилась. Не даром же на одном концерте кем-то было сказано, что у Роммеля, дескать, какая-то ненормальная бригада – «на махач встают все как один, а на пьянку никого не отыщешь». Эта фраза стала им известна, бригада ее оценила, и теперь все ее цитировали к месту и не к месту.

День рождения Бабса прошел весело. Часам к одиннадцати все уже были хороши. Девушка Молодого сидела в кресле, Молодой сидел на ковре у ее ног, в одной руке зажав бутылку с пивом, а другую забросил ей на колени. В расслабленной кисти Молодого лениво дымилась сигарета. Когда не было родителей, курить у Бабса дозволялось. Остальные расселись кто где. Квас с одной из новеньких расположился на широкой тахте. Девочка тоже была хороша, хотя среди «бригадных» девушек пристрастие к алкоголю не поощрялось. Эту новенькую звали Ира, и сейчас она облокотилась на Кваса, одну руку забросила ему за шею, а вторая безвольно лежала на диване. Она несла всякую восторженную чушь, и Квас уже думал, не проводить ли ее на кухню и не заварить ли кофе. На ней уже была накинута черная гимнастерка Кваса, из нагрудного кармана которой торчал его же галстук, а сам Квас был в белой рубашке с расстегнутым до груди воротом и в подтяжках. Квас проклинал Бабса за то, что у него всего одна комната, потому что и он, и девушка уже дозрели. Тут же сидели Бабе с девушкой, тоже новенькой, которую уже все, кроме Бабса, забыли, как зовут, и щекотал ей шею и ладони своей бритой головой. Девушка звонко смеялась, закидывая голову, а Бабс рычал и говорил комплименты. И Бабс, и девушка были достаточно пьяными, и все у них было отлично. Повар уволок свою девочку в прихожую и там, видимо, разъяснял ей основы национал-социализма. Но этим не увлекались, потому что девчонок меньше, чем ребят, и вообще, соратники важнее.

Скоро девочек отправили на кухню пить кофе, сами расселись вокруг стола по-хорошему стукнуть по пивку и поговорить на мужские темы. Часто в разговорах звучало слово «наши». У

этого слова была какая-то притягательная сила. «Наши»... Мы все здесь «наши», Бабс. Наливай, Бабс. По-нашему. Здесь наша страна, и пиво наше, и девочки, которые сейчас на кухне кофеем протрезвляются, тоже наши. И плевать, что джакузи у тебя не бурлит и параболка не торчит под окном. Разве наши этим определяются? А тех будем топить скоро в их джакузи и вешать будем на параболках. Всех, Бабс Нет, не всех. Но очень-очень многих. Скоро наше время придет. Наше время. А потому лей, Бабс лей. С Днем рождения тебя, Бабс Будь счастлив, мужик. Скоро совсем взрослым станешь. Совсем уже здоровый бугай. Давно мы так не собирались и еще долго, небось, не соберемся. А потому лей, Бабс А наше время обязательно наступит, Бабс Веришь? Отлично. Наступит, никуда не денется. Что мы, тупее немцев, что ли? И вот тогда повеселимся. Повеселимся, Бабс Повеселимся. Повеселимся...

...В ту субботу в начале декабря термометр показывал минус четырнадцать. Роммель решил, что пора бы и пошуметь слегка. Хоть и холодно, а война есть война. Их набралось семь человек. Сначала они от ВДНХ съездили до улицы Вешних Вод и устроили засаду у общаг. Простояли там два часа, но больше не выдержали. Никого не было. Один раз от холода чуть не обознались, но вовремя спохватились, что если у человека темные волосы, то это совсем не значит, что он хачик. Нормально – мужик отделался легким испугом. После двух часов стояния на морозе решили использовать вариант, который их еще никогда не подводил – электрички. Заодно и отогреться слегка. Но сейчас Бог отвернулся от них – за полтора часа они никого не отловили, хотя прочесали несколько электричек. Да к тому же ментовский патруль высадил их на какой-то глухой станции, где электрички почему-то упорно не хотели останавливаться. Началось страдание за идею. Поднялся ветер, крутил мелкий колючий снежок змейками по черной платформе. Каждый из героев был толще, чем обычно, раза в два, из-за поддетых под бомберы свитеров. У Кваса был толстый замечательный свитер из овечьей шерсти, про который соратники говорили, будто он сделан из мешка из-под сахара. Но свитера не спасали. Уже через сорок минут все стучали зубами, как пулеметы или дятлы. Сначала все хором крыли каждую мимо проходящую электричку и ее машиниста, но скоро уже и выругаться толком не могли. Скоро все семеро, похожие на космонавтов в скафандрах, весело подскакивали на платформе. Можно было подумать, что они высадились на таинственную планету, где оказалось холоднее, чем это предусмотрел Центр управления полетом. Роммель пошел в присядку, длинный Боксер маршировал туда-сюда, как потсдамский гренадер. Квас, замотанный по самые очи белым шарфом, шумно хлюпал носом, подпрыгивал, притопывал ногами. Идеи о национальной революции уже стали уступать место болезненным фантазиям о теплой ванне, когда Квас первым заметил очередную электричку. Поднялся хор полных страдания голосов, умоляющих электричку остановиться. Наверно, примерно так на заре истории наши отделенные предки умоляли какого-нибудь каменного идола, чтобы он послал им дождь. С приближением электрички умоляющие фразы стали обильно разбавляться матерными и ругательными словами.

Электричка стала тормозить. Сил радоваться уже не было. Они ввалились в резко освещенный вагон, сбились в одну тесную кучу и нахохлились. Молодой трясся так, что кованые подошвы его солдатских берцев (по бедности своей он берег гриндера) выбивали звонкую дробь. Вагон сотрясался на ходу. Все форточки были закупорены, печки под сиденьями топились, и лампочки плавали в легком мареве. Но скины поначалу не оценили этого. Усевшись тесной кучкой, они жались друг к другу. Голые черепа, казалось, сморщились от холода даже под шапками, а по щекам текли не слезы от неразделенной любви, а просто это таяли льдышки на ресницах. Вагон был почти пустой – ребята припозднились благодаря добрым милиционерам. Да и те, кто был в вагоне, не обращали на бритых никакого внимания. Они дремали, уткнув носы в воротники и суровые махеровые шарфы. Шло время. Поезд отсчитывал остановки, но никто не входил. Скины потихоньку опаяли. Энтузиазм возвращался. Они зашевелились, рассматривая попутчиков. Рыбку съесть и на хуй сесть не вышло – все попутчики обладали более или менее славянской внешностью. Покряхтев, они решили пройтись по вагонам. Так, чем черт не шутит. Может быть, опять кто-нибудь попадет не в то место не в то время. Скины тронулись вперед. Шли, хватаясь на ходу за поручни в спинках скамей.

– Ну, Серега, ты задолбал на пятки наступать! – зло сказал все больше и больше хотевший

спать Квас.

Сергея, который спать хотел не меньше, не ответил. То, что он наступал на пятки, это была, в общем, не его вина – он, собираясь, сдуру не одел вторую пару носков и до сих пор не мог точно сказать, на месте его ступни или нет. Так что шел он, подскакивая на месте, словно орангутан.

Поезд был чист в расовом отношении. Не было никого, хоть ты тресни. В одном из вагонов сидела, привалившись к окну, одна-одинешенька девушка в серой искристой шубе. Когда за ее спиной резко грохнули двери вагона, раздался топот, гомон и мат, она резко обернулась с таким видом, будто ее вывели из полного ступора. Скины прошли мимо, оценив на ходу ее достаточно аристократическую красоту и подивившись, что она делает одна в ночной, безлюдной, прокуренной и обоссанной электричке. Нагловатый Башня было остановился и собирался сказать свою обычную в таких случаях фразу: «Девушка, а вашей маме зять не нужен?», но Роммель поддал ему в спину и мрачно сказал:

– Пошел вперед, Ромео, блин.

Они прошли всю электричку насквозь и расселись в первом вагоне. Боксер рассказывал о последнем концерте в «Золотой Луже». Квас послушал-послушал, плюнул и пошел в тамбур курить. Он думал, что было бы неплохо, если бы на ту девушку кто-нибудь напал. Лучше всего негр или хачик, хотя и наша алкота сошла бы тоже. Вот они бы им показали! Или пойти попытаться познакомиться, что ли? В тамбур вышел Повар, их взгляды встретились, и Квас понял, что не один он здесь такой чувствительный. Повар тяжело вздохнул, прикуривая от квасовской сигареты. Квас посмотрел, что происходит в вагоне. Бритые затылки белели вокруг облезлой кроличьей ушанки. Это был какой-то дед, над ним стояли Роммель и Сергей, известные любители погрузить уважаемую публику насчет национал-социализма. Судя по жестам, они именно этим сейчас и занимались. Видать, дед от скуки решил заговорить с молодежью, и не прошло и трех минут, как он уже был втянут в дискуссию.

– Хорошая девушка, – тоскливо сказал вдруг Повар.

– Старуха, – цинично откликнулся Квас, но сердце екнуло. Он был явно неискренен, и Повар это почувствовал.

– Ля-ля, Митяй, не пизди. Тебе она тоже понравилась. По глазам вижу.

– Вернемся?

Повар не успел ответить, как в тамбур ввалилась вся компания.

– Пошли обратно. Не топят ни хера, с-сволочи. Квас и Повар переглянулись.

– А-а, уже втрескались! Нью-ню.

– Ладно, заткнись.

– Мужики, вы смотрите за ними! Ежели начнут убивать друг друга, то вы, это, не дайте пропасть соратникам.

– Помните, как у Зощенко? «А только надо сказать, промеж них не было расовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба-два были истинно славянского происхождения. А просто они, скажем грубо, не поделили между собой бабу! Это ж прямо анекдот».

– Ты чего, Роммель, по памяти, что ли, шпаришь?

– Ну да. Я вообще Зощенко люблю. У него там открывай любой рассказ и цитируй на выбор. «Вы видали наглые речи!»

– Чо это за рассказ, где про бабу?

– Ну, там, короче, из-за бабы подрались водолаз, такой бугай вроде Бабса, и этот, студентик такой, – Роммель втянул щеки и выпучил глаза, а указательными и большими пальцами рук изобразил очки у глаз. – Короче, баба сначала с водолазом гуляла, а потом – к студенту. Ну, водолаз давай до него докапываться. Ну, довел его в конце концов, студент ему раз в бубен. Короче, как только студент видел водолаза, он бил ему в морду. Водолаз каждый раз его метелил чуть не до смерти, а студент отлежится, найдет водолаза и опять – ба-бах ему в морду. И победил же в конце концов! Мораль такая, что сила силой, а дух сильнее всего. Да ты чего, Зощенко читать надо.

– А чего вы там деда грузили?

– Он, короче, подходит, говорит, вы чего, из партии лысых?

- Хоп-па... И чего?
- Да так, побазарили...
- Он воевал...

Когда они проходили вагоны, Квас и Повар оглядывались. Девушки не было. Наверное, сошла. Но нет. Бог оказался милостив к двум влюбленным друзьям-соперникам. Они вошли в вагон и увидели, что девушка была уже не одна. Ей составляли компанию двое хорошо подданных граждан, причем когда скины зашли в вагон, один из граждан схватил ее за шею и игриво сказал:

– Девушка, а почему и нет?

– Во, доездила... – начал было Боксер, но тут Квас и Повар растолкали своих и наперегонки бросились вперед. Остальные ринулись за ними. Стычка с двумя алкашами на фоне остальных их акций отличалась похвальной гуманностью. После того как Квас первому впечатал зуботычину, а Повар так же врезал второму, им просто посоветовали вываливаться на ближайшей станции и все. Ну, может, еще и имела место пара пинков и затрещин, но это было уже в тамбуре, когда Квас и Повар, выпятив грудь, выпендривались перед девушкой.

Остальные вернулись в вагон и расселись вокруг спасенной. По правде сказать, она на своих спасителей тоже смотрела с некоторым страхом. И это понятно – пропаганда в СМИ, да и особо мирно, прямо скажем, они не выглядели.

– Мы очень благодарны вам, – сказал, выпятив грудь колесом, Роммель, – за то, что благодаря вам мы выступили в амплуа, о котором можно только мечтать – в амплуа воинов-защитников слабой девушки от вооруженных... ну, не очень вооруженных негодяев. Все-таки здорово получилось, мы вовремя появились.

– Спасибо, ребят.

– Да не за что. Только не стоит одной ездить так поздно, ладно?

Девушка разом помрачнела и отвернулась к окну. Неловкая тишина длилась несколько минут. Повар и Квас переглядывались. Наконец девушка резко обернулась, сверкнув прической, и попросила сигарету. Повар, победно взглянув на Кваса, несколько раз беспомощно хлопнув себя по карманам, протянул ей «Золотую Яву». Девушка поблагодарила, взяла сигарету и пошла в тамбур. Квас заметил, что у нее какая-то странноватая походка. Квас наконец-то нащупал сигареты, сдерживался минуту, а потом резко вскочил и пошел следом. Сзади кто-то тихо присвистнул, а Бабе с добродушной улыбкой похлопал разинувшего рот Повара по бритой макушке.

Квас хотел придать себе бравый вид, но этого не получилось, и в тамбур вошел он как-то робко. Она курила, глядя в окно.

– Примешь меня в компанию?

– Хм... проходи.

Квас подошел ближе. Помолчали. Девушка хищно затягивалась, изредка поглядывая на него. Квас тоже осторожно приглядывался, но тогда, когда она, отвернувшись, выдувала дым на оконное стекло.

Все же пару раз взгляды их встретились.

– И что ты молчишь? Как тебя зовут?

– Квас. – Как?

– М-м-м... Митя.

– А меня Инна.

– Очень приятно.

– Взаимно. Спасибо еще раз, я уж не знала, чего думать. Эти два козла пристали всерьез.

– Да ну, что ты... – помялся Квас.

Инна с интересом посмотрела на этого Митю. Перед ней стоял вполне здоровый молодой парень, в камуфляжных штанах, бомбере с нашивкой на левом рукаве.

Голова была выбрита, а шея замотана белым тонким шарфом. Он сильно смущался, и по его взглядам Инна поняла, что запала ему в сердце. Квас видел перед собой невысокую изящную девушку с темно-каштановыми волосами до плеч и такими же светло-кариими глазами, как у него самого. Инна теперь уже грациозно затягивалась «Явой». «Светская львица, черт подери», – взволнованно подумал Квас. На Наташу он привык смотреть сверху вниз, а на такую

с удовольствием смотрел бы снизу вверх.

– Сколько тебе лет? – спросила Инна достаточно властно, видно, уже поняла смятение внутри этого парня.

– Мне? Девятнадцать.

Она усмехнулась и замолчала.

– Что тут смешного?

– Ты что, обиделся? Брось. Расскажи лучше, почему вы все лысые?

– Мы это... скины. – Кто?

– Скинхеды. Ну, бритоголовые...

– А-а... Тут про вас передачу показывали...

– Было дело...

– Интересно так... – сказала Инна скорее сама себе и с улыбкой выдула дым вверх. – Вот, обсуждали тут на работе, а теперь с живым разговариваю...

Квас надулся.

– Что ты, Мить, – она потрепала его по лысой голове. Ну, тут уж Квас не выдержал. Он резко откинул голову и вдруг быстро поцеловал ей ладонь. От прикосновения к ее руке его чуть прямо в тамбуре не хватила кондрашка. После поцелуя Инна взглянула на него уже немного по-другому. Но пока они продолжали разговаривать, будто ничего не случилось.

– Ты так сказала, как другой бы сказал, типа, вот, говорящая обезьяна.

– Да? Ну не обижайся. Интересно же...

Тут Квас рискнул нагнуть к ней свою обритую голову и с замирающим сердцем сказать:

– Вот, можешь пощупать – рога у меня не растут. Инна, усмехнувшись, провела ладонью по его затылку и побарабанила пальцами по темени. Тогда Квас нерешительно ухватился рукой в перчатке с обрезанными пальцами ее руку и взглянул ей прямо в глаза. Руку она не отняла, и тогда Квас поцеловал ей кончики пальцев, но не судорожно и торопливо, как в первый раз, а уже нежно, долго и со вкусом.

– И сырым мясом, как видишь, тоже не питаюсь.

– У тебя голова, как наждак.

– У вас, у женщин, воображения никакого – все бы вам наждак.

– Ого! А тебя что, девочки часто по голове треплют?

– Бывает.

– У тебя такая классная головка. Можно еще?

Квас покорно нагнул голову, но уже сделал шаг вперед и уткнулся головой ей в плечо. Инна начала уже с шеи. Замирая от восторга, Квас понял, что какая-то искра между ними проскочила. Недаром примерно в это же время Серега под усмешечки соратников уже второй раз посмотрел на часы, поцокал языком и медленно сказал Повару:

– Да-а-а, Повар, проебал ты свое счастье.

В тамбуре Квас и Инна закурили еще по одной. Теперь уже Квас слегка расслабился и смотрел на Инну уже более смело.

– Инн, а можно нескромный вопрос? – Ну?

– А... м-м... куда ж ты на ночь глядя одна собралась?

– А никуда. Катаюсь туда-сюда.

– Не понял.

– А тебе и понимать не стоит.

«Быстро же ее власть начала развращать, – подумал про себя Квас. – Ну ладно. Ладно, потерпим. Хрен с тобой. С Наташей я, небось, также иногда разговариваю».

– Можно подумать, что тебе ехать некуда.

– Ну да.

– Здорово! – глупо восхитился Квас.

– Чего здорово? Проблемы в личной жизни.

– Инна, а чего ты так странно стоишь?

Она без слов повертела ножкой. Квас присвистнул.

– Ты что, ненормальная? Ты бы еще босоножки надела в такой мороз! У тебя уже, небось, пальцы отваливаются.

– Так, слегка, – Инна пошевелила пальцами в туфле и поморщилась. Если бы сейчас здесь присутствовал Сергей, они бы могли долго обмениваться впечатлениями по поводу обмороженных пальцев.

– Так езжай домой.

– Я же сказала – некуда мне пока.

– Милая, а ты что, другого места не нашла время убивать?

– Хватит, Мить. Так получилось.

Квас затаил дыхание и помялся. Пачка сигарет в кармане упрямо выскальзывала из его руки.

– Инна... слушай... могу ли я предложить тебе убежище?

Она с интересом посмотрела на него.

– Инна, поверь, я – хороший, – горячо заговорил Квас. – Пойдем в вагон. Если не веришь – не надо, но ничего плохого я тебе не сделаю. Просто, если хочешь, можешь переночевать у меня.

Квас тут же быстрым движением закурил. Инна попросила еще сигарету и перед тем как закурить посмотрела на название. Инна затаилась только раза три, молча глядя в окно на пролетающие мутные звезды фонарей. Квас ждал ее ответа, как приговора. Она метнула окурочек в стену, и он взорвался мгновенным бенгальским огнем.

– Хороший, говоришь?

– Очень.

– А еще беленький и пушистый? Ладно, пойдем в вагон. Спасибо за участие. Посмотрим.

Пока она молчала, Квасу уже стали представляться всякие смелые и волнующие картины. Наивно было, конечно, думать, что она бросится ему на шею прямо так, покурив с ним десять минут в тамбуре. Но, черт возьми, ее уклончивый ответ все равно огорошил его, и Квас опять надулся.

– Господи, опять он надулся! Ну, пойдем, пойдем в вагон.

Потом остановилась и пристально взглянула на убитого горем Кваса. Черт ее знает, что Инна при этом думала, но она спросила его:

– Что, тебе это так надо?

Квас не ответил. Хотя он предложил ночлег на самом деле без задней мысли, но теперье обожание в нем вдруг исчезло, и появилась какая-то отчужденность.

– Митька, ну ты даешь! – она подошла к нему вплотную. – Ведь мы же с тобой только полчаса знакомы. – Она рассмеялась. – Хорошо, поедем.

– Поедем? – Квас сразу расцвел. Отчужденность опять сменилась трепетным обожанием.

– Поедем. Я думаю, у тебя будет не страшнее, чем в этой электричке.

Он задержал ее у самых дверей.

– Инна? – Что?

– Я люблю тебя.

– Что, уже? Да ну, брось. Пошли.

Они вошли в вагон и демонстративно сели через два сиденья от всей бригады. Все разговоры разом умолкли.

Потом они сочли, видимо, что это бестактно, и базары мало-помалу продолжились. Квас отыскал глазами Повара. Повар смотрел с явной болью.

Инна нахохлилась в своей шубке и неловко поджала под сиденье ноги. Квас снял куртку, кинул рядом на сиденье, размотал шарф и стал снимать свой овечий свитер.

– Сними туфли.

– Зачем?

– Ну ножки положи на сиденье, я их свитером накрою, погреешься.

Мыском одной туфли Инна неловко попыталась сковырнуть вторую, сильно поморщилась. Квас еле удержался, чтобы не присесть на корточки и не помочь. Будь они одни, он бы так и сделал, но при своих стеснялся. Квас расстелил на сиденье свитер, и когда Инна положила на него озябшие ноги, чересчур уж трепетно укутал их со всех сторон. К ним осторожно приблизился Сергей, поднял туфельку, повертел, пощупал внутри и сочувственно покачал головой – своя своих познаша. Только совсем недавно сам он почувствовал, что его

ноги находятся в гриндерах, а не обледенели и не отвалились вместе с ботинками.

– Да, это надо додуматься – в такой морозильник такие туфли надеть. Там внутри как в морозилке.

Поезд стал притормаживать. Квас прилип лбом к стеклу, силясь прочитать название станции.

– Северянин. Через две выходим.

– Митяй, а я с вами? – спросил Сергей.

Инна удивленно взглянула на него, но Квас поспешил разъяснить обстановку.

– Ну а куда ты, Серег, денешься? Мы же почти соседи. Вместе пойдем.

Теперь, когда ближайшее будущее было ясно и предсказуемо, Квас счел нужным показать соратникам, что он не распустил слюни из-за смазливой девушки, которая старше его как минимум лет на шесть. Он оставил Инну и подсел к своим, где Башня рассказывал о конфликте с местными в подмосковном городе Н. Но не со всеми местными, а с теми, кого Башня именовал «быковатая молодежь». Себя он, естественно, причислял к «праворадикальной молодежи».

– Короче, там сестра Хома живет, ну мы приехали, потусовались у нее, потом делать не хрена, решили на дискотеку сходить. Ну, на нас там местное бычье и наехало.

– Пра-а-авильно, – удовлетворенно отметил Ром-мель. – Вы бы еще на какое-нибудь хип-хоп пати бы завалились. Ну и что?

– Сначала вроде ничего – просто косились. Потом – выйдем побазарим. Ну, слово за слово, хуем по столу, один ублюдок говорит: «Сейчас братва подъедет с вами разбираться».

– Да он, наверное, выебывался?

Конечно. Но мы с Хомой перестремались. Хома говорит: «При чем тут, типа, братва, пошли махатья двое на двое». Они чего-то обсудили и говорят: «Сейчас придет типа, парень один, будет с вами по очереди махатья. Скины, блин, санитары нации. Че, крутые что ли? Гену из биллиардной позовите». Приходит этот Гена, блин. Такой шкаф, семь на восемь. Знаете, как в этом анекдоте про боксера: «Эта... Чтoб, типа, били, да не попадали... а... эта... а еще я в нее ем!» И тут такая же херня. Приходит, даже не узнал, в чем дело. Пошли, говорит. Мы поняли, что все, типа, кирдык нам настал. Хома, в принципе, и сам парень не маленький, но рядом с этим он и рядом не стоял. Мы переглянулись – значит на раз-два-три сваливаем. Бац – смотрю, Хома уже нету. Я там насилиу ушел от них – района-то ни хрена не знаю.

– А-а, так это после этой истории мы там на дискотеке погром устраивали?

– Так точно. Классно было, да?

– Да уж. Все дрожало и пряталось. Я помню, мы идем по этой аллее, к ДК, где там они тусуются, а они глядят, разинув рты. Тут такой вопль: «Скины!» И все, бля, кто куда. Чует кошка, чье мясо съела!

– А мы потом идем обратно, смотрим, Гена этот, мутант хренов, с бабой выходит. Один к ста был, что мы на него наткнемся, и наткнулись. Ну, я подлетаю – ему бабах в бубен, ба-бах, ба-бах! А он обкуренный, что ли, смотрит на меня, мычит чего-то, баба его визжит. Ну, тут наши все налетели, и понеслась звезда по кочкам! Он только и успел сказать – не здесь базар, типа.

– Сильно его?

– Был бы обычный человек, все бы, пиздой накрылся. А так, наверное, идиотом стал. Сидит, наверное, сейчас в каком-нибудь дурдоме, слюни пускает и бормочет: «Братву через хуй кинули, братва впряжется, братва впишется!»

Посмеялись.

– А у меня тоже с быком одним, это вообще такая хохма была!

– Погоди. Самый-то цирк потом начался. Мы уже уехали давно, а это бычье вылезло из грязи, оттерло кровь, вспомнили, что они, типа, местная мафия...

– А что, серьезно братки были?

– Да ну, ты чего, какие братки?! Братки по таким гадюшникам, как эта дискотека, не шляются. Просто местные дегенераты, типа, прилпатненные. Короче, собрались, стали город трясти, нас искать. В общем, эти идиоты наткнулись на каких-то местных малолетних спартачей и стали перед ихними носами пальцами трясти – братву через хуй кинули, братва

впряжется, братва впишется. Короче, насколько я слышал, туда еще к ним и спартачи потом приезжали, тоже их вонючую дискотеку громить, – Башня, потрясая пальцами, развязным голосом начал:

– Типпа-а-а, наша братва отвисает по полной программе. То нас бьют, типпа-а-а, скины, то, типпа-а-а, эти, спартачи.

– Или нет, вот. Репортаж из программы «Башня»: «В городе Н. продвинутая молодежь, как и продвинутая столичная молодежь, всерьез увлеклась экстремальными видами спорта. Каждую субботу местную продвинутую молодежь гоняют то печально известные скинхеды, то небезызвестные спартаковские фанаты, то те и другие вместе. Потом показывают такого кекса в бейсболке задом наперед и в очках с желтыми стеклами и с разбитым ебальником. Ведущая его спрашивает:

– Как впечатления?

– Когда тебя бьют по ребрам тяжелыми ботинками – это клево и все такое! Это отвязно, чуваки! Это... это... это экстремально!!! Уау!!!

Рассмеялись.

– А у меня вот было тоже. У нас девчонка одна в путяре училась, потом она на заочный перевелась. И чего-то она вдруг звонит мне – типа, ей нужны какие-то мои конспекты за прошлый год. Я у себя покопался – вроде нашел. Давай, говорю, я к тебе приеду. Давай. Встретила она меня у метро, поехали к ней. Приходим. Я смотрю – квартира обшарпанная, а техника заебись. Мне, дураку, тогда надо было сообразить, что квартиру она со своим парнем снимает. Но я думал вот этим вот, – Боксер похлопал себя по ширинке. – А не вот этим вот, – теперь по темени. – Короче, конспекты, то-се, пятое-десятое, оказались мы с ней на диване. Вдруг – оп-па – звонок в дверь. Она мне таким тупым голоском сообщает – это, типа, Никита пришел. – Какой еще, Никита??? Она бежит открывать. Хорошо, начало лета было, это она к сессии зачесалась, там, в принципе, недолго одеваться, что ей, что мне. Короче, входит этот Никита. Входит боком, иначе в проем не пролазит. Тоже такой, быкообразный, но если даже и, типа-а, браток, то какая-нибудь шестерка. Это, на меня говорит, что такое? Ну, тут я понял, что меня сейчас будут бить, причем сто пудов, что и ногами тоже. Я ему отвечаю – ну... это... я... мм... короче, я... а! я – репетитор! Какой еще к черту рип... репе... ща как дам! Я в истерике – репетитор я, бля, мамой клянусь! Вот конспекты. Чтоб меня приподняло и ебнуло! Чтоб у меня сто лет не стоял! Чтоб... И к двери бочком, бочком, потом раз, и дай бог ноги. Соображал этот гладиатор бы поскорей – все, кранты мне, там бы смертоубийство бы началось. Вот так, мужики...

– Мужики, сейчас наша. Мы выходим. Слышь, Повар, не злись, извини.

– Да ладно, все нормально.

– Серег, Инна, сейчас наша. Счастливо.

– Давай, Квас.

– Серега! Давай, счастливо.

У дверей вагона их окликнули.

– Эй!

Квас обернулся.

– А, да... Слава России! – и две правые руки – его и Сергея – резко вскинулись вперед и вверх.

– Слава России!

...Ветер на пустой платформе задувал зверски. Квас и Серега, закрывая дрожащий огонек зажигалки ладонями, тщетно пытались прикурить. Наконец общими усилиями им это удалось.

– Как ножки? Инна поморщилась.

– Любовь моя, потерпи еще минут двадцать, ладно?

– А как поедет-то? – спросил Сергей.

– А ты что, не ездил тут ни разу, что ли?

– Да нет, вроде...

– Ну, сейчас на трамвай сядем, мне минут десять, а тебе через две остановки, у метро, понял? У-у, колотун, блин!

– Да уж.

Снег потаял по время одного из потеплений, потом долбанул морозец, и от этого ветер казался еще холоднее и злее. Он задувал медленно идущую тройцу.

Скоро показался поздний пустой трамвай. Там, кроме них, была еще молодая пара: девушка в коричневой кожанке с аппликациями и померзшим букетом в руках сидела на коленях парня в темно-бордовом пуховике.

– Пошли в конец, – позвал Квас.

Они ехали молча. Парочка впереди перешептывалась и обжималась. Серега дремал, а Квас молча смотрел в окно. Потом вдруг Инна просунула свою руку под рукав его бомбера и положила голову Квасу на плечо. Квас тихо шмыгнул носом.

– Устала?

– Да как-то знаешь, вообще вся пустая.

Квас неопределенно покачал головой. Дальше до выхода все молчали. Трамвай замер на перекрестке. Квас пошевелился.

– Вот, Серег, смотри. Нам сейчас выходить, а тебе у метро, через одну.

Трамвай отстоял свое перед светофором на перекрестке, дернулся вперед.

– Ну, все, Серег, давай! – Они, сильно хлопнув, пожали друг другу руки, но не за кисти, а перед локтями, как это принято у националистов.

– Пока! – Инна помахала ему ладошкой.

Отойдя на несколько шагов, Квас резко развернулся и вскинул руку – ритуал прощания надо соблюсти до конца.

Они сошли с трамвая. Тот же холодный кинжальный ветер опять обрушился на них. Некоторое время они шли молча, кутаясь в шарфы.

– Фу, блин! – Квас высморкался, – Ну вот, мы почти дома. Видишь этот колодец здоровый?

– Да.

– Там мое логово. Ты чего, сейчас еще поприкалываемся, посмотрим, как мои родители отреагируют!

Черная, темнее ночи, с желтыми глазами редких сияющих окон громада дома надвинулась на них. Арка походила на распяленный рот или на глухую пещеру.

– Ну, Инна, готовься. В этой арке всегда такое ветрило – край. А там и мой подъезд недалеко.

Арка поглотила их.

– Ой, мама!

– А-а, ясно? Фу, ну все.

Квас отомкнул железную дверь подъезда.

– Прошу. Будьте как дома.

Подъезд был исписан националистическими лозунгами и символикой. На двери была нарисована виселица, на которой висела шестиконечная звезда и рядом три восьмерки. Квас объяснил, что это значит «Neil Happy Holocaust!», причем это аббревиатура – его собственное изобретение. Справа от лифта был аляповато изображен огромный скинхед, схвативший за горло нечто в колпаке. Надпись гласила: «Убей клоуна!» Над аккуратными рядами почтовых ящиков было написано небрежной ижицей «Убей черного – порадуй мамочку!» У кнопки лифта была наклеена листовка Союза. Она была наполовину содрана, там был нарисован черным маркером кривоватый пенис, тут же красовалась зачеркнутая свастика и крест-накрест перечеркнутые челка и знакомые квадратные усики. Надпись гласила: «Fuck nazi!»

– Что это за херня!!! – взревел Квас. – Какой урод это сделал? Поймаю, я же его урою!

Антифашистское подполье потрудились и в лифте. «Вы думаете, Фюрер мертв? А мы думаем – нет!» – было написано там, и долгое время этот плевок в морду овощу-обывателю никто не трогал. Теперь же тут было приписано: «Сдох он!» и «Скины – мудаки!» На полу лифта была нарисована свастика, видимо, чтобы граждане топтали ее ногами.

– У тебя маркера нет? – убито спросил Квас. – Нет? Жалко... Интересно, кто же это такой появился? Кто-то из дома, с улицы-то к нам особо не зайдешь. Ну, поймаю гада, я же ему ебальник разорву!

На лестничной клетке Кваса, прямо напротив лифта, был нарисован человечек, точнее,

человечище, как на обертках из-под жевательной резинки, только в мусорное ведро он выбрасывал звезду Давида.

– Ну как тебе мой подъезд? Здорово, правда? Инна покачала головой. Когда Квас открыл дверь в квартиру, его встретила темнота.

– Не понял юмора... – удивился Квас, включив свет в прихожей. – А куда ж предки-то свалили?

Он молча помог Инне раздеться и повесил ее шубку на вешалку. На телефоне под трубку был заложен лист бумаги. Квас разулся, снял куртку, подошел и прочитал записку.

– Свалили. Будут завтра. Тем лучше. Сейчас сообразим чего-нибудь поесть. Инна, тапочки нашла? И чего стоишь? Пошли в мою берлогу.

На ходу Квас закурил и, провожая гостью в свою комнату, сказал резко, из-за сигареты в углу рта:

– Добро пожаловать.

Комната Кваса была оформлена еще лучше, чем подъезд. Инна присвистнула.

– Ну и комнатка, – она с интересом оглянулась по сторонам. – Здо-орово. Курить у тебя можно?

– Кури, только окно приоткрой. Пепельница. Извини, у меня тут слегка не прибрано.

– Да ничего – бывает.

Квас взял с полки кассету, сунул в магнитола и включил. Какой-то мужик неторопливо и грустно запел под гитару по-немецки.

– Это Франк Ренике, – пояснил Квас. – Я от него прусь больше, чем от «Агуан». Хотя тебе-то что, ты, небось, даже не знаешь, кто это такие... Ладно, осмотришь, я пока на кухне пойду пошарю.

Квас ушел на кухню греметь посудой, прикрыв дверь. Инна, закурив, прошлась по комнате. Комнатка и вправду была та еще. В отличие от остальной квартиры, обои в этой просторной комнате были блеклыми и старыми. Стенной шкаф, письменный стол и книжные полки тоже были старыми, с облезлым лаком. Новыми были только длинный диван и тумбочка для телевизора. А так, в общем, ничего особенного там не было – цветной «Электрон» с видаком, достаточно древний центр, приличный компьютер с высокими, чуть изогнутыми назад колонками. На стене – четыре полки с книгами и пятая, доверху набитая кассетами. На одной полке стояла черная подставка под диски в виде раскрытой книги, и этих самых дисков было там штук десять. Зато художественное оформление было выше всяких похвал. Тут сразу становилось ясно, что за человек живет в этой комнате.

Над диваном висел алый флаг со свастикой в белом круге, слева от него – репродукция знаменитой картины, изображающей Гитлера в стальных латах, сдерживающего бешеного скакуна. Именно эту картину проткнул в свое время штыком американский солдат, пронзив Гитлеру лицо. Справа от знамени красовались два самопальных, рисованных тушью плаката на ватманских листах. Один изображал чересчур плакатного скина, в татуировках и узких подтяжках на оголенном мускулистом торсе. За ним урчат трактора на пашнях, дымят трубы заводов, стеной вырастают заповедные русские леса с языческими капищами. Сверху шла надпись тщательно вырисованной готикой: «Skinhead», а снизу – кириллицей с завитками: «Русь пробуждается во мне!» На другом плакате в одном ряду плечом к плечу стояли скинхед с битой, крестьянин, солдат в косынке и с гранатометом, рабочий в комбинезоне и строительной каске, боец Союза в черном мундире, обнажающий меч, и девушка с младенцем. За ними всходило солнце со свастикой внутри и надписью все той же славянской вязью: «Слава России!», а внизу было написано: «Сила – в единстве!» На двери висел фотокалендарь РНСС – уходящая за горизонт шеренга людей в черной униформе, над ними – идеально голубое небо, а за ними храм, чем-то напоминавший Христа Спасителя. Но была там картина, к которой Инна постоянно возвращалась взглядом. На картине на фоне черного неба с багровыми прожилками заходящего солнца, в какой-то необычной форме с Георгием и русскими золотыми офицерскими погонами на плечах, рядом с двуручным мечом, как будто воткнутым в землю ближе к зрителю, сидел рыжебородый офицер. Лицо его было красиво какой-то воинственной, одержимой красотой. Офицер на картине казался живым из-за пронзительных голубых глаз, и в этих глазах светилась фанатичная отвага и беспощадность. Репродукция висела над

компьютером, напротив двери, и входящий напарывался, как на клинок, на жуткий пронизательный взгляд рыжебородого офицера. Инна слегка поежилась – картина была реальна, тут уж ничего не скажешь.

Инна принялась разглядывать разномастые корешки на книжных полках. На верхней, где высокий фиолетовый кристалл придерживал фотографию Муссолини, стояли массивные тома словарей – Даль, БЭС, Брокгауз и Ефрон, четырехтомник «Мифы народов мира». Вторая книжная полка была забита букинистикой. Инна выдернула наугад солидный фолиант с золотым обрезом. «О. Тегеръ. Всеобщая истор!я. Том II» – было оттиснуто на кожаном корешке. Когда Инна листала книгу, вошел Квас. Он был уже в темно-зеленой майке, а его подтяжки болтались на бедрах. Квас принес тарелку с тремя апельсинами, а сам уже что-то энергично жевал.

– Слопай цитрус, любовь моя.

– Здорово!

– Что здорово? А, это... Да, это здорово. Оценила, какие картинки? Хрен их знает, как они тогда так печатали. Сколько ему – почти сто двадцать лет, а краски – будто вчера напечатали. Это он вроде учебника был.

– «Для учения», – прочитала Инна. – Ничего себе учебник!

– Ну-у, это, конечно, не для всех учебник. Смотри – четыре рубля серебром без переплета, это же по тем понятиям знаешь, как дорого.

– Ух ты! А это что?

– А это три тома энциклопедии «Человек и вселенная». Немецкая. Начало века, по-моему, тут ни хрена не написано. Вот это книга, блин, это я понимаю! Видишь, они в переплеты еще бронзовые картинки засунули, да какой-то урод их повытаскивал. А вот, смотри, но это уже семейная реликвия. Это сытинская книжка, не «Человек и вселенная», но тоже здорово сделана, да? А вот смотри, тут...

Квас гордо показал на дарственную надпись. На титуле было напечатано: «1861–1911. Сочинения Ивана Саввича Никитина. Съ его портретомъ, fac-simile и бюграфией, составлен, редакторомъ издан!я М.И. Де-Пуле. Юбилейное иллюстрированное издаже т-ва И.Д. Сытина». И тут же была надпись выцветшими черными чернилами. Инна быстро разобрала паутинно-изящный дореволюционный почерк:

«Ученику 11-го класса Данковского Духовнаго Училища Борису Никодимову за отличные успехи и поведете. 1912 года июня 11 дня. Смотритель Училища Иванъ Рождественски.»

И ниже стояла синяя нечеткая печать с каким-то гербом, наверное, этого городка, где было училище. Первая палка римской двойки представляла собой обычную арабскую единицу, старательно отчеркнутую несколько раз. Наверно, солнечным, а может, пасмурным (нет, обязательно – солнечным, почему-то подумалось Инне) июньским днем того далекого года, когда за окнами «Данковского Духовнаго Училища» шумела давным-давно исчезнувшая жизнь, этот самый давно умерший Иванъ Рождественски просто перепутал, в каком же классе учится стоящий перед ним лопухий малыш-семинарист, будущий двоюродный дедушка этого юного наци, который сейчас стоял перед ней, раздуваясь от гордости и показывая добротное сытинское издание, которое восемьдесят шесть лет назад получил в награду за добронравие, как тогда любили выражаться, его дедушка.

– Его убили в Гражданскую войну, – пояснил Квас.

– Да? А он воевал?

– Если только во сне. Ты прикинь, сколько ему тогда было лет.

– А кто его убил?

– А Бог его знает. Бабушка и сама толком не знала, кто ее брата уколошил. Наверное, какой-нибудь жидюга-комиссар, сука, моего дедушку убил.

– Послушай, – сказал Квас и взял у нее книгу, порылся в ней и стал читать:

...Но мне милей роскошной жизни юга Седой зимы полуночная вьюга, Мороз, и ветер, и грозный шум лесов, Дремучий бор по скату берегов, Простор степей и небо над степями, С громадой туч и яркими звездами.

Глядишь кругом – все сердцу говорит: И деревень однообразный вид, И городов обширные картины, И снежные безлюдные равнины, И удали размашистый разгул, И Русский

дух, и Русской песни гул, То глубоко беспечной, то унылой, Проникнутой невыразимой силой...

Глядишь вокруг – и на душе легко, И зреет мысль так вольно, широко, И сладко песнь в честь Родины поется, И кровь кипит, и сердце гордо бьется, И с радостью внимаешь звуку слов: «Я – Руси сын! Здесь – край моих отцов!»

– А? Знали тогда, какие книги дарить. Сейчас бы его, наверно, обозвали бы каким-нибудь великодержавным шовинистом или там еще кем-нибудь. Какой-нибудь, блин, картавый, этот самый, как его, Юлий Гусман, или какая-нибудь Алла Гербер, местечковые недобитки, сказали бы, что эти стихи, блин, есть отрывок имперского мышления...

– Ладно, Мить, успокойся... Все нормально, успокойся.

– Да ладно, я всегда спокоен. Как тебе Франк Рени-ке?

– М-м, нормально. Кстати, а это кто? – Инна указала на голубоглазого офицера.

– Это? Это барон Унгерн.

– А кто это такой?

– Барон Унгерн? – Квас помялся. – Знаешь, Инн, я и сам про него не очень много знаю. Он был командиром какой-то белогвардейской дивизии. Очень загадочный мужик был.

– Серьезный дяденька, – Инна опять посмотрела на Унгерна.

– Да уж. Дядя был конкретный. Жидов в плен не брал и...

Заскрипела дверь, и они разом обернулись. В комнату осторожно заглядывала черно-белая кошачья морда. Растопырив усищи, кошка своими черными, с узеньким желтым ободком, глазами уставилась на Инну.

– Ой, это твоя кошечка?

– Да. Я вас не познакомил.

Инна присела на корточки и протянула руку.

– Иди ко мне! Ну, лапка, иди, не бойся!

Кошка подошла и стала ощупывать носом и усами Иннину нежную руку.

– А как ее зовут? – спросила Инна, поводя ладонью вокруг кошкиной морды.

– Лиска.

– Как? Лиза?

– Не-ет, Ли-С-ка. От слова «лиса». Так, Инна, хватит, я уже ревную. А тебе чего тут надо?

Давай иди отсюда!

Кошка не обратила на слова хозяина ни малейшего внимания.

– Ах ты... Ты что, забыла, как тапочки над головой свистят? Забыла, – сокрушенно констатировал Квас. – Я уже года полтора в нее тапочками не швырял. Вот до чего доводит гуманность! Ладно, Инн, я все-таки схожу на кухню. Жди меня – и я вернусь.

Инна послала ему воздушный поцелуй, ласково отстранила кошку и принялась за полку с кассетами. Здесь были сборники русских, германских и советских маршей, три кассеты с надписью «Вагнер. Любимая музыка Гитлера», шеренги кассет с непонятными ей буквами «01!» на торцах. Русских названий было немного: «Коловрат», «Вандал», «Темнозорь», «Северные Врата», «Черный Лукич», «Сокира Перуна».

Очень странная штука висела между книжными полками. На рейке, окрашенной в черный цвет, рядом свисали пять совершенно одинаковых белых шнурков. Еще раньше на иннин вопрос, что это за штука, Квас, помялся и сказал, что это так, мол, фенечки. Но Инна поняла, что эти «фенечки», как и все в его комнате, имеет отношение к той его жизни, часть которой она наблюдала в электричке. На вопросы о шнурках Квас тут же замолкал и отвечал, что это фенечки, и все. Для красоты висят. Это же так красиво – пять белых шнурочков в ряд! От сквозняка чуть колышутся. Как в лучших домах Европы!

Две полки были забиты книгами. Это были книги не для красоты, а те, которые Квас время от времени читал. Ну, понятно, что на почетном месте («Я так и знала!») впереди остальных книг стояли «Моя борьба» – мрачный черный фолиант с дешевым золотым тиснением, и шикарное сталинское издание «Слово о полку Игореве». Названия остальных книг были перемешаны не хуже кассет. Глаза Инны скользили по корешкам. Тут были: «Доктрина фашизма» самого Дуче, рассказы Шукшина, Пикуль, Мережковский «Павел I», «Миф XX века» Розенберга и шикарный фотоальбом «СС – любимые войска фюрера», Толкиен, Перумов,

«Почти серьезно» Никулина и «Унесенные ветром» Митчелл (Инна усмехнулась – книга, по ее понятиям, типично бабская, хотя Квас мог бы поспорить), Оруэлл «1984» и «Скотный двор», «Четвертый позвонок» некоего Марти Ларрни, «Повелитель Мух». Поэзия была представлена Гумилевым «Когда я был влюблен» и сборником «Певец во стане русских воинов». Ужинали молча. Вертелась вокруг Лиска, подняв хвост трубой, то и дело вскакивала на стол, а Квас ее молча возвращал обратно.

– Знаешь что, – сказал Квас. – Пельмени, ветчина, геморрой какой-то. Давай представим, что это романтический ужин с шампанским при свечах. Давай?

– Давай.

– Тогда подожди, для полноты ощущений я принесу шампанское и свечи.

Свет погас, и замерцали три витых зеленых свечи. Их пламя ровно освещало зеленую колдовскую бутылку, искрилось в двух хрустальных бокалах, делало не похожими на себя лица Инны и Кваса, сидящих пока еще друг напротив друга. Квас встал, снял майку, чтобы пламя свечи поигрывало на его не слишком бугрящихся мышцах, надел подтяжки и занялся пробкой.

– Материна бутылка, – прокомментировал он. – Для чего-то она ее купила. Наверное, на работу. Да Бог с ней. До понедельника я возмещу ущерб. Чего за шампанское? А, «Советское с медалями!» Как, милая, пальнуть или не стоит?

– Пальни!

– Ну, готова?.. Хайль Инна! – грохнула пробка и врезалась в потолок. Кошка кинулась наутек. – Ура! – шампанское полилось в бокалы.

– Давай за встречу и тепло! Выпили.

– Да, – сказал Квас. – Жалко, что мать на работу конфет шоколадных не припасла. Не дрянной же ветчиной шампанское закусывать. Кто же знал, что наш обычный рейд по электричкам закончится так р-романтично! Да! Ну, как тебе мое логово?

– Нет слов.

– А что так?

– Ты что, все это у тебя серьезно?

– Серьезней некуда. Перестань, Инн. Если это у нас не последняя встреча, то будет время, расскажу. Разреши за тобой поухаживать? Давай, Инна, выпьем за спасение утопающих, которое не всегда дело рук самих утопающих. И еще за прекрасную девушку, которую отважные бритоголовые вырвали сегодня из грязных лап злоумышленников! Нет, серьезно, Инна, за тебя!

Выпили.

Инна поставила бокал и откинулась на спинку стула.

– Так здорово у тебя сейчас... Давай покурим. Угостишь?

– Ни за что! «Тройку» будешь?

– Ни за что! Спасибо... А почему у тебя портрет Гитлера висит?

– Любовь моя, давай не будем сейчас. Действительно, так здорово, спокойно... Я просто возбуждаюсь от темноты и пламени свечи. Блин, как будто все эти мотания по этим трахнутым электричкам – просто сон. – Квас затянулся и медленно выдул дым на пламя свечи. – Ты, любовь моя, пойдешь в душ?

Вопрос был поставлен прямо. С душа начнется все. Если она захочет этого, она должна понять вопрос, вот так. Квас встал и долго тушил сигарету в пепельнице, стараясь, чтобы пламя близкой свечи как можно рельефнее осветило его не слишком могучие мускулы.

– А ты?

– А я не знаю. Поможешь помыть посуду?

– Ну конечно же, солнце.

– Инн, на самом деле это был не самый плохой вечер в моей жизни.

«У-ути какой! – весело подумала она. – Молоде-е-е-ец! Догадываюсь, что тебе, жеребцу такому, надо, чтобы ты клялся, что он у тебя самый лучший!»

Ответила она возмущенно:

– Ну, знаешь!

– Ага! Проняло! Ну, шучу я, шучу! Инна, ты, правда, нравишься мне до обалдения.

– Признания все утром. Сейчас, Мить, правда, я устала, как собака.

Квас усмехнулся.

– Это анекдот такой, знаешь? Идут муж с женой по джунглям. Вдруг – оп-па! – павиан такой ужасный прыг с пальмы, хватает жену и обратно. Жена там: «Джон помоги, Джон, спаси!» А муж ей снизу ехидно: «Вот ты теперь ему и скажи, что устала, что голова болит, что спать хочется!» Да нет, Инн, какие проблемы. Я еще не вылез из шкуры воина-защитника. Я же обещал тебе защиту, правильно? Пойдем, я покажу тебе, где полотенца и халат.

– Нет, сначала вымоем посуду!

Посуда так и осталась невымытой – целоваться они начали, едва соприкоснулись у раковины боками.

– Уф, хватит мне спину щекотать полотенцем! – улыбаясь и нежно проводя рукой по ее волосам, сказал Квас во время коротенького тайм-аута.

– А ты что, щекотки боишься? – так же весело спросила Инна, оттянула ему на спине подтяжки и резко отпустила. Квас взвизгнул.

– Ах, ты...

Продолжили. Во время второго тайм-аута Квас, отдуваясь, поинтересовался:

– Читала, что по Лосиному острову маньяк шляется?

– Нет, а что?

– Как что, это я и есть!

– Да что ты говоришь? – Инна острым ноготком провела ему по груди. – Хм, посмотрим.

Квас взял и поцеловал ей руку, потом резко вскинул на руки, прижал к себе и со словами: «Любовь моя, стену ножками не пробей!» потащил в комнату...

Квас помогал ей раздеваться. – Фюрер всегда прав.

– Тихо, тихо ты. Порвешь!

– Порву! Порву!! Порву-у!!!

Квас присел, раздеваясь, а она оперлась ему о плечо и повесила на другое его плечо невесомый черный чулок.

– Замри.

Инна застыла и улыбнулась.

– Жалко, что ты себя со стороны не видишь. Ты щас красива, как богиня.

Квас подплыл медленно и глядя прямо в глаза, они встретились. Квас взялся за ее ладони, развел руки в стороны, и так они начали целоваться. Потом Квас ладонями провел вниз, сильно сжал ягодицы, а она вцепилась ему в шею, уже постанывая. Он подкинул ее, и она оплела ногой его бедра, и Квас сильно провел ладонью по бедру до щиколотки и обратно, резко сжав ягодицу, и ее ноги напряглась, уперлись пятками в бедра, она резко выдохнула, а от губ ее со стершейся помадой отдавало кислинкой шампанского. «А ты вкусная!» – сказал Квас, поднес ее к окну. Тьма залила стекло и сделала его непрозрачным, а свет бра вырывал из темноты комнаты штандарт на стене и их тела.

– Слушай, а мы неплохо посмотримся! – сказал Квас. Инна вытянула ногу, глядя на отражение, нечеткое на оконном стекле.

– Тебе, наверно, больше идет, когда с волосами... – провела ладонями по коротенькой щетине на черепе. Потом откинулась, сильно прижав его лицом в грудь. Он покрывал поцелуями шею, пару раз дернув губами тоненькую серебряную цепочку. Он уже сам дрожал, и она уже дергала поясницей, упираясь в него ногами, дышала с некоторым даже хрипом. Дозрели.

– Форвертс! – Квас сделал шаг и опрокинулся вместе с ней на койку – как в омут – ух!

Квас вонзился в нее. Раз. Раз. Раз.

– Тише. Не спеши. Дождись меня!

Квас послушался, и вот она ему что-то шепчет сго-роговоркой, чуть зубами за ухо не хватаясь. Но уже себя не контролировал – сильнее, сильнее, сильнее.

– А-а! – ноготь ее скользнул по родинке на спине. Квас всадил уже чуть ли не до лопаток. Инна вскрикнула и заработала бедрами. Квас зарычал. Все. Зигхайль! Некоторое время они лежали рядом, дух переводили.

Инна приподнялась, нашарила на подоконнике сигареты.

– Покурим.

– ф-фу... – Она затянулась и, обняв, впиалась ему в шею. Квас так и напряся, зажав в кулаке сигарету у рта, а вторую руку только сжал на ее ягодице.

– Наставлю тебе засосов – будешь завтра, как леопард!

Квас прыснул.

– Пацан, помню, один на работе, поругался с девчонкой, она там же работала, самому мириться гордость не позволяет, так он придумал, поставил себе пылесосом дома на шее, ну типа, засосы, а новенький должен был при ней так невинно, типа, не при делах, сообщить.... А-а!

Руки ее начали приводить его снова в работоспособное состояние. Не терпелось, видать.

– Теперь я сверху!

Тут уже она трудилась на совесть, то откидываясь, то припадая чуть не к губам Кваса. Он упирался в ее колени. Они подпрыгивали так, что даже кошка за дверью подала голос. Квас выгнулся напоследок, чувствуя, что сейчас кончит, и она припечатала его обратно. Его руки соскользнули с ее колен и бессильно легли на простынь. Соскользнув, со смехом приникла, смеялась тихо, щекоча его щеку волосами.

– Кошке твоей завидно, обслужишь?

– Иди ты... – тихо и блаженно отвечал Квас. – Перебьется...

Когда по его мерному дыханию она поняла, что он уже спит, вот тогда она тихо встала, сунула ноги в мягкие тапки-зайчики, подняла с ковра смятый черный халат и пошла на кухню – перекурить. Там в темноте двигалась по столу Лиска, и ее бесовские глаза горели при тусклом свете ночных фонарей, как две желтые звездочки. Инна вскружила голову Квасу так, что он забыл покормить кошку, и теперь Лиска, оставив свой пост под дверью, шарилась по кухне в поисках какой-нибудь жратвы. Инна, будто у себя дома, выпроводила из кухни недовольную Лиску, нащупала на столе сигареты и спички, закурила, закрыла глаза и вытянула ноги. Слабо гудел холодильник. Изредка капала вода в так и не вымытые тарелки. Терпко и приятно пахло, будто вот только что потушенными свечами...

Инна загасила под краном окурки и выкинула его в ведро. Потом, стараясь не шуметь, прошла в спальню, легла и закуталась. Тепло. Спокойно. Тихо. Инна засыпала, приткнувшись к плечу Кваса и положив ладонь ему на грудь...

В изгибе колен Инны спит Лиска-Торпедоносица. Шевелит усами, как большой черный таракан. Мужественно посапывая, вытянувшись на спине, дрыхнет довольный и обессиленный Квас. Под его молчаливой защитой, повернувшись во сне и беззащитно подсунув под щеку ладошку, дремлет и вздыхает во сне Инна. Идиллия. Тихо, темно. Все спят.

ГЛАВА 5

– Твою мать, он все мои фрегаты раздраконит, я ж ни хера до его городов не доберусь! – Это Квас развлекался после работы – играл в «Цивилизацию». – Во, дубо-ломы, а, блин? Шо ж ты творишь, сука! Вот пропидоры, пеньки обосранные! Вылез, сволочь, как из жопы! Телефон ожил.

– Тьфу, блин, всегда так! – Квас поплелся к телефону.

– Здорово! Это Роммель.

– Здорово!

– Как жизнь?

– Да так... Живем, хлеб жуем... У тебя-то как?

– Да вот, сессию потихоньку сдаю. Горбом и бабульками уже половину сдал.

– А-а-а, э-эх ты, паразитическая интеллигенция – отрывка нации...

– Чего, рабочая молодежь, что ли?

– Ну типа того – основной носитель национального самосознания. Слушай, Роммель, ну и собака у тебя, храпит, как человек. И еще обидно, что я тебе тогда в шахматы проебал.

– Хорош, еще отыграешься. Смотрел тут «Акуна Ма-тату»?

– А то. Они чо, уроды, не могли постарше скина сыскать?

– Да ладно, для пятнадцати лет нормально... Я бы в пятнадцать лет и такого-то не сказал... Я в пятнадцать лет мог сказать внятно только «Зиг хайль!» и «Kill black-kill now! –

Skinhead – White Power!». Могли бы, конечно, постарше найти, но, Квас, ты чего, думаешь, сейчас они тебе какого-нибудь скина-интеллектуала вытащат, чтобы он там все это полуграмотное быдло на место поставил?

– Цаголов этот, урод черножопый...

– Да я вообще удивляюсь, что они вытащили парня, который хоть что-то нормально сказать смог... Я думал, они быка какого-нибудь, как скина, оденут, а потом он будет там: «Ну... это., ну... типа, мочить всех надо... валить всех по-тихому, блин... хо-хо!» А так, забазарить можно было. Только хамить не надо было иногда бояться. Этого пидора с Арапом Петра Великого, вопросом в лоб, конкретно: «А что он такого сделал? А? Не слышу?» Этот бы уже заткнулся. Или про «Майн Кампф» там какая-то тетка спизднула, а ей: «А вы сами-то "Майн Кампф" читали? Нет? А чего говорите тогда?» И пару цитаток коротеньких – бах-бах, про жидов, про негров, про молодежь. «При чем тут "Слово о полку Игореве"? В "Слове о полку Игореве" нет доктрины. Сейчас же разговор не о культуре, а о национализме. Но если хотите, можно и о "Слове о полку Игореве" поговорить. Вы его сами последний раз когда читали?» Все, эта бы тоже заткнулась. Просто на самом деле все эти тетки-дядьки – они же ни хрена не знают. А Цаголова этого его эти ведущие, козлы, видать, использовали как тяжелую артиллерию, просто бить конкретикой: вопрос-ответ. А то его спрашивают, а он пошел пиздить с пятого на десятое. «Конкретно на вопрос отвечайте» – и все, либо он тоже бы заткнулся, либо его ведущие бы стали затыкать, чтобы он один весь эфир мозги не еб. А кто там еще-то был? Ну баба, которую из Баку погнали. Либо на хамство пойти – в лоб ее: «А ты кто сама-то по национальности? А-а, понятно... Но здесь же разговор о русском патриотизме, поэтому пасть захлопни...»

– Да эту-то дуру легче всего было заломать. Она, помнишь, сказала. Это не патриотизм, это у тебя, типа, фашизм. А ей сразу вопрос – а что такое фашизм? Ты что, хочешь сказать, что когда чурки со своей земли кого-то гонят, это патриотизм, а когда русские, то это фашизм? А, не слышу? Значит, чуркам можно, а русским нельзя? Что, дискриминация по национальному признаку? Так ты сама милая, фашистка. Все, заткнулась бы и больше ебальник бы свой не разевала. А остальные – ну это же совсем идиоты. Несли всякую чепуху. Помнишь, эта сучка. Я, типа, не против негров и арабов, если они моему сыну будут что-то давать...

– Ага, в рот они ему будут давать. Ну, про рэперов он вроде сам нормально объяснил. А вот. Эта мамаша, у которой сына в рэперской куртке побили.

– «Под звуки фашистского марша меня толкали в открытый щиток, искали проволоку, чтобы удушить и ногами били по голове...» Прикинь картину – рэпера толкают в открытый щиток электрический, но попасть никак не могут, несколько скинов рыщут вокруг – ищут проволоку, чтобы удушить, но найти никак не могут, а один стоит в стороне с магнитофоном, марши на всю улицу крутит, или что они с собой там, оркестр таскали? Бред! И потом – надо думать, чего носить. «Он не танцевал рэп на улице, он просто носил рэперскую куртку...» – жалостливым голоском передразнил Роммель. – Конечно, редкий рэпер танцует рэп на улице, их и определяют по одежке.

– Пидарасы...

– Ладно. Теперь к делу. Скажи, Мить, какой завтра день?

– Суббота.

– А что у нас бывает обычно по субботам?

– М-да... А я завтра отдохнуть хотел...

– На том свете отдохнем.

– Базара нет.

– Отлично. Встречаемся – метро «Щукинская», семь часов, цезе («центр зала» на их жаргоне).

– Вечера?

– Чего вечера?

– Семь часов вечера?

– А-а, встречаемся-то? Нет, утра... Вечера, конечно! Ну ладно, Квас... А, вот еще – оденься в удотское (то есть штатское).

– Хорошо. Давай.

– Да что же это такое! – возопила мать. – Как кумушки, треплются каждый вечер по два часа. Другим тоже звонить надо!

– Звони, мам. Кто тебе не дает!

* * *

В субботу на Щукинской их собралось всего четверо – Квас с Сергеем, Роммель и совсем еще юный скин по кличке Сова. В нескольких акциях этот самый Сова показал себя достаточно злым бойцом, и теперь Роммель хотел проверить его дух, так сказать, в индивидуальном зачете. В таких акциях четырех человек за глаза хватает, что экспериментально доказано. В начале восьмого вечера они поднялись с платформы на улицу. За скинов бы их никто не признал, потому что Квас и Сергей уже по-обросли, Роммель всегда носил челочку, как у Гитлера, и брил только бока и низ черепа, а сейчас и он подбрее, и только юный Сова сверкал лысиной. Но и так эта быстро шагающая в ногу группа в черном выглядела не слишком мирно. На них не было бомберов, камуфляжных штанов, но все равно внутренний мир брал свое – все вырядились в черное. Хотя джинсы они и не подворачивали, но на ногах грозно поблескивали начищенными «стаканами» гриндера – это, так сказать, оружие производства. Группа свернула с улицы Маршала Василевского и углубилась во дворы. Шли долго, больше получаса, Роммель часто останавливался и сверял верность маршрута по каким-то одному ему известным приметам. Наконец он, прохлюпав по луже, остановился.

– Вот это место.

Место для работы было действительно интимное и удобное. Узенькая дорожка, слабое и далекое освещение, слева была небольшая, давно умершая стройка, а справа – площадка для выгула собак, черный, как обугленный, пучок кустов и огромная котельная.

Квас медленно натянул перчатки и закурил.

– Итак, – начал Роммель. – Вон в том доме до хрена хачей. Они тут частенько шастают по одиночке. Я сейчас на разведку. Сова налетает первым, потом мы его валим и уходим. Мужики! Вафлей не ловим, а то получится как в «Ромпер Стомпере», с той только разницей, что нашего героического бегства никто не увидит. Ясно?

И, не дожидаясь ответа, Роммель исчез. Они остались втроем. Было темно. Под ногами хлюпал бурый снег, перемешанный с грязью. В стороне прошумела машина. Хрипло брехала собака. Где-то недалеко, на первом этаже близких домов шумно скандалили. Какого-то Васю несколько раз позвали домой ужинать.

– Индивидуальный зачет? – Серега решил разрядить обстановку. – Да ты не бойся. Налетай, не думая. Мы втроем его быстро сложим. У Роммеля вообще отвертка.

– У-у-у...

– Перчатки есть у тебя? Сова кивнул.

– Надевай сразу. Помолчали. Квас опять закурил.

– Квас, ты курить не заебался?

– Да нет. У меня когда делом занят, могу хоть день не курить, а когда делать не хрена, сигареты только так улетают.

– У меня папаша когда курить бросал, он эти покупал, банки с монпансье, вы, наверное, уже не помните...

– Ну, почему же, помню...

– Они дешевые были, курить захотел, раз – и леденец в рот. На полпачки меньше в день уходило.

– Да они и так вкусные были.

Квас присел на корточки, глубоко затянулся и выдул вверх облако голубоватого дыма.

– Что, мандраж, что ли? – хмыкнул Сергей. – Да ладно, место глухое. Все нормально. Пусть он мандражирует. – Сергей показал на Сову. – Я в первый раз, знаешь, как стремался. Как хачик далеко, я думаю, ну сейчас подойдет, и все, амба, а как вплотную подошел, стою, как каменный. Просто когда в куче кидаешься, когда уже кто-то первый начал, это легко совсем, а самому начинать, когда ты с ним глаза в глаза, это труднее. Ну, ничего – надо себя перебарывать.

Так они трепались подобным образом минут двадцать или сорок, часов ни у кого не было, а так не очень-то ощущаешь, сколько времени прошло. Роммеля не было.

– Может, не будет никого? – спросил Сова уже с тайной надеждой.

– Не-е. Они тут ходят, иначе Роммель бы сюда не притащил. Расслабься, Сова, время детское. Еще, небось, и девяти нет.

Сова вздохнул.

Хлюпнула грязь невдалеке.

– Идет кто-то, – вскинулся Сергей. – Тихо, блядь! К бою!

Квас старательно растер окурков по стене котельной и быстро затоптал его в грязь.

– Тихо, это не хачик!

– Хачик, блядь! Хачик! Он самый – я их жопой чую! Квас открыл рот, чтобы спохватиться, но Сергей продолжил:

– А может, не хачик... Не видно ж ни хрена!

Безуспешно огибая лужи, к ним приближалась долговязая фигура. Сова намотал на руку цепь, которую он вытащил из кармана.

– Отбой, – шепнул Квас. – Это не черный. Ты, Серега, лучше молчи! Опять из-за тебя чуть не облажались.

– Наш. Пусть чешет дальше.

Они отступили за угол котельной. Долговязый прошел мимо них, так ничего и не учуяв.

Время потянулось дальше. Квас издевательским тоном сообщил Сове, что Серега несколько раз таким же возбужденным шепотом убеждал, что вот это хачик, что он их жопой чует, чтоб ему провалиться, если это не хачик, а после первой зуботычины оказывалось, что это совсем не хачик. Роммеля не было. Они стояли, подняв воротники курток, и впитывали в себя звуки затихающего на ночь города.

– Какой вечер говенный! Все тянется, тянется, блядь, только нервы себе треплешь! Хорошо, когда все сразу – сделал дело, гуляй смело. И ни о чем не думаешь.

– Интересно, что он сейчас делает, этот хач, которого мы сегодня сложим?

– Ну все, Квас в философию поперся!

– А помнишь, Серега, в прошлом году, на Соколе, там такое место есть, заебись. Стояли часа три, наверно. Ну нет никого, хоть ты тресни. Уже все, пошли, пивка взяли, отошли недалеко, стоим – треплемся. И тут – тыне! – баба с ниггером под ручку идут. А валить уже нельзя – то место они прошли, а где мы стоим, уже народ всякий шляется...

– А это нам Бог знак подавал – пришли валить, так валите, а трепаться дома нужно. А то нация изнемогает под гнетом ZOG⁹, а эти стоя-я-ят, ля-ля, тополя, охотничьи байки.

– А что, нельзя было просто в репу дать? – Сова заинтересованно вмешался в разговор старших.

– Уже у нас была такая ситуация – «просто в репу дать». Сам прикинь: он дал, а я чего, рыжий, что ли? Так что сначала каждому надо просто в репу дать, потом он согнулся, ну тут уж он сам попросился – каждому теперь надо его по корпусу охуячить, потом он упал, ну тут уж сам Бог велел ногой по разу пнуть. Ну вот, короче. А место было не то, народ стал вопить, кричать: «Да что же это тако-ое? Фашисты среди бела дня человека на-асмерть убивают! Мили-иция! Где милиция? Вот всегда, где надо, их днем с огне-ем не сыщешь!» Короче, чуть не вкапались тогда...

– Да-а, – протянул Сова. – Здо-орово!

Его воображение тут же нарисовало ему молодецкие налеты на общаги, звон выбитых стекол, вопли и рев пламени в оконных проемах, ночные погромы с нарисованными мелом крестами на нужных дверях и образами, выставленными в окна, разбросанные там и сям трупы на разгромленных и зачищенных рынках, вереницы столыпинских вагонов, вывозящих уцелевших непрошенных гостей на исторические родины. Нескончаемые колонны аккуратной

⁹ Zionist Okkupation Government (ZOG) – Сионистский Оккупационный Режим – используемое правыми и нацистами наименование всех демократических правительств (если речь идет о своей стране) или всей либеральной системы, если речь идет о мире вообще.

молодежи с крепкими бритыми затылками в черной униформе с факелами в руках, под звуки до боли знакомого марша идущие на штурм интернациональной клоаки, именуемой Москвой. Мерно движется огненная река со всех сторон России, и сойдутся колонны в Москве, и тогда чьи-то откормленные на страданиях народа тела нежно будет обволакивать очистительное алое пламя. Мерным шагом движутся колонны от рабочих окраин к центру, и перед их огненными мечами дрожит и рассеивается тьма, пронизанная запахом наркоты, блевотины и скотства. Жмутся по углам, испуганно замирают в утробах шикарно обставленных квартир те, у которых не чиста совесть. Лососина и икра застревают в глотках, захлебывается тупая галимая музыка, разом пустеют ночные клубы и рестораны, где только что с таким гвалтом спускались деньги, вымаранные в слезах, поте, крови народной.

Но там, на рабочих окраинах, на полумертвых заводах, в издыхающих русских деревнях, всюду на огромных просторах оплеванной, замордованной, раздерганной на клочки страны, вздрагивают и с надеждой приподнимают головы, до того бессильно уроненные на сцепленные руки, заслышав мерный топот тысяч и тысяч кованых сапог. Тих и далек еще марш, далеко колышется колеблющееся зарево факелов. Но вот мерный шаг ближе и ближе. Не остановить. Это уже не остановить никому. Стройные ряды маршируют мимо окон домов. На потолках с подтеками играют всполохи факелов. Покачиваясь, чадя сизоватыми выхлопами, колоннами движутся облепленные гомонящими солдатами танки и БТРы, и на алых и черных стягах над ними полощется на ветру вечный солнечный символ. Во все закутки врываются отзвуки марша (Сова слышал стихи от одного парня, который читал их в какой-то газете):

...Защитники славы ее былой, Изрубленной на куски, Рота за ротой, вставайте в строй, Выстраивайтесь в полки!

И родители с удивлением смотрят, как сыновья и дочери достают припрятанные узелки с униформой и стремятся туда, в чеканный строй марширующих колонн. И ночь разорвана в ключья алыми языками факелов. Открывается новая эра. Русь наконец-то пробудилась...

Сову вырвал из мечты свистящий шепот Роммеля, вынырнувшего из темноты. Квас и Сергей стояли плечом к плечу и почти сливались с бурой стеной котельной.

– Ну, Сова, кто ищет, тот всегда найдет. Сейчас, появится! Короче, налетаешь первым. Дальше увидишь, что будет, главное, не тормози. Страшно?

– Немного.

– Ладно. Помни, что сказал Фюрер, что главный жид, которого надо убить, это жид, который сидит в нас самих. Это жида по имени Неуверенность, Слабость, Трусость, Слюнявая жалость. Ну ладно, давай.

Они растворились в темноте. Сова остался один. Вдруг он подумал, что все свалили и что он сейчас один-одинешенек. Может, в этом и заключался индивидуальный зачет? Посмотреть, побойтся ли он напасть на хача, если он один? Глаза скоро освоились в темноте, и он с облегчением убедился, что все здесь. Вон Роммель, напрягся и готов к бою, а чуть дальше все так же касающиеся друг друга плечами Квас с Сергеем. Сова чуть отступил. Гортанный возглас заставил его вздрогнуть. Хачик поскользнулся в каше из снега и грязи и выругался. И был он – совсем уже близко.

«Ну, ну давай, сука!» – судорожно подумал Сова. Руки начали предательски вздрагивать. Хачик подошел к Сове почти вплотную, оставив за спиной готовую к прыжку троицу. Сова на ватных ногах ступил вперед. Вздрагивающий огонек сигареты осветил какое-то дьявольски неправильное лицо с уныло висячим носом. Тут Сова очень хорошо понял, что имел в виду Сергей, когда говорил, что кидаться, когда человек из плоти и крови стоит перед тобой. Сова вдруг решил, что рука у него не поднимется. Он дико ненавидел хачей, но слушать охотничьи байки и «работать в куче» одно, а вот теперь напротив стоит человек, живой и теплый, и настороженно смотрит на Сову.

Сова обругал себя всеми словами, которые пришли на ум.

– Чэво надо? – гортанно спросил хач. В голосе не было и тени страха. Была только легкая наглость, как при разговоре с низшим существом.

Сова сглотнул и брякнул первое, что пришло на ум:

– Ты чо?

– Ничэво. Чэво надо?

Сове почудилось, что он слышит, как за спиной хача плюется Роммель, с той стороны, где стояли Квас с Серегой, будто телепатически пальнули ему в мозги: «Время, идиот! Время!» Хач сделал шаг вперед и пихнул Сову в грудь. Сова наотмашь ударил вперед кулаком с намотанной цепью. Хач вскрикнул. Резкая боль пронзила кулак Совы. Он бросился на хача, они сцепились. Секунды, за которые Сову обдало запахом туалетной воды и мятной жвачки изо рта, ему показались вечностью. Враг сжал его резко, и Сова вскрикнул: все-таки он был пацан, а хач был жилистым и здоровым молодым мужиком. Вдруг хач как-то вздрогнул и вытянулся как струна. Сова успел наладить коленом куда-то в пах, но тут его оторвали от противника со словами «Все, свободен!». Это с тыла вступил Роммель с отверткой, и тут же дуэтом на врага обрушились Серега и Квас. Удары посыпались, как горох. Хач, одной рукой прикрыв лицо, а другой зажав бок, согнулся и начал голосить. Роммель два или три раза погрузил ему в спину отвертку, чпокала каждый раз протыкаемая дубленка. Сергей насаживал коленом по голове, после каждого удара пытаясь свалить хача на землю за шиворот. Хач дергался из стороны в сторону, но не падал.

– Да вались, ты, гнида, скорее!

– 0-0-0-ой!!! Убыва-ают!

– Заткнись, заткнись, сука!

– Нэ нада-а-а!

Сбоку подскочил Квас. С подскоком вмазал пыром гриндера под колено, и тут хачик обрушился на землю, намертво вцепившись в Кваса. Квас взбесился – одно колено с сочным чавканьем погрузилось в грязь.

– Отцепись, мразь! А, сука! – Квас врезал ему кулаком по лицу, коленом пригнул голову врага в грязь, отчаянно рвался, но тот вцепился крепко. Серега ударил два раза мыском гриндера прямо в лоб хачу, потом куда-то в лицо ткнул отверткой Роммель. Квас вырвался наконец-таки, отскочил в сторону, стал чистить платком штанину.

– Вот сука, а! Вот, блядь, пидор черножопый! Штаны...

Серега прыгал на хаче, гвоздил ему сверху подошвой ботинка по затылку, Роммель снова ткнул пару раз отверткой, а Сова дрожащей рукой в перчатке вывел из пульверизатора свастику на стене котельной.

– Все, все! – Роммель всегда знал меру. – Уходим, Сова! Хорошо, Серега, блядь, уходим!

Они рванули вслед за Роммелем. Бежали, пересекали пустые темные дворы, пронеслись мимо тускло освещенных подъездов и опять уходили во дворы, во дворы, во дворы. Спасительные дворы, пустеющие с наступлением темноты. Сначала Сова забросил пульверизатор в открытый мусорный контейнер, а потом в какой-то пустырь Роммель, широко размахнувшись на бегу, зашвырнул погнутую отвертку. Удирали долго. Квас уже потерял счет вымершим дворам, тихим улицам, которые они перебежали. Квас теперь вообще не смотрел по сторонам, впереди видел только резкие, как клинки, отблески света на черной кожанке Роммеля, когда пронеслись мимо фонарей – что-что, а район Щукинской Роммель знал, как свои пять пальцев, и беспорядочность ухода была только кажущейся. Видимо, он вел их каким-то сложным путем. Скоро они перешли на размеренный бег. Сова задыхался, но не отставал. За Серегу и себя Квас не беспокоился – сам он шесть лет отыграл в хоккее, Серега же футболил лет шесть.

Роммель резко остановился, и Квас чуть не налетел на него. Остановились Сова и Сергей.

– Чего?

– Все, приехали. Пойдем.

Они пошли за Роммелем, Серега обернулся и увидел, что Сова сидит на корточках и разевает рот, как рыба.

– Встань, пошли. Ты чего, сердце на хер посадишь. Давай, вставай!

– Он прав, Сова. Ничего, сейчас отдышишься. Пошли. Дошли до конца длинного шестнадцатизэтажного дома и остановились в арке. Было видно освещенное шоссе, по которому часто сновали машины.

– Ну, все. Тут остановка за углом. Доедем до «Речного вокзала», а там разбежимся. Стоим здесь. Автобус мы и так увидим.

Квас закурил, Серега тоже, хотя курил очень редко. Сова шумно дышал.

– Да, Квас, – сказал Роммель.

– Чего такое?

– Штанина у тебя очень чистая.

– Да я вижу, блядь. Сука, а?!

– Давай, три, пока не засохло. Посмеялись.

– Роммель, он из дома шел, да?

– Интересно, сдохнет или нет?

– Хрен его знает, они же живучие, падлы, как кошки.

– Надушился, м-мудил-ло.

– Чего ты, Сова, сначала-то тормозил?

– Да ладно, все нормально. Молодец, хорошо ему врезал. Там аж что-то чпокнуло. Только цепь с кулака смотай и не бей так никогда больше.

Помолчали.

– Фу, блин. Чего-то автобуса долго нет. Район-то гостеприимный, но пора отсюда сваливать.

Квас закурил.

– Ха-аа, ну как всегда, – ехидно сказал Роммель. – Туши, вон автобус. Чего рванулись, спокойнее!

– Я все забываю, что не при параде.

– А доедем?

– Садись, здесь все наши.

Ехали друзья в автобусе, изредка напряженно поглядывая в окна.

– Ты в футбол за кого болеешь? – неожиданно спросил Сергей Сову.

– За «Торпедо». А вы все?

– Я? За «Спартак». Роммель тоже за «Спартак». А Квас за «Динамо».

– Ты как, – спросил Квас, – на выезда ездил?

– Не, еще ни разу. Махался только один раз. С вашими, с динамиками.

– Что значит, с вашими, нашими. Мы все, русские, «наши». Цвета шарфов меня мало волнуют.

– Да ну? – подал голос Роммель, – а чего ж вы пишете, будто «Спартак» – жидовская команда?¹⁰

– Я? Я не писал. Так с кем ты махался-то?

– Вот, с динамиками. Короче, четырнадцатого октября у вас, на «Динамо». Мы как из метро вышли, сразу, блин, камнями, пряжами, на нас налетели. Мы – раз в метро, кто наверх ехал, сразу стали на соседний эскалатор скакать, люстры, блядь, полетели.

– А я был там, – задумчиво сказал Квас.

– Там, у метро?

– Да нет, ну ты чего, че я, мудака, что ли? Просто был на матче на этом. Ваши там мужика какого-то в вагоне отмудохали. Это правда?

– Да, было дело.

– За что?

– Сказали, что динамик. А там, хрен его знает.

– Ну, спасибо тебе. Да он, впрочем, сам виноват. Чего он, с ума сошел, в полный вагон фанатов лезть?

– Когда эти конфликтные матчи, по этим веткам вообще лучше не ездить. Да, Сова, а чего у вас там за хрень творится – «Торпедо-ЗиЛ», «Торпедо-Лужники»? Ты сам-то за кого?

– За «ЗиЛ».

– За первую лигу, да?

– Ну, вроде.

¹⁰ Имеется в виду информация, опубликованная в одном из фэнзинов (фанатских журналов), что клуб «Спартак» получил свое название в честь марксистских «спартаковских» боевых отрядов в Германии. Поскольку журнал издавали противники спартачей, то из этой информации были сделаны соответствующие выводы.

– А чего так?

– Не знаю, кореша мои за «ЗиЛ», и я тоже.

– А Петрак как там?

– Нормально.

– Я, ребят, однажды поехал друзей в Питер провожать. Поезд в начале первого ночи. Ну, мы пока там пивка раз, другой, потом мне чего-то по шарам дало, я говорю, мужики, вписывайте меня, типа, в вагон. Но сначала пошли мне домой звонить, родителей предупредить. Звоню я матери, время уже без пятнадцати, язычок у меня заплетается слегка, я и говорю, мам, типа, если я через час дома не буду, значит, я в Питер уехал.

– Ну, молоток! Чисто успокоил! Ну и как, уехал?

– Не, слава Богу, не вписали. Мне и так-то дома, знаешь, как въезжили. А если бы я уехал, они б меня просто на хрен убили.

– Конечно. Я прикидываю, мой бы сынок так звонит в полночь пьяный и говорит, да пап, типа, в Питер еду, без денег, без ничего. Ты чего, я б не знаю, чего я с ним бы сделал.

– А мы тут с матерью кошке уши чистим, кошка орет, мать ей говорит, типа, кошка, что ты орешь, как резаная. Мне б дураку, промолчать, а я говорю, не мам, поверь мне, резаные не так орут.

– А ты, Сова, розы снимал?¹¹

– Не, один раз только. С меня тогда в метро сняли, и мы потом в отместку сняли с одного парня, и все.

– А до меня раз кони мелкие докопались в Сокольниках. Думали, наверное, что я спартач. Долго я их убеждал, что у меня роза в трусы не запрятана.

– Ну и как, убедил?

– Убедил.

– Как, трусы, что ли, снял?

– Ха, не-ет. Но убеждал долго. У ребят, видать, кулаки чесались.

– Деб-билы, блин. Болееешь – болей, но на хрена, блядь, людей-то увечить?

– Я кроме «Динамо», еще за «Лацио» болею.

– На хрена? Хотя у меня одна девчонка знакомая за «Ювентус» болеет.

– Не, ну это понятно, вы черно-белые, они черно-белые... А «Лацио» – любимая команда Муссолини.

Вдруг мимо окон в ту сторону, откуда они ехали, пронеслась, сверкая мигалкой и завывая, карета «скорой помощи». Квас с Серегой переглянулись.

– Не, навряд ли, – сказал Роммель. – Мы уже далеко от того места. Я как-нибудь по карте покажу, сколько мы пробежали, вы охуете.

– Ты этот район хорошо знаешь?

– Спрашиваешь! Я здесь жил до шестнадцати лет. Я эти дворы пацаном все, знаешь, как облазил?

– Интересно, в СМИ чего-нибудь скажут?

– А хрен их знает.

– А вообще про ваши подвиги чего-нибудь говорили?

– Про наши? Один раз вроде говорили во «Времечке». Потом, ну это года два назад было, парень у нас есть, громили они рэперов в поселке «Дружба». Про это сказали. Но нас тогда не было, мы его еще не знали. Погром тогда, был, конечно, классный.

– Потом, помнишь, Роммель, Молодой с четырьмя пионерами долбили в переходе косога, а это какой-то урод снял и в «Вы – очевидец» послал. Там никого толком не видно, но Молодой сказал, что это они.

– А нас не поймают?

– Не тормози, Сова, никто нас не поймает. Да и на хрен это никому не нужно. Читал книжки про «Улицу разбитых фонарей»? Небось, будет, как он там пишет. Будут под

¹¹ «Роза», «розетка» – фанатский шарф с клубной символикой. Вражеские шарфы с вражеских фанатов следует снимать.

самоубийство подгонять. Заметка в «МК», в «Срочно в номер»: «Там это... типа, заголовок «Кавказец покончил с собой, несколько раз бросившись на отвертку.» Как сообщили нам в N-ом отделении милиции, в субботу вечером решил необычно свести счеты с жизнью молодой азербайджанец. Его, видимо, вдохновил пример Марка Юния Брута, который после поражения, нанесенного ему армией сторонников Цезаря, покончил с собой, бросившись на меч. Гость столицы укрепил остро отточенную отвертку и бросился на нее шесть или семь раз. Как сообщили нам в милиции, то, что отвертку не нашли и что на месте происшествия была обнаружена нарисованная свастика, совсем не значит, что к смерти азербайджанца имеют отношение печально известные скинхеды. Возможно, считают оперативники, отвертку куда-то забросил в агонии сам азербайджанец, а эта свастика была нарисована там давно. «Вы знаете, – сказал нашему корреспонденту один из оперативников, – это легче всего в радиусе пяти километров от места любого происшествия искать нарисованные свастики и сваливать все на скинхедов, но...» ну и так далее...

– Ну, Серег, ты даешь! Говорит, как пишет!

– Ребят, а Токмакова-то поймали!¹²

– У-у, сравнил! Вообще я уважаю Буса, но поймали его не потому, что он негра избил, а потому что он вел себя как дурак. Зачем он это интервью давал? Это во-первых. А потом он же избил американца, а наши же уже не знают, где у янки полизать. Из-за двух выбитых зубов помните, какая вонь поднялась? А тогда в центре Москвы, среди бела дня прессанули сына посла какой-то банановой державы (слово «державы», естественно, было сказано с издевкой). Ометелили, заташили в подъезд, раздели, а потом опять ометелили. И чего? А ничего. Только в «МК» какой-нибудь Маркуша Дейч взбзднул опять про разгул расизма, и все. Так и здесь, ну, отмудохали хача, ну, может, оклемается, может, подохнет...

– Вот именно. Он, сука, небось, вообще без регистрации жил. Ну вот, может быть, может быть, кто-нибудь чего-нибудь скажет из-за того, что Сова там свастику намалевал.

– Да, вот это, кстати, может быть.

– Блин, на хрена я это сделал?

– Да не тормози, Сова. Ну, нарисовал свастику, ну и что? И кого искать? Всем скинам Москвы экспертизу на почерк устраивать? А если ты другой рукой писал? А если ты баллончиком писал, что, кстати, ты и делал? А если это вообще специально свастику нарисовали? Что им, заняться больше нечем? Вот если бы они нас там повязали – это да, это жопа. По предварительному сговору, да покушение на убийство, да еще по национальному признаку, да еще с особой жестокостью... Тебе четырнадцать-то есть?

– Два месяца назад пятнадцать было.

– Ну вот... да, тут накрутили бы на всю катушку. А так – мотивов нету, пальцев нету, ни хера, в общем, нету, ну все, всяк стопроцентный.

– Но все равно, – сказал Сергей, – правильно тогда Башня говорил. Не стоит одеваться так, чтобы всем и каждому было ясно, что ты – скин. На хрена это нужно? Главное, что у тебя в сердце. Не, на концерт, или там просто когда гуляем, можно одеться, а так, когда работать выходим, зачем это надо?

– Все, – ответил Роммель. – Отныне у нас так и будет. В приказном порядке. Хватит приключений на свою жопу искать. «Береженого бог бережет», не нами придумано. Кто на акцию оденется как скин – все, налево кругом, и домой. Ну, еще, когда массовые акции, тогда можно. А если как сейчас – на три, на четыре человека, все, это – железно. Хачей мочить, конечно, здорово, но сидеть за них не хочется. Я молодой, меня еще девушки любят.

– У меня в доме и никто не знает, что я такой нехороший. Свастики я на стенах не рисую, в скиновском редко хожу, на хрена это надо? Участковый все равно будет знать, это его работа – знать, кто на его территории живет. Тем более сейчас такая вонь пошла. Кац¹³, сволочь,

¹² Семен Токмаков (Бус) – прославился тем, избил на Горбушке Джеферсона, охранника посольства США, бывшего морпеха. После этого дал интервью телекомпании. Запись этого интервью хотя и не использовалась на суде, сыграла роковую роль при его аресте.

¹³ Кац – фамилия мэра Москвы Ю. Лужкова по матери

съезд РНСС запретил! Везде им нацисты мерещатся. Думал, съезд двадцать девятого ноября будет, так нет, хуюшки.

– У меня той весной прикол был, – сказал Квас. – Иду я с практики, одет цивильно, под курткой галстук болтается. Раз, тормозят менты у метро. Документы, куда идешь, оружие, наркотики? Я спрашиваю, а в чем дело, типа? Вроде на черножопого не похож. Ты, говорят чего, этот, как их... ск... скин, что ли? Я говорю, нет, я – нищий студент. А они мне – а чего ты штаны подвернул?! Ты понял, им, видать, спустили сверху бумагу, по каким признакам выделять из толпы наци. А поскольку они тупые, как пробки, вот они меня и тормознули.

– А чо ты штаны подвернул?

– Так слякоть была, лужи всякие, я дворами к метро резал, ну и подвернул, чтоб не испачкались. Джинсы-то новые были тогда. – Квас хлопнул по колену. – Вот эти самые и были.

– Вообще, Сова, – начал Роммель, – то, что мы делаем, дело благое, только не надо сообщать об этом всем встречным и поперечным. Ты, пока молодой, красуйся, но когда подрастешь, пойми, что скин – это понятие скорей внутреннее. Это определенный образ жизни, система внутренних моральных рамок, совершенно раз и навсегда определенная система ценностей. Например, сидишь ты в метро, а напротив тебя бабулька стоит. Должен место уступить – а иначе какой же ты националист? Или вот пионеры едут в метро и во-от мат-перемат на весь вагон! Люди посмотрят и скажут: «Вот, блин, борцы за нацию, вести себя культурно не умеют. На черта они такие нужны?» Скин должен мочить, движение возникло как бригады прямого действия, но все должно гармонировать, понимаешь? Но даже мочить – не главное. Вот сегодня мы хача грохнули...

– Или не грохнули.

– Или не грохнули, неважно. А завтра еще десять приедут. Чтобы решать этот вопрос, власть нужна. Чтобы брать власть, не нам, а тому же Союзу, нужно стереотип нациста ломать потихоньку. Что? Ломают, правильно. Но все равно, в чем-то они, по-моему, неправы. Это как птенец, да, по птичьему двору ходит. Он что, клюет кого-нибудь? Не-е-ет. И если, допустим, петух его заденет (да не тот петух, чо вы ржете? Нормальный петух, с хохолком... с гребешком, идиоты!), он же в сторону отойдет, правильно? Но он растет, а петух стареет. Потом он вырастает, и вот тут уже всем заткнуться. Так и нашим надо. Патриотизм, национальное возрождение, объединение – это здорово, просто, может, не стоит эту черную форму, свастики использовать? Это все хорошо, это мы понимаем, а «овощ» (то есть обыватель) не понимает. Ему НТВ мозги ебет, а он слушает.

– Да ладно, ты на журналюг посмотри! Они же прицепятся все равно.

– Прицепятся, а как же? Надо же тридцать сребреников отрабатывать? Но всем будет ясно тогда, кто они такие. А тут они вроде и как бы критикуют с правильных позиций. Так вот, а вот когда бы РНСС пришли бы к власти, вот тут бы и показали жидам небо в алмазах. Ну, это я, понимаешь, так думаю, может, я и ошибаюсь, в РНСС тоже не дураки сидят.

– А хачам?

– Чего хачам?

– Ну, ты говоришь, жидам капут, а хачам?

– Да-а... хачи – хуйня это все. Проблема на сорок восемь часов. Как Сталин – в этом вопросе мужик вафлей не ловил, ничего не скажешь! Да они отсюда сами все свалят. Надо будет только проследить, чтобы они кроме потных носок и обосранных трусов ничего больше из России не вывезли. А уж мы им такие проводы устроим, что их правнуки будут кровью ссать, когда им приснится, как их предки тут на нашем горбу ехали и чем для них это все кончилось. Короче, мораль такая – наши мудрые предки что говорили – «Береженого Бог бережет» – или как тут Квас извратился: «Бе-реженого Бог бережет». Ну, чего-то я увлекся...

– Да не, нормально. Жалко только – стенографистки нету, для истории твои речи фиксировать. А когда к власти придем, выпустим сборник речей Роммеля. А Квас будет министром пропаганды.

– А ты, Серега, уже в начальники женского концлагеря напросился!

– Да ладно, я буду фюрером Союза Русских Девушек!

– Ни хрена. Эльза у нас будет девушками командовать.
 – А у вас, чего, уже все распределено, что ли?
 – А как же? Ни хрена, Квас! Эльза будет по материнству и младенчеству.
 – Еще чего! Бабе у нас будет материнство и младенчество охранять! А ты у нас будешь начальником женского концлагеря – будешь жидовочек отбирать и шлюх, кто с хачами да с цветными спали, как на конкурс красоты, а мы будем к тебе на уик-энд приезжать! «Мисс Майданек»! Звучит, а?! Прикинь, Молодой такой говорит: «Ну че, мужики! Целую неделю мы не спали, не ели, вели нацию к счастью, а теперь к Сереге смотаемся. Ему, говорят, Кристину Орбакайте привезли!»

Рассмеялись.

– Группу «Стрелки», блядь! – давясь от смеха, присовокупил Сова.
 – «Блестящих»!
 – Ну, ты зол, мужик! А их-то за что?
 – Захочу их, так найдем за что!
 – Да ладно, невинных-то мы не будем. Виноватых-то наберется, ты, Сова, небось, из серегиного концлагеря вылезать не будешь.
 – А, Сова, твое счастье, я придумал, за что мы «Блестящих» посадим, специально для тебя.
 – За что?
 – За пропаганду сионизма.
 – А чем они сионизм пропагандировали?
 – А тем, что не пропагандировали национал-социализм.
 Ну, такой хохот поднялся.
 – Ух ты, здорово, Серый! Может, тебя министром МВД сделать с такими замашками?
 – Да ну, на хрен надо?хлопотно, ответственность большая, я лучше буду у себя в концлагере оттягиваться.
 – Ребят, хватит, а? Я уже смеяться устал!
 – Все, метро.
 – Уже метро, да? Быстро доехали.
 – Все, щас разбегаемся.

ГЛАВА 6

Всю неделю по вечерам компания забивала телефоны, вызывая нарекания родителей, бабушек, тетюшек и сестер. Деятельно шла организация вечеринки. Башня получил задание – чтобы предков на следующие выходные на даче не наблюдалось. Оно, конечно, так, что в начале декабря и в такую погоду на дачу поедет только идиот, но все же. Дальше – по сколько скидываться? Еще проблема – продукты. Бросили жребий. Оказалось, на закупки отправится Бабс. Бабс начал отмазываться, но ничего не вышло, хотя ему удалось подписать под это дело Повара и Эльзу.

– Мне Эльза нужна как женщина. Она нами будет командовать на оптовке. Я, кроме как за хлебом и картошкой, отродясь по магазинам не ходил.
 – Чего, без женского руководства на толкучку сходить не можешь, что ли?
 – Ладно, мужики, все ясно. Эльза и Бабс при деньгах – понятия несовместимые. Он же на нее все бабки спустит, вы чего, не знаете, что ли, он в нее врезался по уши.
 – Рот закрой!
 – Да ладно, Бабс, чего ты, все свои... Теперь понял, Повар, зачем ты там нужен? Будешь следить за этой парочкой. Мы дадим тебе парабеллум. Если Бабс станет покупать ей цветы, конфеты и прочую чушь, действуй по законам военного времени!

* * *

Инна с ногами взгромоздилась на кушетку, курила и смотрела «Ромпер Стомпер». Краем глаза она наблюдала, как Квас, подсакивая и суетясь, носится по квартире. Шли сборы на дачу.

На диване была разложена газета, на которую Квас собирал щетки, пасты, полотенца, и отдельно, в красном пакете, лежали иннины приборамбасы.

– Одежда возьмешь? – не отрываясь от фильма, спросила Инна.

– Да все там есть.

– Интересно, если бы я не смогла, сколько у тебя еще было запасных вариантов, м-м?

– У меня-то? Ноль абсолютный, ты же знаешь! Квас, опустившись на корточки, вдевал в гриндера чистые, хрустящие белые шнурки, которые снял с загадочной реечки.

– А почему шнурки белые? – завела Инна старую песенку. – Вон у тех тоже белые шнурки. Инна ткнула в телевизор.

– Белые шнурки? Это так, для красоты, – деревянным тоном ответил Квас. – Чтобы выделиться. Типа, все ходят с черными, а мы вот – с белыми.

– И ты чего, всегда ходишь в этих шнурках? А те зачем?

– Попробуй походи в них... Их же стирать надо через каждый раз. Вот эти запасные и висят. Где там твои пирожки? Мать их в духовке на дорожку подогреет.

У самой двери Инна остановила его вопросом:

– Ты меня любишь?

– До безумия.

– Тогда поставь чего-нибудь другое. Хватит с меня того, что я на тебя часто люблюсь, чтобы еще и по телевизору на ваших смотреть.

– Ну, посмотри там, на полке, хотя у меня все из этой оперы. Вон, хочешь, «Дейче Вохеншау» поставлю.

– А чего это такое?

– Немецкая мода сороковых годов с Евой Браун... Ладно, шутка. И вообще, Инн, хватит у телевизора сидеть. Пойдем, ты мне нужна как женщина.

Квас взял табуретку, достал из шкафа большое белое полотенце и взял пакет с пирожками.

– Пойдем.

Квас привел Инну в ванную, поставил табуретку, бросил на нее полотенце и пошел на кухню, отдать матери пирожки.

– Мить, погоди. Но ведь это не Наташа.

– Мам, говори тише. Ты очень наблюдательна.

– И куда же вы едете на выходные?

– Мам, я тебе уже говорил – с друзьями на дачу, и...

– Так, интересно... А с Наташей что, все?

– Да нет, все нормально... Будет звонить, скажи – с друзьями куда-то ушел.

– Так ей уже, наверно, лет двадцать пять?

– Почти двадцать шесть, – отрапортовал Квас. – Ее Инна зовут.

– Нагловатая девица эта Инна...

– Мам, хватит, с чего это она нагловатая? И потом, у нахальной свекрови невестка всегда...

– Так ты уже и жениться на ней собрался?

– Конечно, мам, а как же? Хватит. Погулял, и будет. Да нет, нет, успокойся. Не собираюсь.

– А зачем тогда?

– Ну, мам, как тебе сказать... С Наташей иногда скучно – не пьет, не курит, матом не ругается... Если уж буду жениться, то на Наташе. А тут – порок тоже иногда привлекателен.

– Да, не думала я, что у тебя будет такая психология. Мы тебя с отцом...

– Мам, правда, хватит. Вот приеду, мы это с тобой обсудим. У меня время поджимает.

И убежал в ванную к нагловатой Инне.

– Во, видишь, машинку тут у одного кекса стрельнул. Оболванишь меня?

– Да я никогда не...

– Тут ничего сложного нет. Води по башке, пока лысой не станет.

– У тебя красивая мама... Она про меня говорила?

– Ну... – помялся Квас.

– Ну-ка колись, как я ей?

– Инна, разве ты можешь не понравиться? Ничего, вот папаня придет – тоже будет буря эмоций.

Квас сел на табуретку, снял водолазку и накинул на плечи полотенце. Инна включила черную длинную машинку и стала осторожно водить Квасу по голове.

– Не больно?

– Нет. Инн, можно поэнергичней? Времени мало.

– Чего ты? Что они, без нас уедут, что ли?

– Никто не уедет, но договорились же...

Они дошли до метро молча, Квас часто и нецензурно ругался, смотря на часы, а в вагоне виновато поцеловал Инну в затылок и нежно сжал ей пальцы.

Без него они действительно не уехали, но вся бригада была уже в сборе. Когда Квас с Инной прибыли на место, там поднялся укоризненный шум.

– Квас, что это с тобой? – спросил Роммель. – Всегда был пунктуален, как истинный ариец, а тут... вон и Серега уже здесь.

– Нагрузить его! Он дележ продуктов пропустил!

– Давай Квас, бери продукты. Вот твой пакет.

– Здорово, Серег.

– Привет. Бабе тут тоже опоздал, мы думали все, пропала наша жрачка.

– Все на месте?

– Все.

– Мужики, скидываемся на пиво. Две бутылки на нос, на дорожку. Итак...

– Ну, считай... пятнадцать рублей на каждого... Четырнадцать человек...

– Десять... сто сорок... двести десять штук. Я собираю, давайте.

– Мить, я пока не буду...

– Минус две – сто девяносто пять... Все, ровно.

– Все? Пошли, время.

Они нашли свою электричку, погрузились, расположились. Пришла пивная команда с четырьмя внушительными пакетами. Целлофановые пакеты натягивались, как струна, и постанывали, а в них звякали бутылки.

– Ну все, сейчас поедem... Пожрать бы чего-нибудь...

– Бабс же закупился.

– Это на дачу, а сейчас, в дорожке...

– Пиво разбираем, чего сели?

– Чего вы взяли? «Тульское»... Чего, «Клинского» не было?

– Заеблись бы за «Клинским» бегать. «Тульское» тоже ништяк.

Квас, Сергей, Повар и Молодой сели отдельно. Соблазнительным рядком стояли на сиденье запотевшие холодные бутылки с пивом, а Серега, заговорщически улыбаясь, похрустывал колодой карт. Тут же, в перемешку с ними, расселись Инна, Ксюша, молоденькая еще совсем спутница Повара, та длинноволосая нимфа, с которой Молодой пришел на двадцатилетние Бабса и которую звали Наташа, и одна из скингерл, которую тоже звали Наташа. Короче, деваться от Наташ некуда, куда ни плюнь, одни Наташи да Иры.

– Едем скоро? – громко спросил Сергей.

– Все, сейчас уже должны ехать. Пойдем, ребят, в тамбур, курнем?

Они набились в тамбур и выглядывали наружу. Бабс и Молодой делали зверские лица, чтобы граждане не особо заскакивали в их вагон. Голубые струйки дыма смешивались с паром от дыхания. Квас с Молодым подождали, пока тронется поезд, повыкидывали бычки и вернулись в вагон. Их теплая компания уже раскупоривала пиво. Все бутылки картежники решили собрать в общий котел и пускать вкруговую по очереди. Поезд тихо набирал ход.

– Ну что, начнем, что ли? Ваше здоровье, дамы!

– Не выебывайся, сдавай давай... Во что? В буркозла?

– Не, для начала давай в дурачка!

– Давай, Повар, мешай лучше. По шесть карт, да? Девушки будут?

Согласились Ксюша и Наташа Молодая, остальные отказались – им, видать, интереснее заглядывать в карты и слушать комментарии.

- А, ну вот как раз на шестерых!
- Блин, поезд трясется.
- Не торопись. У кого там, у тебя, Квас, пирожки?
- Сиди... Все карты замацаешь... Ты даешь, Серег, только отъехали, уже жрать потянуло.
- Оп-па, вини козыри. Шесть?
- Ну... сдал, как насрал.
- У кого шаха?
- У меня.
- Ну, ходи, потнявые твои носки.
- Сейчас... Под Кваса, да?

Инна с интересом присматривалась к компании. Ее Квас, сделав глоток, держал бутылку между ног и сосредоточенно глядел в карты.

- От так!
- Ну сходил. Прямо как еврюга ходит!
- Ну я не знаю, Квас, как еврюги ходят, не общался, это ты у нас по синагогам шляешься...
- Давай, давай, не тормози!
- Давать тебе жена будет. В постели. Принимай давай.
- Ну ты чучело, блин... С самого начала такой вши-вотой накормил! Взял...
- В рот ты у ниггера взял! – отозвалось наперегонки несколько голосов, так и поджидавших этого момента.

– Инн, не обращай внимания! – пояснил Квас, распределяя карты в своем огромном веере. – Без этих дружеских подколок игра неинтересна. Это только начало.

– Сейчас моргалы выдавлю, будешь ей в карты смотреть! – напал на Сергея Молодой, вступившись за свою девушку. Сергея, однако, ничуть это не смутило:

- На хрен пошел! Я ей в карты не смотрю!
- Ребята, вас всех из жопы рожали! – радостно объявил Квас, принимая «на плечо» вторую партию карт.

– Тебя самого из жопы рожали, геронтофил несчастный! – дружелюбно отбрил его Серега, на правах лучшего друга намекая на его связь с девушкой, которая, мягко говоря, слегка постарше. – Играем так – кто проиграет, кричит: «Земля имеет форму чемодана!» и следующий кон проведет без пива! Девушек не касается.

Квас вроде скинул все карты, остался только с двумя, и по его довольной роже можно было понять, что он не проиграет и без пива не останется. Зато Молодой морщил лоб, кидая быстрые взгляды на поле боя и в свои карты. Серега рассказал анекдот о гражданине, грубияне и женоненавистнике, который перед первой брачной ночью окрасил свое орудие в синий цвет, чтобы лишний раз вздуть свою жену. «Спросит она – Вань, а чего ж он у тебя синий! А я ей – хрясь по роже: где ж эт ты, блядина, другие видала?» сочно выговорил Сергей последнюю фразу.

– Ну ты даешь, Серег! Хоть бы девушек постеснялся! Извините его, он не виноват. Его, когда рожали, за башку клещами вытаскивали, поэтому он у нас слегка ебанутый.

- Пошли вы! Это вас всех, когда рожали... Ну и т. д.

Молодой все-таки проиграл, и его громкий рев: «Земля имеет форму чемодана!» потряс вагон. Он орал дважды, потому что первый его вопль забраковали и под смехи и подначивания заставили орать громче.

Вечерело. В вагоне стало появляться больше алконавтов или откровенно шпанистых личностей. Увидев двух девочек, к ним подошли Роммель и Бабс, вежливо поинтересовались, не нужны ли их мамам зятя. Потом сели рядом и стали чего-то вкручивать. Девчонки часто смеялись. Повар долго крутил бумажку, стоя перед картой железнодорожной ветки, а потом объявил, что им выходить в Лакинске, через три остановки.

– О, Лакинск! – оживился Сергей. – Тут пиво классное делают. Я когда экспедитором работал, мы сюда за пивом ездили.

– Попить ничего не осталось? – вплелся в рассказ Сергея нежный голосок второй скингерл, которая требовала, чтобы ее называли Роткэпхен и вообще вела себя так, будто она

ветеран движения, выступающий перед сопливыми пионерами и пересказывающий им содержание фильма «Инфилтратор».

– Тут, короче, на пивзаводе бабулька работает, а ее дядя в свое время замочил топором этого Лакина, в честь которого город назван.

– А за что замочил-то?

– А за коллективизацию, что ли...

* * *

– Чего опоздали? – услышали они вопль Башни, даже раньше, чем увидели его самого. – Вон автобус стоит, последний.

В автобусе, который уже и так был набит больше сумками и рюкзаками, чем людьми, зрелище мчащийся группы скинов с подружками энтузиазма не прибавило. У дверей начались жаркие дискуссии.

– Куда, куда лезете? Ребята, ребят, мест нет!

– Ну как нету! Потеснимся немного, автобус-то последний! Девушек и продукты не пихайте! Влезаем!

Влезли. С руганью, с охам и-вздохам и, но влезли. Разговоры и тряска в автобусе сморили Инну. Пахло сыростью, потом мокрой шерстью и мокрым сукном рюкзаков. Она приткнулась к Квасу, который держался за рукав Сергея, тот, в свою очередь, обнимал рюкзак Молодого, вцепившегося в поручень. Рядом беспомощно вертелся толстый Бабс, а какая-то сухонькая старушонка сварливо костерила его на весь автобус, что сопровождалось одобрительными замечаниями соратников Бабса. Автобус как следует тряхануло, Инна ткнулась носом в плечо Кваса, в мокрое шинельное сукно его куртки.

– Поаккуратней там! – загомонили вокруг. – Не дрова везешь!

Квас с трудом протиснул руку, прижал Инну к себе.

– Спи, котенок, – и поцеловал в бровь. – Когда приедем, разбужу...

Инна действительно закрыла глаза и попыталась отключиться. От ее волос пахло как-то душисто-мокро.

Квас переглянулся с Роммелем, вцепившимся в компостер. Роммель так же обнимал и прикрывал от тряски Роткэпхен.

Наконец они вышли. Было нехолодно, особенно после тряски в автобусе, но влажно и противно. Совсем недавно, видимо, здесь прошел снег. В общем, грязь, частый, влажный ветер, налетающий порывами. Они шли тесной кучей по проселочной дороге, под ногами противно чавкала грязь. Было такое впечатление, что вся дорога покрыта расплывшимся, хлюпающим, налезавшим на ботинки дерьмом.

Квас одной рукой держал на плече обе лямки рюкзака, а другой придерживал постоянно скользившую, словно на каблуках, Инну. Серега, который только что ругал Башню, обзывая его «Сусанин хренов», теперь обрушился на Кваса за то, что тот еще в электричке допетрил переобуть гриндера на сапоги. Сам он этого не сделал, и теперь на каждый его вычищенный башмак налипло по полтонне грязи.

– Заворачиваем! – закричал впереди Башня и замахал руками. Они срезали путь через какой-то крошечный лесок, приспособленный дачниками под помойку. Дом Башни еще не был виден, а уже послышалась музыка.

– О-о, русским духом запахло! – восхитился Квас.

– «Close Shave», «Give us back our Rose», – определил Молодой, музыкальная энциклопедия бригады. Он постоянно кому-то что-то записывал, переписывал, дописывал, ксерил вставки и доставал тексты.

– Слушай, – то и дело говорил ему какой-нибудь соратник. – А есть у тебя то-то и то-то?

– Достану, – неизменно отвечал Молодой. – Давай кассету, перепишу. Только это галимый альбом, что ты хочешь, у них есть классные альбомы – это такой-то и такой-то.

Он доставал не только аудиозаписи. Именно через него бригада приобщилась к

кинематографу Третьего Рейха – «Триумф Воли»¹⁴, «Ханс Вестмар», «Марш для Вождя», «Дейче Вохеншау» и масса других видеоматериалов.

Молодой обладал и кучей сидюков с фотографиями, плакатами, скачанными статьями и прочей занимательной и познавательной информацией. Библиотека Молодого была тоже достаточно известна. Он не сидел на своих богатствах, как собака на сене, и в его просторной, бедноватой квартире, богатой, пожалуй, только отличным компьютером и хорошей библиотекой, часто устраивались посиделки с просмотром и прослушиванием всяческих новинок и раритетов.

Кассеты Молодого веером разлетались по рукам, и когда Молодой уже считал кассету давно заигранной, где-нибудь на концерте к нему подваливал незнакомый человек, возвращал кассету и благодарил. Один Бог знает, через сколько рук она прошла.

Сейчас Молодой к тридцатому января потихоньку переводил «Фелькишер Беобахтер», десять номеров, укупленных им на Измайловском Вернисаже. У Молодого был, что называется, талант от Бога на «прикупить по случаю». И не только «прикупить».

Однажды Молодой с соратниками шагал мимо «Детского мира», отчаянно лавируя в толпе. Скины уплетали мороженое и вели треп на отвлеченные темы. Жаркая июльская суббота только-только стала клониться к вечеру. Внезапно Молодой прервался на полуслове, развернулся на сто восемьдесят градусов и ринулся на кого-то в толпе. Соратники молча последовали за ним.

Молодой, как ястреб, налетел на девочку, явно принадлежащую к поколению Пепси, у которой на черной бейсболке был укреплен германский нагрудный знак «Участник штурмовых атак». Девочка отрешилась от суетного мира музыкой плеера и сначала не могла понять, какая сила за шиворот вынесла ее из толпы и переместила к витрине с огромными куклами. Потом она развернулась и увидела перед собой скина со злым и одновременно веселым тонким лицом и прозрачными светлыми глазами. Он шевелил губами, что-то эмоционально ей говоря... Девочка выключила плеер и из мира грез ее вырвал резкий голос Молодого:

– ...так что айн-цвай – снимай значок с шапки!

Тут солнце загородили более рослые соратники Молодого. Девочка что-то возразила.

– Рот закрой, паскуда, – заявил Молодой. – Люди этот знак в бою заслужили, а ты для понта нацепила. Вы, ублюдки, модная молодежь, введите свой знак «Десять раз получил пизды от скинов», заслужи его и таскай на здоровье. Снимай, давай, пока я не разозлился!

Пришлось снять. Потом скины вежливо с ней раскланялись и пошли своей дорогой.

– Во, блин, глаз-алмаз! – восторгался потом Бабс. – В такой толпе углядел! Покажи, родной?

– Родной. Видишь, номер выбит. Ну и по металлу и отливке видно. Хорошая штука...

Следующий эпизод принес Молодому популярность в более широких кругах. Молодой встречался у одной станции метрополитена с неким кексом, чтобы передать ему внушительную папку с распечатками из Интернета и несколько кассет. Они встретились, и тут на горизонте появляется негр под ручку с девушкой. Скины проводили их до дверей в метро, и тут Молодой наступил негру на ногу и затеял с ним драку. Пока Молодой сражался с негром, рядом заламывала руки его спутница, а спутник Молодого, помня пример Буса, сам не лез, а давал единоборщику ценнейшие советы, типа с какой руки и куда бить. Молодой, не отвлекаясь от негра, умудрился со словами «Надо выбирать, сука, с кем гулять!» еще и пнуть ногой в корпус спутницу негра. Когда нарисовались менты и сказали «брейк!», Молодой с апломбом заявил им, что он-де «сражался с черным расистом». Негр с покосившейся спутницей исчезли в метро. Следующий час Молодой просидел в обезьяннике, доказывая ментам, что ему вовсе и не нужно в метро, а нужно на троллейбус. Видимо, менты ждали, пока негр с девушкой удалится на безопасное расстояние.

Второй скин, честно ждавший, пока Молодой выйдет из заключения, потом развернул

¹⁴ «Триумф Воли» – знаменитый документальный фильм Лени Рифеншталь о партийном съезде НСДАП 1934 года. «Ханс Вестмар» – кинобиография Хорста Весселя. «Марш для вождя» – документальный фильм о Гитлерюгенде. «Дейче Вохеншау» – еженедельный информационный киножурнал.

бурную деятельность по увековечиванию этой великой битвы. Сначала негр превратился в двух горилл из «Night Soldiers»¹⁵, потом скромная метрополитеновская милиция превратилась в озверевший ОМОН. Количество свидетелей этой, в общем-то нелепой стычки стало расти. Спустя пару месяцев Молодой слышал от кого-то парня на концерте, будто тот видел у того метро, как один трехметровый скин сражался с целым племенем, вооруженным бумерангами, палицами с осколками обсидиана и трубками для метания стрел, отравленных ядом болотной гадюки.

Вообще Молодого в бригаде любили...

Дом Башни представлял собой большую, но ветхую дощатую дачу.

– Баньку мы тоже протопили, – указал рукой в сторону Башня. – Так что если кому-то с кем-то надо будет уединиться, то пожалуйста.

Они поднялись на веранду. Там всю бригаду встретила Ира, девочка Башни, в теплом синем свитере.

– А где Аякс? – спросил Роммель, скидывая с плеч рюкзак.

– В бане сидит, журнал читает. У нас все как у людей – женщина вертится, как белка в колесе, а воин лежит жопой кверху, прессу изучает. Эти два воина полчаса тут спорили, кому за вами ехать.

– Вон он, трясется, полюбуйтесь на него! Услыхав шум, к ним из баньки спешил уже Аякс в большущих резиновых сапогах.

– Давай, рюкзаки принимай. Разлежся жопой кверху! Здорово!

– Здорово! С прибытием.

На веранде шумели – хлопались, отряхивались, раздевались. По одному проходили в дом.

– Классно у тебя тут, Башня!

В доме правда было уютно – стояла разнокалиберная мебель, пахло цветами и травой уже ушедшего лета, мокрым деревом, стружками. Особый аромат добавляли гирлянды сушеных грибов и всяких трав.

– Мы вам тут ужин приготовили... – начал Башня.

– Мы! – иронично перебила его Ира. – Мы, главное! Молодец! Я тебя банки просила полчаса открыть.

– Давайте, мужики, жрите быстрее, работы еще до хрена. Мы пол картонкам застелили, вон куча сапог, ходите в них пока.

Поднялся шум, который обычно бывает, когда много народу проходят первую стадию обживания на новом месте. Только увидев небольшой стол с дырявой клеенкой в игривых розочках, увидев картошку, от которой валил пар, кастрюлю с вареными сосисками, увидев маринованные помидоры и домашние огурчики, свекольный хрен и кетчуп, все поняли, как проголодались. На улицу лезть никому не хотелось, руки ополоснули в кухне.

– Ладно, – проворчал Башня, – но воды потом сами наносите. Ее совсем мало было.

– Наносим, не вопрос... Ну че, садимся? С шумом расселись.

– Тарелки, вилки сами берите, я не знала сколько вас будет...

– Садись, Ирка. Разберутся, не маленькие. Давай, соратники, налетай. Огурцы, помидоры – все домашнее...

– Сметана есть?

– Вон в банке.

– Хлеб, сметана, все местное.

– Ложка в сметане стоит? А то ты, сволочь, может, ее водой разбавил?

– Не замерзли, ребят?

– Погода, конечно, отвратная, но не холодно. Серега галантно наклонился к Инне:

– По правилам этикета я буду ухаживать за дамой, сидящей справа от меня.

Инна требовательно ткнула пальчиком в кетчуп, когда Кваса толкнули локтем. Серега это затеял, желая Кваса подколоть, и им решили подыграть. Сам же Квас этого не заметил – он

¹⁵ «Night Soldiers» («Ночные солдаты») – агрессивная антифашистская группировка. В настоящее время не существует

предался чревоугодию и отвоевывал у Молодого банку с помидорами.

– Эй, Квас! Поставь помидоры на место. Вон у тебя уже рога прорезались!

– А? Что? Какие рога?

– Ты лопай, Квас, помидоры, лопай, лопай! Вон еще и сосисочку возьми! А у тебя девушку сейчас вместе с тарелкой уведут!

– Кто? Изничтожу!

– Серега вон сбоку пристроился! Экетет, типа, то се...

– Серега! Сейчас на двор жрать пойдешь! Твою мать с твоим этикетом!

– Мать мою не трожь, недоносок!

– Сам недоносок! Ты лучше это, вон напротив тебя такая девочка сидит. – Квас через Инну что-то быстро зашептал Сергею. Серега засмеялся.

– Квас, блин! Ебнутое создание! Чего ты там ему шепчешь? – возмутился Башня.

Напротив Сергея сидела как раз его Ирочка и скромно ковырялась вилкой в картошке.

– Он говорит: не тормози, передай ей сметану, а там и познакомитесь!

– Ты, чувырло! Ты сейчас сам жрать на двор пойдешь, понял?!

– Не на двор, а в баньку! – Инна бросилась на защиту. – Правда, Мить?

– Обломись-кась! Там уже Повар с Ксюшей ужинают! – причем слово «ужинают» было сказано как бы в кавычках.

– Не треплись, Бабе, гумплен несчастный! Вот я сижу здесь! А сам-то – смотри, уже кончил на штаны!

– Это сметана, идиот!

– Да ла-а-адно, смета-а-ана! Это у всех такая сметана, когда...

– По-о-овар!

– А, ладно... Прошу прощения!

Молодой навалил себе сметаны в картошку и размял все это дело вилкой.

– Вкусная жрачка! – грубо сказал он. – Ира, где ты так научилась готовить ж-жрать?

Ира удивленно поглядела на Башню.

– Не обращай внимания. Это он фильм один цитирует. На самом деле, очень вкусно, Иришка!

– Дерьмо собачье, а не еда! – возопил Квас, делая вид, будто хочет метнуть тарелку в стену.

– А! – вспомнила Инна. – Этот момент я видела.

– Что? – Сергей дотронулся ей до локтя. – И часто Квас так тарелками кидается?

– Нет, не то... фильм я сегодня смотрела, когда мы собирались.

– Это и есть «Ромпер Стомпер», – пояснил Квас. – Мы его ча-асто цитировать будем.

Начали фантазировать, как можно разыграть сценки из фильма. Типа, Аякс сойдет за Магука – такой же «очкастый, как кобыла». «Сам ты кобыла, – ответил тогда Аякс. – Очкастый – потому что умный!» Турник вроде есть. «Моей борьбы», правда, нету, зато есть Бабс и квасовская черная шинель, которая сойдет за пальто, как у Андо. Это сопровождалось дружескими пикировками, от которых со смеха покатывались все. Инна сначала почти не участвовала в разговорах, а только прислушивалась. Неожиданно она почувствовала опять то ощущение покоя и безопасности, которым наслаждалась тогда, у Кваса на квартире, после походов по электричкам. Короткий ужин растягивался. Все сидели слегка присоловевшие от обильной сытной еды. Время летело незаметно. Дружба с большой буквы буквально физически витала в воздухе. Соратники, которым нечего делить, которые не раз в бою прикрывали друг другу спины, в кои-то веки выбрались вот так спокойно посидеть на даче, слегка выпить, потрепаться и потанцевать. Нету нигде сейчас ни рэперов, ни косых, ни ниггеров и цунарефов, а есть во всей Вселенной только эта скрипучая дача, этот немного тусклый свет, этот стол под домашней клеенкой с простой и сытной жратвой, и вот они сидят локоть к локтю и смотрят друг на друга влюбленными глазами. Видно, не только Инна так остро почувствовала этот вечер, потому что Бабс дожевал сосиску и провозгласил:

– Внимание! Сейчас будем фотографироваться!

Потом все пили крепкий мятный чай с печеньем. Инна и Квас ушли покурить на крыльцо. Была темень и тишина, которая живет только в деревне. Ветер унялся, облака, мокрые и низкие,

ушли. На черном шатре неба, куда ни кинь взгляд, перемигивались звезды. Дышалось полной грудью, и так дышится тоже только в деревне. Квас вырисовывался рядом темной грудой, только дрожал и мерно поднимался и опускался огонек сигареты.

До раннего утра старые половицы дома скрипели под подошвами сапог – компания распаковывалась, разбиралась с продуктами. Девочки легли спать раньше – им еще надо было возиться на кухне. Ребята перед сном нанесли воды, накололи дров, а утречком смотались в город за пивом.

Вечеринка началась. Ребята были при полном параде, орал магнитофон. На двух сдвинутых столах был навален душистый ржаной хлеб, курица-гриль, копчености. Стояли два кувшина с квасом и канистра с пивом. Еще две упаковки двухлитровых титек с пивом стояли под столом. Почти сразу пошли охотничьи байки. Инна оценила – сверкающие глаза, возбужденный тон, художественные описания. По словам Кваса и компании выходило, что почти во всех их акций, во время которых они избивали и калечили людей, были моменты, которые вызывали искренний веселый смех безжалостных победителей.

Хотя байки были не только о карательных акциях. Рассказывали обо всем, и, как Инна подозревала, не в первый раз. Но слушали все с удовольствием.

– У нас, помню, на третьем курсе, – рассказывал Квас, уже порядком хлебнувший, – было дело. На Девятое Мая решили устроить вечер, пригласили ветеранов, устроить конкурс среди групп. Ну, у нас училка, классрук наш, молоденькая, пришла, решила выебнуть-ся. Ну, приходит и говорит, кто, типа, стенгазету или плакат какой-нибудь на конкурс нарисует. Ну, мы с моим другом, Димоном, сразу руки тянем. Ну, она еще не знает, кто мы по жизни, а остальные сидят и усмеваются. Остались с этой училкой после уроков, стали думать, чего рисовать. Она говорит, типа, давайте нарисуем колокол хатыньский, за ним, типа, небо такое тревожное и надпись алыми рваными буквами «Люди мира, на минуту встаньте!» Мы это, конечно, отклонили. Решили плакат рисовать – стенгазету, ну на хуй, возиться много, а все равно снимут... Все выходные угрохали на это дело, но зато картина получилась – во! Короче, у Димо-на в книжке фотография убитого немца, подробная такая, там подштанники торчат, сорочка из-под гимнастерки. Мы немца по квадратикам на ватман и скатали. Акварелькой раскрасили. Притащили в технарь. Училка, дура, сначала обрадовалась. Плакат на доску магнитами присобачили, группа сразу в осадок выпала. Да, я забыл, мы там написали: «Он погиб за свободную Европу!» Эта дура нам и говорит: «Ну почему же только за Европу? Наша Армия освободила не только Европу, но и весь мир от угрозы фашизма!» Группа молчит – скандал предвкушает, а училка – то ли близорукая была, то ли в форме не разбиралась, чуть, короче, не пропустила наш шедевр. Потом смотрит, действительно, форма какая-то не родная, ну тут и дошло, блин, как до утки, на пятые сутки.

– Здорово! Ну и как?

– Ну как как? Ну, галдеж подняла. В учебную часть нас потащила вместе с плакатом, но там только посмеялись, привыкли уже за три года. Зато приятно было на остальные газеты посмотреть – только мы с Димоном от души рисовали, а эти так, за оценки, бред всякий. Да мы с Димоном постоянно стебались на эту тему, тем более у нас там такая библиотекарша была, жирная жидовка, так вот мы над ней всегда прикалывались – вся библиотека была в надписях – «Juden Raus!», «Neil Harry Holocaust!», «Дуче всегда прав!», в списке новых книг добавляли «Mein Kampf», «Что нам в них не нравится?», я тогда захожу, помню, и спрашиваю: «А Достоевского мне нужно, "Еврейский вопрос". Нет? А "Что нам в них не нравится" Шульгина? Тоже нет? Интересно. Ну а хоть "Mein Kampf" – то есть? И этого нету? Чего ж так плохо?» Она сидит вся красная, блин, трясется, потом как заорет: «Вон отсюда, гестаповец!!!» У нас парень был, Кидальников Илья, вот он, помню, тоже оттягивался от души! Тогда вышел читать «Левый марш» Маяковского, весь в черном, прочитал, сделал отмашку и строевым шагом вернулся на место. Немая сцена. Училка, тогда еще старенькая такая была, бабулька-божий одуванчик, ртом воздух ловит. С тех пор ей, наверно, везде фашисты мерещатся! Пушкина проходили, так он тогда вышел и со вкусом так прочитал этот стих, я не помню, как он там называется, но там такие строки были: «Типа, там перешли какую-то там речку, стали жечь турецкие деревни и жидов на деревьях вешать!» А чо, Кидальников прочитал свое любимое стихотворение великого русского поэта! Что, вы хотите сказать, что Пушкин фашист? Глотку порву, гады, за

Пушкина! Здорово, да? Потом чуть что, сразу – заткнись, особенно на истории...

– Да у меня такая ж хуйня постоянно была. Как щекотливая тема, так сразу: «Аникеев, я тебе зачет автоматом поставлю, только ты сиди и, ради Бога, рот не раскрывай!» или «О причинах Второй мировой войны нам расскажет Аникеев... А, нет, нет, вру... Сиди, Аникеев, и молчи. Репина нам расскажет причины...»

– Тут вообще по радио кора была. Передача, короче, про шотландские народные песни. Была там песня про Пэгги, ну знаешь, там это: у Пэгги жил какой-то гусь, он знал все песни наизусть...

– Ну да, детский стишок известный.

– Короче, предложили за приз звонить и предлагать свои варианты.

– И чего, предлагали?

– Еще как. Сначала какая-то шизанутая баба позвонила, придумала чушь какую-то, да еще антисемитизм туда втюхала, якобы она против антисемитов.

– Д-дура, блин...

– Ну да. Потом еще какой-то геморрой предложили. Девушка какая-то ничего придумала:

У Пэгги жил большой паук, Он был любитель жирных мух. Ах, до чего ж гурман паук!

Спляшем, Пэгги, спляшем!

Потом я решил им предложить:

У Пэгги жил любовник-скин. Носил он белые шнурки. Ах, до чего же душка-скин!

Спляшем, Пэгги, спляшем!

Раздались поощрительные смешки.

– Ребят, я придумал!

– Да-а, Повар, догадываюсь, ну давай!

– Слушайте:

У Пэгги жил постельный клещ...

– Расслабься, я дальше пока и не придумал... А на счет «Коловрата», так там дальше поется: «...И здорового нации подарит ребенка!» Вот и получается, с гордым воином живет и здорового ребенка от него нации подарит!

– Во-во, молодец! Логик ты наш! Как это нам самим в голову не пришло! Девушке твоей партийное задание – ласкать тебя почаще...

– И поусердней!

– Точно, а то ты у нас прям какой-то озабоченный... Рассмеялись, и некоторое время

Повар подвергался дружеским подначкам на эту тему.

Пьянка потихоньку продолжалась.

Плавню перешли на злобные охотничьи байки:

– Народ как реагирует? А когда как. Но лезут редко. Дед тогда какой-то выебнулся. Ему говорят: «Отец! Ты – русский, и мы – русские! Чего ты за всякую мразь лезешь вступаться?» Он на место и сел.

– Здорово тогда было, помните? Бабс выволок хачевскую подстилку в тамбур – и давай мудохать! Потом Квас подключился, долбят от души, причем она, сука, уже не орет, а так, повизгивает, снаружи особо не слышно. А я у дверей стою на стреме, подходит ко мне мужик, ну вылитый этот пидор, Ковалев, спец по правам чеченцев, ну и начал таким козлиным пидорским голосом – типа, ему выйти надо. Я ему говорю «нельзя, отец, иди через другой тамбур». Ну он начал «а мне нужно позарез через этот, мои права человека, своим произволом вы ставите под сомнения завоевания демократии...» Достал меня, блин, прилип, как банный лист к жопе, я хотел было грубить начать, тут вдруг это окровавленное табло этой сучки с такой силой ба-бах в стекло! Ну, кровяца там разводами. Мужик этот сразу – да, типа, ребят, мне туда и вправду соваться не стоит.

– А помните, у ниггера тогда штаны спали! Вот это вообще цирк был на выезде! Носился по вагону, как антилопа...

– А помните, Роммель тогда таким профессорским голосом: «Граждане, не волнуйтесь! Сейчас будет проведена регулировка демографического баланса на исконно русских территориях!» Вопрос с места: «Чаво, чаво?» – «Ну, хача этого, блин, мочить сейчас будем!» – «А-а...»

– Не, ну они, конечно, живучие, как черт знает что! Помните, хача долбили, и так его, и эдак, любой бы из нормальных людей уже бы дубу дал давно, а он все сознание не теряет. Аякс орет: «Шапку с него, шапку сымите!»

– А он, дурилка, думает, что весь цирк из-за шапки! Шапку, блин, напяливает на уши.

– Сняли?

– Да сняли, конечно. Он говорит – все, типа, ребята, шапка ваша! Ему – мудило черножопое, все только начинается! И – понеслась пизда по кочкам! Тогда, девчонки, жутко было, на самом деле. Кровища там только так веерами по вагону летала. Все уже устали бить, понимаете? – блин, да сколько же можно?! Он все – прошу вас, не надо, не надо! А ему – дохни быстрее, сука! Зачем приперся к нам! Зачем? Зачем? Зачем? Но ведь живучий же, сука – все уже бить заебались, а он даже созание не терял.

– А это как везде в природе. Чем существо интеллектуальнее, тем оно менее живучее. Просто если существо выживает с помощью мозгов, у него многие чисто физические способности просто атрофируются. Короче, чем меньше ты используешь физическую силу, тем просто твое потомство все слабее и слабее изначально, от рождения. Вон, ты посмотри, в Оружейной палате мечи, палаши, ты их хрен поднимешь. А они этими палашами дрались, махали ими во все стороны! Или я читал, там подняли с Чудского озера топор тевтонский, там одну эту насадку боевую хрен подынешь. Или вот у рыб смотри – ротан глупый, блин, хавает все, что ему под морду подсунешь, да зато прыгает без воды два часа, и хоть бы что, и размножается где угодно. У нас всех карасей по прудам пожрал, падло. А уклейка либо плотва, хитрая, сука, да зато только с крючка снял ее и все, пиздец. Вон как у князей дружины-то совсем маленькие были, потому что это были потомственные воины, у них война в генах сидела. Конечно, у них физические возможности из поколения в поколение оттачивались. Это не то, что мужика от сохи оторвали, дали рогатину в руки – и все, типа, уже воин...

– Чем тогда кончилось-то?

– Да кому-то там менты приглючились, мы все на ближайшей станции и вывалились...

Потом, когда все уже хорошо бухнули, устроили слэм, от которого дача чуть не развалилась. Крутили почти все время одну и ту же песню, которая била Инне по мозгам, слов она понять не могла, только часто повторяющийся припев: «Скинхед, скинхед!» Квас же, восторженно трясая в такт головой, пояснил, что это классика и называется песня «Pooling on the Boots». Танцевали они долго, иступленно и интересно – наускакивали друг на друга, хватались за шею и плечи. Потом было что-то вроде шеренги, когда они скакали, обняв друг друга за плечи, но шеренгу протаранил толстый Бабс, сам не удержался и, как поверженный колосс, рухнул вниз, подмяная под себя соратников. Из слэма Иннин ненаглядный Квас вышел с повреждениями – кровоточил и припух уголок губ. У Молодого набрякла бровь – результат хаотичного соприкосновения с телесами соратников. В слэме все равны, как в бане, и Бабе случайно помял Роммеля в куче мале, забыв, что тот есть командир. Некоторое время Роммель ходил морщась и слегка накренившись.

Сразу после слэма побежали фотографироваться. Для фона в фиолетовых предутренних сумерках зажгли заготовленный еще накануне крест. Были сделаны две коллективные фотографии (одна – с оголенными торсами, другая – уже в камуфляжных куртках, но зато со вскинутыми руками), а потом стали фотографироваться индивидуально и по парам. Квас два раза шелкнулся: с Инной, причем накинул ей на плечи «снежную» куртку, а сам мужественно остался только в подтяжках (не считая брюк и ботинок), и один, на фоне пылающего креста, изобразив на лице суровую решимость, глядя поверх объектива и выкинув правую руку в салюте...

Вечеринка закончилась. Все бродили, как призраки, зевая и ежась от утреннего холода.

Квас с Инной уехали часов в семь, отговорившись какой-то ерундой.

* * *

– Особенно меня радует их логика в отношении Союза. Вот стандартный сюжет репортажа, сам сколько раз видел! Какой-нибудь картавый сетует, что РНСС окучивает молодежь. Потом соглашаются, что да, молодежь в России запущена, что власти на нее хрен

кладут, что из-за этого растёт число наркоманов, алкоголиков, безпризорников, преступников. А вывод из всего этого следующий: нужно травить РНСС, нужно замалчивать идеи скинов, чтобы молодежь не попадала под их влияние, а продолжала сидеть по подвалам и нюхать всякую херню. Здорово, правда?

Отоспавшийся после вечеринки Квас разглагольствовал, лежа в постели, размахивая сигаретой и приподнявшись над Инной на локте. Настал момент, который Квас обещал еще тогда, в первый день знакомства – он решил затеять лекцию на тему «Национал-социализм и его идеология в той форме, которая будет доступна для примитивного женского ума». «Аи! Шутка же!» – поспешил Квас закончить это напыщенное название, уворачиваясь от нежного подзатыльника.

Картина была сверхэротичной – на родительской кровати, лежа рядом с Инной, Квас заливался соловьем, оседлав любимого конька.

– Ничего раз и навсегда установлено быть не может. А эти установили – это черное, а это белое, и почему нельзя с ними спорить? Человек может быть более умный или более тупой, но если он пришел к нам, значит он думает, он ищет, понимаешь? Ведь мозги они промывают капитально – я тут MTV смотрел, они по-моему, рекорд установили. За полчаса ни одного белого – одни ниггеры! Почему можно вещать все что угодно, почему защищают права пидерастов, наркоманов, проституток, прочей дряни, но того, кто скажет что-то положительное о Гитлере, сразу заткнись и все?

– Да бред все это, – поддела его Инна, – просто вымещаете на других свою юношескую агрессию.

– Ты таких людей на даче видела? – Нет.

– Ну и все. А вообще есть, конечно. Если говорят, что армия – срез общества, почему бы и скинам не быть срезом общества? Но ты согласишься, что пусть лучше молодые вымещают свою агрессию на хачах, ниггерах и прочей мрази, чем лупят прохожих за то, что закурить не дал, не так посмотрел, из другого района, не за ту команду болеет и подобную херню. И вообще как аукнется, так и откликнется – хули они все сюда приперлись? У себя дома сидит, так националист – «москали тетя!», «русские оккупанты», а сюда приедет, по ебалу получит, и сразу все такие интернационалисты, куда деваться... А белые шнурки, это значит, кого-нибудь наглушняк заколбасил.

– Слушай, Мить, а ведь как проверишь, оденет кто-нибудь шнурки, а как ты проверишь, а вдруг он их просто так надел?

– А это уже вопрос чести. Поэтому я тебе и говорю, что скин – это скорее состояние души, а не подтяжки и бомбер. Этот кекс с липовыми шнурками вроде как солдат, присвоивший себе боевой орден.

– А еще у вас есть какие-нибудь знаки?

– Конечно. Только я, Инн, честно скажу, я много так особо не знаю. Конечно, есть что-то, а как же? Цвет подтяжек что-то вроде символизирует. Одеты они у тебя или так болтаются. Кепки какие-то ребята носят. Но мы в это так особо не вдавались. Вроде, когда у тебя подтяжки болтаются, когда ты по улице идешь, это значит что-то вроде «боец по жизни». То есть обязан дубасить всех, кто под руку попадет.

– Всех?

– Да нет, ну не всех, конечно, а всех хачей, ниггеров, косых там и так далее. Так что смешно очень смотреть, когда идет какой-нибудь пацан, от горшка два вершка, а подтяжки болтаются. А вообще, Инн, мы на этом не зацикливаемся. Мода и стиль скина – это фигня, это все мажоры придумали. Мода должна быть одна – врагов мочить. А уж в чем ты там их будешь лупить – это неважно. Мало ли, может, у человека нет денег на гриндера, мочи хоть в лаптях, но только мочи. Я сам, знаешь, сколько на гриндера копил. И все равно бы не набрал, но мы тогда у косоного одного реквизируемали на нужды национальной революции, ему-то уж все равно без надобности. Когда я говорю «мы», я говорю про нашу компанию, кого ты на даче видела, ну и еще человека три не смогли приехать. А так у нас и оппоненты есть. И со старыми трения есть, с правыми так называемыми, а как же?

– Так интересно! Теперь буду обращать внимание. А то ваших иногда вижу в метро, а теперь хоть буду знать, с кем в одном вагоне еду. Мить, а ваших когда-нибудь убивали?

– Ваших в смысле из бригады или вообще? Из бригады пока, слава Богу, нет. А так, вообще – конечно. Я точно знаю, по крайней мере, двоих. Одного в электричке хачи порезали, он потом в больнице умер, а второго насмерть забили. Еще ребята говорили, что кого-то после концерта ниггер в метро по шее пролоснул ножом, но я ребят тех не знаю, поэтому точно говорить не буду. В «МК» об этом не напишут, не бойся. А мне рэперы однажды пиздюлей хороших навешали.

– За что?

– За то, что скин, как за что? Ну это когда я еще в технаре учился. Пошли мы на День рождения к девчонке одной из класса, ну, мы потом прогуляться слегка решили с одной девчонкой, рядом с «Кропоткинской» меня и отметили. Менты спасли. Эта девчонка за ними к метро сбегала. Вообще центр – место гнилое.

У «Кропоткинской» тогда парня одного тоже клоуны прессанули, после этого он скином быть перестал.

Инна поцокала языком и погладила его по бритой макушке.

– Да я и не обижаюсь, – Квас дернул головой. – А ля гер ком а ля гер. Я знаю, что до момента, когда Россия будет русской, у нас будут и убитые, и раненые, и в тюрьге кому-то посидеть придется. А как же? Нам, русским, наше русское государство никто с неба на веревке не спустит, пока мы его себе сами не завоем.

Квас откинулся на спину.

– Фу, рука устала... Никогда еще девушек не мучил такими лекциями, но ты уж сама напросилась, так что терпи. Что, в скинах немножко разобралась?

– Ну, в общем, да.

Квас перевел дух, привстал на локте и потянулся через Инну за сигаретами.

– Дай мне тоже одну. Ага, спасибо... Да нет, в чем-то вы правы, конечно. Хачиков-то я сама не выношу.

– Любовь моя, я еще не кончил.

– А ты еще и не начинал.

– Ну, не закончил. Слушай, я тебе еще не надоел?

– Да нет, прикольно...

– Ну а теперь – как я стал брить голову.

Короче, работал я два месяца санитаром в одной больнице, довольно известной. Мое отделение называлось «торакальная хирургия». Короче, грудная клетка там, раненые всякие. Помню, там бандюк один лежал, я не помню фамилии его, бывший пловец. Во шкаф здоровый был, у него жена очень красивая была, Кирой звали. Его потом в Кремлевку перевели... Русские бандюки, конечно, тоже не подарок, но потом там все больше и больше черножопых стало появляться. Вот там я с ними и познакомился, так сказать, близко. Кто бы тебе чего ни говорил, Инна, запомни раз и навсегда – хороших хачей не бы-ва-ет. Хороший хачик – это только дохлый хачик, ну, на крайний случай – тяжело раненный. Менталитет у них такой, все они звери и суки. Все они русских ненавидят и все они, когда их власть, жизнь нашу ни во что не ставят. Ну, слушай, чего там было.

Палата восьмиместная, а там один черножопый лежит, а абреки его сон охраняют. А русские в коридорах лежат, там с капельницей пройти негде. Или лежит русский в боксе после операции, трогать его нельзя, а черные берут его и в коридор вместе с капельницами, как мусор. Повырывают, суки, по дороге половину, а человек умирает. А ведь ему операцию сделали, все, его спасли, у него семья уже все вроде, отволновались, ждут, когда он домой вернется. А тут-оп – и звиздец. И так на моих глазах человек пять погубило, просто так, за здорово живешь.

– А врачи что?

– А так они же за это за все деньги получали. И потом там один врач жид был, рыжий такой, ублюдок, а второй хрен знает кто, но тоже не русский. У тебя боли после операции – к тебе там никто не подойдет, хоть оборись. Черножопые все обезболивающее оптом закупили. Тебе ночью плохо стало – сестра, сука, не подойдет, она всю ночь у черножопого, то мух отгоняет, то хуй сосет, как же, ей в баксах заплатили. Эти суки-врачи, знаешь, какие там бабки делали на внеочередных операциях, жизнь черножопым спасали, за счет русских, понятно. Ты чего, Инна, там такой беспредел был! И решил я мстить. Вот Серега-то, мой лучший друг, он

первый, с кем я объединился для этого. Стали искать, к кому бы приткнуться. И тут-оп-па! – открываю «МК» и читаю, что опять эти мерзкие злые скинхеды отлупили какого-то безобидного кавказца. Ну и там про скинов – что за люди, идеология их там, то се. Ну, все, и тогда я понял, кем я буду по жизни. Хорошо, что я узнал про них, потому что иначе я бы взял нож, пошел бы на улицу и засыпался бы на первом черножопом. Мы с Серегой, конечно, не сразу вышли вот на Роммеля и его команду. Видели и скинов-модников, и скинов-трепачей, и скинов – просто идиотов, особенно почему-то среди фанатов.

– А где вы с ними познакомились?

– С кем, с фанатами?

– Нет, с Роммелем вашим?

– С Роммелем? Ну, это уже года два назад было. Это Серега с ним познакомился, и то не с Роммелем, а сначала с Аяксом. Случайно, на улице. Потом Роммель замутил какой-то погром, позвонил Сереге, Серега мне, мы поехали, поглумились там от души, ну и с тех пор мы вместе. Хочешь, я расскажу про своего первого хача? Но это было еще до Роммеля. Там парень был, Зубы его кликуха, его на даче не было, у него тетка умерла, не смог приехать. Потом я его к Роммелю переташил. Ты знаешь, это сейчас у нас как-то все хорошо организовано, то есть там с разведкой, со всем. А я помню, как мы по молодости работали – это вообще звиздец был. Прямо в метро валили, или соберемся у кого-нибудь во дворе, пивка глотнем, и пошли по улицам – кто под руку попадет. Потом в метро иногда через всю Москву ехали – штаны все в кровище. Я удивляюсь, что вот за год мы не попались ни разу. В лумумбятник ездили – ниггеров валить. Там, знаешь, такой переход есть подземный, он волшебный – в него ниггер спускается, а наверх уже не поднимается. То есть сейчас все понимают, чем каждый такой выход может кончиться, а тогда, по малолетству, вообще безбашенные были – без перчаток работали, одевались, как на парад, там за километр было видно, что кучка скинов идет, девчонки тогда с нами ходили, в одном и том же районе по многу раз работали. Я тебе еще раз говорю: я удивляюсь, как нас не поймали.

Ну так вот, насчет этого хачика. Это были, конечно, не белые шнурки, но помяли мы его классно. Короче, он гнал какую-то бабульку с пучком укропа. Причем грубо так, за шиворот, чуть ли не пинками. Ну и тут мы подходим. Инна, если б ты видела этого уroda! Как он переменялся! Одно удовольствие вспоминать! Голос, тон, посадка головы, выражение лица – типа, это вовсе не он. Смотрела фильм «Брат»? Помнишь, там двое черножопых над контролером глумятся? А потом Бодров с пушкой приходит. Во, тут то же самое. Сразу о матери вспомнил, козел, хотя только что упоминал только «ебанную». Он, мудака, со страху даже забыл, что там рынок в десяти шагах, что он там сотню своих может вызвать.

– А вы чего, об этом не подумали?

– Да я же тебе говорю, что мы тогда безбашенные были. Сейчас мы бы, конечно, так не полезли. У нас сейчас более умело все делается. А тогда – я же тебе говорю – без всякого плана. Идем по улице – навстречу хачик, ну и все, понеслось. Это уже на практике всякие такие тонкости понимаешь – нас же никто этому не учил! Начинили просто с такого идиотизма, что после первого удара по морде хачик вырывался и убегал, а потом патрули на машинах ездили, нас ловили. Потом уже стали всякие тонкости просекать. Например, идет хачик навстречу, налетать должен не первый, а надо пропустить его в середину толпы, чтобы он не вырвался, и валить уже наверняка. Потом попробовали по электричкам работать. Вот там-то я свои первые шнурки и взял. Это зимой было, на Новый год. Первого января, с утра поехали. Классно было – электричка пустая, и ниггер с бабой сидит. Вроде, из ночного клуба какого-то ехали. Чего мы там с ними только не делали! Да, ну про этого хача опять. Вот чего меня там вообще оскорбило, так это то, что этот навоз удивился, что есть еще люди у нас, которые могут вступить за честь женщины. Ну, начали его валить, он, ясное дело, голосить начал (а орут они – бляха-муха! А самые голосистые – это ниггеры); нам пришлось тогда удирать врассыпную, но мы тогда его сделали! – глаза Кваса сверкнули, рука сжалась в кулак и обрушилась на одеяло. – Это был для меня такой же важный день, когда я первый раз трахался, извини за грубость. Только не надо спрашивать, как я первый раз трахался, ладно? Ну и ладушки. Фу-у, давно я так не выговаривался. Давай еще покурим.

Инна поежилась под одеялом. Квас сел и закурил. Она смотрела на него снизу вверх, а он

смотрел сквозь нее, и уголок рта подрагивал. Видно, Квас заново проживал тот день, опять рядом вопили, опять визжали тормоза за спиной, и кто-то орал «Менты!!!», и как кто-то сзади рванул его за шиворот и швырнул на толпу зевак с криком «Уходим!», и как зеваки шарахнулись в сторону, и хачик на асфальте, и как сердце у него самого ухнуло куда-то вниз, и ментовское «А ну стой!» за спиной, и сумасшедшая гонка по дворам, и все то, что творилось в его душе, когда он лежал той ночью без сна. – Ладно, продолжаем. Почему мы против демократии, так потому что это блеф. Я тебе уже говорил, что равноправия быть не может нигде и никогда. Просто демократия – это выдумка жидов, и при демократии идет диктат тех ценностей, которые выгодны жидам. Демократия – это система двойных стандартов. Вот, например, туркам можно гасить курдов, а Саддаму нельзя. Хорватам и албанцам можно, а сербам нельзя. Вот помяни мое слово, янки еще к сербам придерутся и ради «гуманности и прогрессивного мышления» – столько народу перехреначат! При дерьмократии цензура почище, чем при любом диктаторе. Зачем они нам навязывают «общечеловеческие ценности»? На хрена они нам нужны? Почему общечеловеческие ценности должны доминировать над национальными? Национальные интересы направлены на благо конкретной нации на конкретной земле. А общечеловеческие ценности – это абстракция. Нам кивают на «цивилизованные страны», хотят, чтобы мы вошли в их число. А на хера нам их цивилизация нужна? Если цивилизация – это машины и все такое прочее, то мы сами можем делать не хуже, а если цивилизация – это жвачка, поп-корн и марши лидеров по Европе, то, спрашивается, на хрен нам такая цивилизация нужна? И потом – посмотри на Париж, на Лондон, на Берлин – там скоро белых не останется. Париж – это, блин, город мулатов, в Лондоне каждый третий – либо ниггер, либо косой, либо вообще полукровка какая-нибудь. Берлин они тоже окучивают черными. У нас сейчас то же самое. Знаешь, как у нас говорится – была град-Москва белокаменная, а стала черножопая.

– А вы что, хотите от всего мира отгородиться?

– Да... интересный вопрос. Может, на какое-то время. Да, в общем, нет, наверное. Просто у нас должно быть отточено национальное самосознание, чтобы отличать хорошее от дурного.

– Что, опять холодная война будет? Ну, в России вы победите, допустим, выгоните всех хачей, негров...

– ...Жидов, бандюков всех перебьем, пидоров, наркоманов...

– Алкоголиков, курящих, да? И кто же останется? – вновь поддела его Инна.

– Шутишь? Нормальные люди. Ты что, хочешь сказать, у нас говна больше? И потом – для оздоровления нации можно хоть тридцать процентов уничтожить, бабы потом еще нарожают. Лучше при гангрене ногу отрезать, чем потом весь организм загниет. Короче, да, здесь мы победим, наведем порядок...

– А дальше?

– А дальше? С Чечней разберемся. Но не так, как было, а уже раз и навсегда. Это будет уже война не против каких-то там незаконных бандформирований, а война до последнего чечена, потому что весь их народ – это одно большое, блядь, незаконное бандформирование. Во-о-от. Потом, Чухна тоже чего-то хвост задрала. Понимаешь, все эти мелкие государства, они же сами жить не могут, своими силами они не прокормятся. И сейчас они хавают то, что им дают наши враги. А чей хлеб едят, того слушают. Поэтому либо они будут самостоятельными на бумаге, а на самом деле нашими вассалами, либо их вообще не будет. Ну а потом будет повышаться рождаемость, будет проблема перенаселения, будем опять Империю возрождать, будем очищать территории от всяких неполноценных мутантов. И Америка нам не указ – пусть сидят у себя, жрут жвачку и негров своих в жопу целуют. С такой культурой своей пусть на Европу не выебываются!

– А-а, понятно. Опять кровь, война, да? Опять мир пополам поделите... Нам же мало, правда?

– Ну, во-первых, мир и так поделен. А во-вторых, жизнь, любовь моя, это борьба за место под солнцем. Если нация не стремится к доминированию над более слабыми народами, значит она вырождается, и ее сожрут, рано или поздно.

Вам говорят, что мы – Зло, правда? Но ведь Добро и Зло – это понятия чисто субъективные. Некий картавый дядя говорит мне, что убить ниггера – зло. А по-моему – это

добро. Им тут нечего делать. Прав всегда тот, кто победил. Поэтому ссылки на Нюрнбергский трибунал для меня – тьфу, и растереть.

– Это еще почему?

– Чего, не въезжаешь? Не может быть объективным суд, где победитель судит побежденного! Конечно, побежденный окажется во всем виноват, а как же?

Права человека – это дерьмо. Что такое человек и какие у него права – это устанавливает государство, в идеале национальное, исходя из интересов внутренней и внешней политики. Если пидоры – ошибка природы, то как мы их можем уравнивать с остальными? Вот говорят, что пидор – это такой же человек, как и все, только вот пидор. Это так же можно сказать, что ниггер – это такой же человек, как и белый, вот только черный, или Чикатило – такой же, как все, вот только людей на досуге любит потрошить. Природа уже давно определила, что такое добро и что зло. Я даже готов поспорить с определением Добра и Зла. Вообще все понятия: Добро, Зло, Грех – все это абстракции, все это хуйня. Нужно на конкретную ситуацию смотреть и на конкретное действие. Надо вообще чаще иногда слушать инстинкты, а не разум. Герой – это не объяснить с позиций еврейского материализма, а без Героев любая нация загниет. Сейчас прочитаю тебе отрывок из Лермонтова, я помню его наизусть:

Бывают люди: чувства им – страданья,
Причуда злой судьбы – их бытие.
Чтоб самовластье показать свое,
Она порой кидает их меж нами...

...И детям рока места в мире нет,
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут – и сгладится их след,
Как в темной туче след стрелы громовой...

Ну, черт, забыл... Сейчас, погоди... Помнил же, е мое... А, вот – самое главное:

Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому,
Что в море бед, как вихри их не носят,
Они пособий от рабов не просят,
Хотят их превзойти в Добре и Зле,
И власти знак на гордом их челе.

Вот так вот, Инна. Я считаю – не существует Добра и Зла. Существует Борьба. Ты просто должен выбрать сторону и отдаться ей до конца. Найти свою команду и слиться с ней. Вот и все. Просто, правда?

– Мда-а... А вот Чикатило считает, что он добро, очищает мир от слишком доверчивых людей.

– А я, Инна, не отказываю ему в этом праве – иметь свое собственное понятие, что такое Добро. Но для нас Добро – здоровое общество, а что в понятие «здоровое общество» не вписывается, то должно быть уничтожено. Чикатило явно в это понятие не вписывается. Просто если сильнее мы, мы будем ему навязывать свое понятие о Добре, а согласен он или нет – наорать на это. Для нас Добро – когда он мертв. Но вот до этого, в темном переулке, он сильнее, и он навязывает какой-нибудь бедолаге свое понятие о Добре – Добро, по его мнению, это разделить ее, как Бог черепаху. Все упирается в вопрос, кто сильнее.

– А ты смотрел фильм «Обыкновенный фашизм»?

– А то нет? Каждое девятое мая крутят, заебали уже. А ты к чему?

– А к тому, что помнишь, там показывают фашиста, который снялся на фоне повешенной девушки. И это что, Добро или Зло?

– Ни то, ни другое. Это просто психика. Немец снялся на фоне повешенной девушки, наши в Германии расстреливали семьи, в домах которых на темных обоях были светлые пятна

от снятых портретов. Это просто война, Инна. И подходить к поступкам людей на войне с мерками мирного времени – это вообще глупо. Конечно, сидит какая-нибудь рожа в теплой квартире перед телевизором и говорит: «Ну, Буданов это... того, переборщил!»

Просто психика от этого меняется. У меня знакомый в Чечне воевал, и он говорит, что там он делал такие вещи, которые до армии даже с крысой ни за что не проделал бы, а не то что с людьми. Он, например, считает, что война – это кайф, только до состояния, когда ты от войны начнешь тащиться, еще дожить надо. Ты вот сказала, белые шнурки, белые шнурки, мы должны измениться от всего этого. А ни хрена! Вот этот Сашка, который в Чечне воевал. Прикинь, он всю Чечню прошел, от звонка до звонка. Ты можешь себе это представить, что это такое, всю Чечню пройти? Он там столько народу угондошил, что нам и не снилось! А ты бы никогда по нему бы не сказала, что он воевал. Спокойный такой парень, дружелюбный. Самому надо от сердца осознавать, что ты прав, тогда делай, чего хочешь, и никаких угрызений совести.

Насчет команды. Смысл такой – никто индивидуально не протянет, каждый от рождения принадлежит к нации и духовно с ней связан. Когда нация сформирована, это предпосылки для создания государства, то есть института для защиты и приумножения нации. Я могу сказать, что я – русский сепаратист, я хочу жить в русском государстве, с русским телевидением, чтобы государство представляло конкретно русские интересы, а на абстрактный многонациональный народ мне на-срать. Многонациональное государство сто пудов рано или поздно загнивать начнет. Ну сама на нашу Федерацию посмотри – одно дерьмо.

– Мить, а ты сам, лично, читал «Mein Kampf»?

– Конечно, куда же я без «Mein Kampf»! Знаешь, Инна, «Моя борьба» – это великая книга! На самом деле, без шуток. Когда я ее прочитал, тут-то я и понял, почему «Mein Kampf» запрещают, не обсуждая. Нет бы, собрать дискуссию в прямом эфире, собрать сторонников, противников, разложить идеи Фюрера по полочкам и объявить на всю страну – вот, мы, типа, всем наглядно, на первоисточниках доказали, что Гитлер – параноик, а «Mein Kampf» – бред сивой кобылы. Вот смотрела «Акуна Матату «тут? Сидит урод какой-то, помесь чучмека с хрен знает чем, и вещает, что земли России надо распродать, и карту России по кусочкам режет ножницами. И идет цивилизная дискуссия в прямом эфире на тему «Надо ли Россию по кусочкам распродавать или нет?», сторонники выступают, противники, ведущий итоги подводит. Итог – в демократическом государстве даже такие нелепые точки зрения имеют право на существование. Это обсуждают, а как только до «Mein Kampf» добираются, сразу один аргумент – это, мол, человеконенавистническая книга. И все, проблема снята. «Моя борьба» тем и опасна, потому что лучше, чем там, о том, что происходило и происходит с Россией, ну сто лет будешь писать, не напишешь.

Квас подошел к полке, снял пухлый черный том с золотым тиснением, вернулся и уселся по-турецки на кровать, в ногах.

– Во, блин, опять как «Ромпер Стомпер», помнишь? Там тоже кекс один девушке «Мою борьбу» читает.

Квас показал ей книгу.

– А ты должна спросить: «Это про войну?»

– Это про войну?

– Нет. Это своего рода биография Фюрера. Его взгляд на мир. Эта книга – о борьбе молодежи с врагами белой расы. Если не знаешь, кто твой враг – не можешь его победить... Сейчас, зачту тебе чего-нибудь. А, вот это место мне очень нравится. Это Фюрер описывает свои впечатления о революции в Германии. Послушай:

«...Теперь он должен нам сообщить, что войну мы вынуждены кончать, что мы потерпели окончательное поражение, что Отечество наше вынуждено сдаться на милость победителей, что результат перемирия целиком будет зависеть от великодушия наших бывших противников, что мир не может быть иным, как очень тяжелым, и что, стало быть, и после заключения мира дорогому Отечеству придется пройти через ряд самых тяжелых испытаний. Тут я не выдержал. Я не мог оставаться в зале собрания ни одной минуты больше. В глазах опять потемнело, и я только ошупью смог пробраться в спальню и бросился на постель. Голова горела в огне. Я зарылся с головою в подушки и одеяла.

Со дня смерти моей матери я не плакал до сих пор ни разу. В дни моей юности, когда

судьба была ко мне особо немилостива, это только закаляло меня... в последние дни моего прибывания на фронте стойкость не покидала меня. Когда газом выело мои глаза, и сначала можно было подумать, что я ослеп навеки, я на одно мгновение пал духом. Но в это время некий возмущенный голос прогремел в мои уши: "Несчастный трус, ты, кажется, собираешься плакать, разве не знаешь ты, что судьба сотен и сотен тысяч немецких солдат была еще хуже твоей!" Это был голос моей совести. Я подчинился неизбежному и с тупой покорностью нес свою судьбу. Но теперь я не мог больше, я – заплакал! Теперь всякое личное горе отступило на задний план перед великим горем нашего Отечества...»

Квас перевел дух. Инна молча курила, глядя вверх. Квас с выражением продолжил:

«Итак, все было напрасно. Напрасны были все жертвы и все лишения. Напрасно терпели мы голод и жажду в течение бесконечно долгих месяцев. Напрасно лежали мы, испытывая замирание сердца, ночами в окопах подогнем неприятеля, выполняя свой тяжкий долг. Напрасна была гибель двух миллионов наших братьев на фронте. Не разверзнутся ли теперь братские могилы, где похоронены те, кто шел на верную смерть в убеждении, что отдает свою жизнь за дело родной страны? Не восстанут ли от вечного сна мертвецы, чтобы грозно призвать к ответу Родину, которая теперь так горько над ними надсмеялась? За это ли умирали массами немецкие солдаты в августе и сентябре 1914 года, за это ли пошли вслед за ними в огонь полки немецких добровольцев осенью того же года, за это ли легли семнадцатилетние юноши на полях Фландрии, за это ли страдали немецкие матери, когда они отрывали от сердца своих дорогих сыновей и посылали их на фронт, откуда они уже не вернулись?! Для того ли приносились все эти неисчислимые жертвы, чтобы теперь кучка жалких преступников могла посягнуть на судьбы нашей страны?!» – Здорово, правда? А вот тоже: «...Всеми силами евреи стараются разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении другим народам. Разве не евреи напустили к берегам Москвы-реки, Волги, Невы негров и кавказцев все с той же задней мыслью и с той же подлой целью – через кровосмешение нанести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и общекультурной высоты, а затем самим усесться на ее спине...» В оригинале, конечно, были берега Рейна» и кавказцев не было, но от этого смысл не меняется, правда, Инна? А вот точь-в-точь о революции семнадцатого года:

«...Те народы, которые обнаруживают слишком сильное сопротивление, евреи окружают густою сетью врагов, затем ввергают их в войну, а когда война началась, они водружают знамя революции уже на самих фронтах...» А вот вообще точная картина современной России: «В экономическом отношении евреи вредят государству... пока государственные предприятия становятся нерентабельными, денационализируются, а затем переходят под еврейский финансовый контроль...»

Вот опять как бы про Российскую империю:

«В политическом отношении еврей бьет целые государства тем, что лишает их нужных средств, разрушает все основы национальной защиты, уничтожает веру в государственное руководство, начинает позорить всю историю данного государства и забрасывает грязью все великое и значительное...»

По поводу того, что сейчас у нас творится:

«В культурном отношении евреи... вносят разложение в сферу искусства, литературы, театра, извращают здоровые вкусы, разрушают все правильные понятия о красивом, возвышенном, благородном и хорошем... насмеваются над религией... подтачивают всякую нравственность и мораль, объявляя все это отжившим...»

Что, он, неправ, что ли? Нет, ну читать отрывками «Mein Kampf», это, конечно, извращение, это надо читать целиком и не торопясь. Вот тебе на сладкое:

«...Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили тридцать миллионов человек... – и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом небольшой кучи еврейских литераторов и биржевых бандитов...»

И вот:

«...В сущности... наша... общественная жизнь является сплошным рассадником половых соблазнов и раздражений. Присмотритесь только к программе наших кино, варьете и театров, и вы не сможете отрицать, что это далеко не та пища, в которой нуждается наше юношество. Афиши и плакаты прибегают к самым низменным способам возбуждения любопытства толпы... Все это должно причинять громадный моральный ущерб молодежи. Результаты такого «воспитания» приходится видеть теперь, увы, на каждом шагу. Наша молодежь созревает слишком рано и поэтому старится преждевременно. В залах судов вы можете частенько слышать ужасающие вещи, дающие ясное представление о том, как неприглядна жизнь многих наших четырнадцати-пятнадцати летних юношей...»

Ну все, Инн, хватит. Я тебе могу навскидку цитировать, и все будет попадать в яблочко.

– А твой дедушка воевал?

– А, вот мы и к ВОВе подошли. Дед-то мой? А как же? С первого дня, пехотным капитаном. В сорок третьем его контузило, и потом он всю жизнь мучился, пока не умер в девяностом. Мать рассказывала, что когда у него приступы начинались, он ластик в зубах зажимал, чтобы домашних стопами не беспокоить.

– Вон он бы на тебя посмотрел...

– Инна, это я уже сто раз слышал, так что чего-нибудь пооригинальней. Да, ты права. Вот только больше всего он бы порадовался, наблюдая, во что страну превратили, за которую он худо ли, хорошо ли, но полжизни отвоевал.

– Полжизни?

– А как же? Он у меня с десятого года. Вот и считай – воевать начал с Халкин-гола, потом – Финская война. Потом – Великая Отечественная. Три года на передовой. А потом с последствиями ранения и контузии воевал всю жизнь. Мать рассказывала – это вообще пиздец, чего он испытал. Прожил восемьдесят лет – из них только двадцать девять лет нормальных. Хотя, как сказать: с семнадцатого года до тридцать девятого – тоже время не сахар. Мотался по гарнизонам по Дальнему Востоку. Вот биография, да? А мы бы с ним нашли общий язык, я его, правда, не очень хорошо помню. Не ценил я тогда, что у меня дед жив. А бабы – мать моя да тетка – они же ни хрена не знали, где служил и все такое.

Ладно, это было лирическое отступление. Слушай дальше. Что демократия, что марксизм – порождение жидов. И две этих системы, несмотря на якобы «смертельную вражду», быстренько спелись, чтобы затравить здоровую идеологию Германии. Вот ты представь, есть у тебя смертельный враг, и вдруг появляется другой враг. Ты что, побежишь мириться с первым, чтобы вместе одолеть нового? Мы что, объединимся с рэперами, чтобы долбить хачей? Или наоборот? Да никогда. А вот если враг угрожает вам обоим, то тут вы подумаете, правильно? Примерно так наши объединились с конями против спартачей. По отдельности махать – спар-тачей все равно больше. Но ведь все равно легкая неприязнь осталась. Объединяются с тем, с кем у тебя больше общего, правильно?

Так что Советский Союз воевал за интересы Америки, точнее, за интересы жидов. Любая Европейская война разжигалась в Америке, как Первая, так и Вторая мировая. У нас чего было? Когда воевали с японцами, жидам эта победа была не нужна, и они радовались, когда мы просрали, а с четырнадцатого года вдруг сами все заделались патриотами. Но это в тылу. А на фронте начали разлагать армию. Разложили. Как правильно написал Фюрер, «...водрузили знамя революции на фронтах». После революции семнадцатого года жида истребляли все русское – начиная от церквей, заканчивая именами – Владлены, Ленжи всякие. Крепких крестьян – истребили. Казаков – истребили. Держинский говорил: «Я с детства мечтал о шапке-невидимке, чтобы истреблять москалей». А Ленин говорил: «А на Россию, господи-хорошие, нам наплевать...» Троцкий нас в белых негров хотел превратить. Какие первые законы Ленина? Свободу пидорам и расстрел за «великорусский шовинизм». А когда жидам приперло, когда понадобилось Ваню-дурачка вместо себя под танки погнать, вот тогда оперативно вспомнили про русский патриотизм, про погоны вспомнили. И ордена Сталин ввел Кутузова да Суворова, не Сруля Абрамовича же... Жида в России всегда про патриотизм вспоминают, когда Ванечку нужно на войну послать, чтоб он там свою буйную головушку под пули подставлял за чужие интересы. А когда Ванечка за свои интересы хочет повоевать, тут же вспоминают о «правах человека», о «мирном урегулировании», о «конструктивном диалоге».

Хорошо. Выгорело у жидов и на этот раз. Задавили Германию. Нашим же, русским мясом задавили. И что? Вот, цитатка одна. Пишет Леон Дегрель, глава бельгийских рексистов.

– Кого?

– Рексистов. Партия такая нацистская. «Проиграв эту войну, потеряли шанс своего великого будущего не только Германия, но и вся Европа, весь мир. Посмотрите, какой мир построили сегодня победители, его (ну, в смысле Гитлера) враги. Царство денег, насилия, смещения, вырождения, низменных, недочеловеческих инстинктов. Все кругом продажно, низко и материально... Мы сражались за нечто Великое. И, вы знаете, духовно мы не проиграли... У них нет одного – Веры. Она есть только у нас. Это была война против двух типов материализма – капиталистического и марксистского... они могут отнять у нас нашу жизнь. Нашей веры у нас они не отнимут».

– Да, но почему тогда наши не пошли за Гитлера воевать?

– У-у, еще как пошли! РОА, СС «Варяг», Казачий корпус СС генерала Краснова, дивизия СС Каминского. Русских было столько, что их пихали даже в «Валони», «Викинг», «Шарлемань». В Вермахте с самого начала войны было такое понятие – «хиви». Ну, вроде «добровольно помогающий». Так назывались советские военнопленные, которые, попав в плен, тут же получали оружие и воевали против жидов. Была дивизия СС «Руссланд», батальон СС спецназ «Полицай». Была украинская дивизия СС – «Галичина». Русские воевали во Франции, в Югославии против жида Тито, вместе с четниками генерала Михайловича, если я фамилию не путаю, на Курской дуге были русские, восстание в Варшаве давили почти одни русские – генерал Каминский. Русские эсэсовцы дрались даже после капитуляции, это документально подтверждено. Что ты, милая, наших до черта дралось за Гитлера! Дегрель еще где-то писал, я сейчас точно не помню, но смысл такой: воюя в России, он полюбил Россию, увидел, что нас тоже скрутили жида, и сказал, что если знамя этой борьбы опять поднимется где-либо, то это будет только в России. Вот, Инна, тебе моя лекция. Сама напросилась – на то и напоролась. Если загрузил выше крыши, то извини.

Квас резко встал и надел джинсы. Потом посмотрел на часы, присвистнул, покопался на полке с кассетами и достал одну:

– Держи. Дарю. Франк Ренике и там еще несколько классных маршей дописано.

– Спасибо. Нет, Митька, погрузил ты меня хорошо, но скучно не было, честно.

– Интересно, куда мои предки провалились... Ладно, пойдем чай пить, а то я чего-то перебазарил, аж в горле спеклось.

Они пошли пить чай.

ГЛАВА 7

В типографии, где работал Квас, летел срочный заказ на какие-то дурацкие рекламные папки для Lucky Strike, и довольно часто ему приходилось работать в ночные смены. А тут он работал в четверг днем, да еще его оставили на ночь, ламинировать обложки к этим тупым папкам. Обложек было много, приближалось время сдачи заказа, начальник с утра сказал Квасу: «Не погуби!» – и он работал вместе с дневной сменой еще часов до одиннадцати. Излишне говорить, в каком состоянии он ехал домой, и когда Квас беспокойно дремал в метро, ему снилось, как он приедет домой и будет спать, и спать, и еще раз спать.

Квас приехал, зевая так, что мог бы разом проглотить не самую мелкую дыньку, но мама распорядилась по-своему – сегодня-де единственный день, когда можно им вдвоем кошку отвезти в ветеринарку. Все понятно, что Квас устал, но ничего не поделаешь – они записаны на три часа, и придется ему через себя перешагнуть.

Квас мрачно посмотрел на кошку, раскинувшуюся на полочке для шапок над вешалкой. Там специально для нее была уложена черная кроличья ушанка, в которой Квас, будучи второклашкой, в свое время вприпрыжку несся по утрам в школу, дожевывая утренний бутерброд. Теперь кошклина черная голова сливалась с ушанкой, торчала только кошклина лапа с белой перчаточкой. Лиска была интересной кошкой – она не мяукала, как домашние Мурки, а только выла и повизгивала. Выла она по любому случаю – кто-то громко хлопнул дверью – воет, ворочает ключом в замке отец, хорошо погулявший на дне рождения начальника, – воет,

брехает полоумный соседский пудель – усядется напротив двери и воет. И шла она не так, как ходят домашние кошки – лапами тля-ляп и вихляя задом, а шагала, как маленький черно-белый тигр – след в след, низко опустив треугольную морду, глядя перед собой, так что все домашние сторонились. Чувствовалось, что идет не домашняя размазня, а маленький, но все же хищник. Но Лиска просто так не задирала людишек, так только, иногда, чтобы не забывали, кто в доме хозяин. Когда Квас устраивал с ней спарринги, она дралась лапами, не выпуская когтей, и смачные шлепки, и воинственные кошачьи вопли разносились по всей квартире.

Оказалась Лиска в доме случайно – тогда Квас еще заканчивал мучиться в девятом классе, ходил на подготовительные курсы в свой будущий технарь, никаким нацистом еще не был, а до работы санитаром оставался еще почти год и три месяца. Он просто случайно зашел к школьному приятелю, у которого не был уже сто лет, и обнаружил у него целый выводок молоденьких котят. Вволю навозившись с ними, Квас, тогда еще просто Димон, узнал, что всех их должно постичь полное утонутье. – Что вы, охренели? – возмутился тогда Димка. – Куда их топить, вон они уже какие здоровые!

– А чего делать? – спросил приятель. – Это все знакомые всякие, дебилы: «Ах, какие котятки, ах какие лапочки! Вы их не топите, мы их возьмем!» – передразнил приятель. – Как же, взяли! Если хочешь, Димон, бери кого-нибудь. Мне самому запахло их топить. Я уж ходил, предлагал к универмагу, не, никто не взял. А мои – ты же знаешь их. Отец говорит: «Я, мол, всегда был против зверья в доме. Я, – говорит, – кошку не заводил, и для полного счастья мне еще не хватало ее приплод топить!» А мать: «Что вы, у меня рука не поднимется! Я потом и спать не смогу». Ну а я же стрелочник по жизни! Очень мне приятно их топить – всю жизнь мечтал! Давай, Димон, выбирай, смотри, какие классные!

– А за сколько отдашь?

– Да ты охуел, Димон! Какие деньги – мы же друзья! Я тебе еще приплачу, если ты их мне затопить поможешь! – в шутку добавил друг.

– А-а, щас! Давай лучше я подарю тебе губозакаточную машинку... Тоже, кстати, всю жизнь мечтал котят топить. Знаешь, мы друзья, если на школьной дискотеке опять эти мудаки из десятого класса из-за Машки до тебя докопаются, будем вдвоем с ними махать, но уж котят этих ты топи сам. Выручу тебя, возьму одного, хотя мне мои за это голову снимут.

Квас долго выбирал себе котенка. Потом, порывшись в карманах, достал и подал приятелю монетку – «на счастье, чтоб кошка здоровая была». Димка выбрал себе резвую кошечку с маленькими кисточками на ушах и, спрятав ее от порывистого мартовского ветра на груди под курткой, притащил это сокровище домой.

Скоро пришла мать с работы – и начался скандал. Димка уже тогда с успехом использовал тактику уступок и компромиссов в конфликте отцов (матерей) и детей, но тут уперся как баран. Назад нести – друга подставить, раз взял, значит взял, за слова отвечать надо, не мальчик уже. Выгонять же кошку на улицу он отказался наотрез.

– Тебе, мам, надо – ты и топи! (Димка прекрасно знал, что мать в жизни не решится топить эту кошку, тем более та уже ластилась к ней, а мать машинально почесывала ей за ухом.) А на улицу ее гнать – только через мой труп.

Когда пришел отец, мать побежала к нему за помощью. Но отец пришел злой – фирма, торгующая всем чем угодно, где отец работал, потихоньку шла ко дну. Так что, что его сейчас волновало меньше всего – так это какая-то мелкая кошка, которая от греха подальше уползла куда-то под диван.

– Бегает, и черт с ней... – хмуро сказал отец. Кошка осталась.

Дальше начался цирк. Хотя кошка уже постарела, чтобы ее топить, но она еще не настолько подросла, чтобы самостоятельно лакать из миски. Пить она не умела. Димка с отцом, убегая кто в школу, кто на работу, по-мужски не вникая во все эти бабьи тонкости, просто тыкали ее по утрам мордой в плоску с теплым молоком. Некоторое время кошка питалась только тем, что ей удавалось слизать с собственных усов. Обман обнаружила мать, обратив внимание, что у кошки совсем уж какие-то шальные глаза. Мать прошла по поводу бесчувственности мужиков, доведших кошку до такого состояния, потом взяла пустой пузырек из-под альбуцида, налила туда теплого молока и натянула соску с дырочкой. Первый сеанс кормления прошел на ура – оголодавшая Лиска чуть не заглотала вместе с молоком пузырек и

соску, активно помогая себе лапами. Скоро Лиска стала общей любимицей. Была она на попечении Кваса, именно поэтому очень хорошо понимала его выражения и почти не понимала, когда к ней обращается мать.

А теперь вот сонный Квас должен тащить ее в ветеринарку, потому что одна мама не осилит откормленную кошку.

– А где ветеринарка-то находится? – поинтересовался Квас.

– Где-то на Таганской, а там еще на автобусе.

– А-а, я так и думал. А чего на Красносельскую-то не везем?

– Да там богадельня какая-то. Посмотри, Мить, в ванной, там сумка такая большая, коричневая, высохла она или нет.

Ворча, что будь его воля, он бы повез кошку в авоське, обмотав лапы изолентой, Квас потащился в ванную.

– Перестань, Мить! – сказала мать. – Как можно такое говорить даже в шутку! Я понимаю, ты устал, но ведь это же наша киска, на улицу же ее не выбросишь. Сам же ее принес!

– Еще, небось, денег за нее платить! – донесся безжалостный голос Кваса из ванной. – Придется ей, мам, рацион урезать.

– Это мы еще посмотрим! Скорей вам с папашей курить меньше придется...

– У, черт!!! – вдруг заорал Квас. Кошка все просекла и мимо него молнией метнулась под ванну. Он встал на корточках.

– У, рожка! Ну-ка вылезай оттуда! – Квас заглянул под ванну. – Ах ты, жертва аборта!

В темноте слабо вырисовывались контуры лунопо-добной кошковой морды и невозмутимо посверкивали глаза. Нет, выходить она не хотела.

– А ну, продукт семитских связей, давай, вылезай, пока ты меня не разозлила!

«Продуктом семитских связей» Квас обзывал Лиску за черный, как деготь, нос, хотя все утверждали, что черный нос у кошек – признак какой-никакой, а все-таки породы. Мать этим прозвищем всегда была недовольна: «Лиска, не слушай его! У него с головой не все в порядке! Митя, хватит кошке гадости говорить!»

Пришла мать и стала трясти пакетом с сухим кормом. Нет, Лиска на такую дешевку не покупалась. Квас потерял терпение, просунул руки под ванную и потащил кошку на свет Божий. Раздалось шипение – Лиса оказала сопротивление. Квас обзывал ее «ходячим извращением», «жабой» и «чувырлой», но первый раунд закончился в пользу кошки. Она забилась в труднодоступный угол под ванной и изготовилась к обороне. Вторая попытка стоила Квасу царапины на двух пальцах. Пришлось ему идти за перчатками, по пути суля кошке согнуть ее в бараний рог.

– Хватит, Мить, прекрати! Она же кошка. Ты вспомни, как ты орал, когда у тебя ухо заболело. Всех соседей перебудил. Не стыдно? Лаской с кошкой надо!

– Так я маленький тогда был!!! Ну ладно, ты давай с ней лаской, а я спать пошел. Когда она выйдет, разбудишь.

Нет, маму такой расклад не устраивал. Ей еще надо было привести себя в порядок перед походом в гости, и пришлось согласиться на применение силы. Квас выволок кошку из-под ванны, которая, понятно, собрала там всю пыль и грязь, и засунул в сумку. Мать замешкалась с молнией и кошка с воплем рванулась наружу. Секунду Лискина голова, сверкая бешеными глазами, торчала из сумки, потом Квас со словами «Цурюк!» неделикатно запихнул ее обратно.

Странно, но кошка вела себя в сумке спокойнее, чем они думали. Подвывала и ворочалась, это было, но не психовала. Из-за либеральности матери – «пусть голову высунет, ей же интересно, пусть лапки высунет т. д.» Лиска два раза чуть не вырвалась в метро и один раз в автобусе.

В автобусе, быстро заполнившемся, Квас сел сдуру на сиденье под окошком кабины шофера. Он быстро об этом пожалел, потому что вместо того, чтобы следить за матерью и кошкой, только тем и занимался, что передавал деньги за талончики.

Ветеринарку они нашли с трудом – вокруг одинокой остановки – все заборы, заборы заборы. В ветеринарке Лиска устроила форменный погром. Ей драили уши. Квас, его мать, доктор и сестра держали ее на столе, уворачиваясь от лап, мелькавших, как жернова мельниц. Время от времени она цепляла кого-то когтями – и все начиналось сначала. Квасу, как

сильному и высокому парню, поручили держать кошкины задние лапы, пока доктор занимался ушами. Квасу и перепадало больше всех. Лиска работала задними лапами, как кенгуру.

Нескоро, но доктор отпустил кошку и пошел к микроскопу. Лиска сидела на столе, как маленький черно-белый гладиатор, и дышала тяжело, как собака. Квас, сестричка и мать, помятые в свалке, дышали не менее тяжело.

– Давно нам такая не попадалась, – вздохнула сестра, осматривая запястье. Кошка дорвалась-таки до ее нежной ручки своими зубками.

– Да, она у нас такая девушка!

Квас тайком от дам показал Лиске кулак.

– Ну и силищи у нее!

– Ну что, – подал голос доктор, отрываясь от микроскопа. – Гнойный отит у нее, запущенный.

– А клещей у нее нету? – спросила мать. – А то мы ее от клещей лечили.

– А кто вам сказал, что у нее клещи?

Мать замаялась. «Сама решила» – так ответить она не решилась. Доктор и так все понял. Он поиграл глазами, давая понять, что медицина думает о таких хозяевах, вздохнул и стал писать рецепт.

Обратная дорога прошла спокойно. Кошка была в таком ступоре, что молчала всю дорогу, даже в сумке не ворочалась. В людском водовороте кто-то задел сумку с кошкой – и Квас тут же полез «в бутылку». Если бы не вмешательство матери, то обмен ругательными эпитетами непременно закончился бы зуботычинами. Квас считал, когда дело не касалось военных действий, что мордобой – последний аргумент, но начав, просто так уже не останавливался. Мать достала из сумочки голубую каску и прекратила конфликт.

– Ты что, Мить, – выговаривала она ему по дороге, – совсем осатанел? Ты что, так же нельзя! Он случайно задел, вон людей сколько!

– Да я за Лиску... Тем более он не русский, скорей всего...

– Ну ты совсем... Как только связался с этими...

– Ладно, мам, все, хватит. Дай лучше рецепт посмотреть.

– В метро посмотришь. Ты понял, как порошок засыпать?

– Да вроде, а чего там...

– Я вот все думаю, чего бы нам приспособить для этого?

Беседуя таким манером, они все втроем доехали до дома. Лиска тут же от нервных переживаний завалилась спать, а Квас уселся смотреть телевизор. Лиска даже во сне не могла успокоиться – шумно дышала, топорщила усы и махала лапой. Видно, все еще воевала с доктором и сестричкой.

– Когда через две недели поедем опять, нужно девочке шоколадку отвезти.

– Отвезем, мам, обязательно отвезем. Десять шоколадок отвезем. Дай посмотреть, ладно?

– Ладно, ладно. Все, я в ванну ушла.

Квас еще пощелкал пультом, ничего ценного не обнаружил и пошел спать. Мать уехала в гости. Два раза настойчиво звонил телефон, но Квас спал. Наконец его разбудил телефонный звонок где-то в полшестого. Квас послушал пять минут и, ругаясь на чем свет стоит, поплелся в ванную. Это был его босс, и в восемь часов Квас был уже на работе.

– Здорово, Димка, – пожимая руку, приветствовал его еще один «ночник», Игорь. – Давай быстрее. Дневная смена вафли пинала весь день, что ли? Второй ламинатор наконец-таки починили. Смотри, а всю эту кучу нам надо заламинировать, а потом на вырубку тащить. Степаных хотел еще до Олежки дозвониться, да того дома чего-то нет.

– Да уж... – присвистнул Квас. – Чего, дополнительный тираж, что ли? Вроде за эту неделю мы ж до хрена перелопатили. А большая работа с чего начинается?

– С перекура. Ладно, пойдем перекурим – и поехали.

– Магнитофон опять куда-то уперли, – проворчал Квас, закуривая прямо в цеху.

– Да он на резке стоит. Ты принес, чего обещал?

– Принес, – Квас выложил на стол две красных кассеты с надписью «Skineads united».

– Отлично, послушаем, чего это такое. Ладно, пошли курить.

И они пошли курить.

* * *

Однажды поздним вечером компания в очередной раз собралась у Молодого. В его логово принесли две двухлитровые бомбы кваса из моченых яблок и большую коробку курабье. Хозяин встретил бригаду на пороге в потертых камуфляжных штанах с офицерским ремнем и в майке.

В комнате Молодой поставил две жестяные пепельницы, на столе стояло блюдо с хлебом и тарелка с ливерной колбасой, пиво.

– Чего-то вы, мужики, задержались. А это чего за штука?

– Квас и печенье. Скоро там начинается?

– Через час. Давайте я квас пока в холодильник кину. Молодой с квасом пошел на кухню.

Роммель, Квас, Аякс, Повар, Башня, Боксер и Морковка расселись в комнате.

– Молодой! – заорал Серега. – Можно, я твой комп помучаю?

– Давай.

Квас сел на стол, кинул два кружка колбасы на кусок хлеба и стал наблюдать за серегиной войной. Бабса, Роммеля и Боксера Молодой увел на кухню пить кофе. Аякс уселся перед телевизором. Повар, Башня и Морковка разглядывали на диване «Folkischer Beobachter». Час пролетел незаметно.

– Начи... – громко начал Аякс от телевизора. На него цыкнули.

– Мужики, начинается! – громким шепотом объявил Аякс. Все бросились к телевизору. Прибежали ребята с кухни.

– Погромче сделайте, – сказал Молодой. – Эй, – ткнул он Серегу, – компьютер выключи!

– Квас тащи! – огрызнулся Серега, выключая компьютер.

– Вон стоит!

Остается сказать, что компания собралась на коллективный просмотр очередной «Акуна Мататы». Молодой говорил, что тема будет – расизм.

Парень, который в передаче защищал расизм, их разочаровал – слишком был беззубый. Все были уверены, как водится, что уж они-то показали всем кузькину мать. Рассказывают, даже пионер Сова пытался однажды агитировать в отделении милиции, когда его туда привезли за чересчур явную демонстрацию нацистской символики. Сова рассказывал, что он попал к молоденькой девушке, инспекторше по делам несовершеннолетних. Диалог, по словам Совы, произошел следующий:

– Среди негров тоже есть очень талантливые ученые!

– Назовите хоть одного!

– Ну вот, например... Э-э-э... ну... э-э... а зато мулаты очень красивые!

– Да пусть они хоть золотом срут, – победно провозгласил Сова. – Но только Россия – северная страна, и тут мулатам не место. Тут бананы не растут!

Роммель осудил тогда Сову, потому что грубость – не аргумент.

– А в остальном, – добавил он, – все правильно, молодец...

– Почему они, гады, сюда скинов не позвали!

– Тут знаешь, как в «МК». Дейч ругает то, что есть, а Карамьян пишет о том, что ему хотелось бы видеть. Знаешь, жидам ведь все хочется, чтобы против нас кто-то объединялся, все им мерещатся всякие Интернационалы в лумумбятнике, «Стальные кулаки», всякий бред...

– Хорошую аудиторию подобрали, ничего не скажешь! Эта черномазая говорит, что русские – лентяи, а эти хлопают!

– Ну а чего ты хочешь-то! С Манежной площади, небось, набирают всякое говно!

– А помните, на концерте кекс один из РНСС рассказывал: раздают они, короче, листовки, дали тетке одной. Она им говорит: «А-а, фашисты! Почему у вас свастика, это же ужасно! Все надо добром решать, без насилия! Единственное, в чем я с вами согласна, – говорит она, – так что это всех жидов надо в одну кучу свалить, селитрой облепить и поджечь». Вот такая добрая тетя!

Посмеялись.

– Если бы я был президентом, – заявил Квас, – я бы покончил с таким позорным явлением,

как антисемитизм в сорок восемь часов.

– Это как?

– Элементарно, Уотсон! Надо построить цепь простых логических выводов. Антисемитизм всегда появляется там, где некоторое время проживают евреи и коренные жители имеют возможность налюбоваться на их повадки. Отсюда можно сделать вывод, – Квас чуть повысил голос и поднял палец, – что эффективно бороться с антисемитизмом можно только одним способом – посредством удаления евреев с данной территории. И я полностью согласен с господином Прошечкиным, что антисемитизм – это, несомненно, ужасное явление в российском обществе. И я согласен бороться с ним не покладая рук. Наша борьба закончится только тогда, когда из России будет удален последний возбудитель антисемитизма. И даже по секрету вам скажу, и которые возбудители антисемитизма только по матери, мы их все равно удалять будем, и которые по отцу – тоже тут не слишком долго задержатся! Россияне еврейской национальности! Всемерно поддерживайте борьбу с антисемитизмом! Пакуйте ваши чемоданишки, узелочки, баульчики и готовьтесь отбыть на историческую родину при первой же возможности! Но! – Квас поднял палец. – Некоторые господа себя вели в России так, что даже после их отбытия в сердцах многих честных граждан могут остаться искры антисемитизма. Поэтому даже если мы проявим преступную халатность и им удастся ускользнуть из России, то тогда нам придется бороться с возбудителями антисемитизма уже за пределами нашей очищенной от возбудителей антисемитизма Родины. А вообще, мой идеал – загнать всех возбудителей антисемитизма и возбудителей расизма, а также возбудителей гомофобии куда-нибудь в Антарктиду, и пусть они там друг с другом воюют за жизненное пространство!

– Знаете, что такое интернационализм по-фанатски? Это когда спартачи, динамики, кони, паровозы, торпе-досы, Невский фронт, Stalingrad Ultras, забыв все разногласия и конфликты, все вместе, плечом к плечу, идут резать хачей.

– Давайте-ка споем... тихо споем, – понизил Квас, увидев жест Молодого, – наш гимн. Гимн борцов с возбудителями антисемитизма. Три-четыре!

Хава-а Нагила
 Всем жи-и-дам могила!!!

Молодой громким свистящим шепотом запел свое (на мотив «На поле танки грохотали...»):

И на арбузную пала-атку
 Скины идут большой толпой,
 И вот уж ай-зер черножо-опы-ый
 Лежит с пробитой головой!
 И вот уж ай-зе-е-ер черножо-о-опый
 Лежит с пробитой головой...
 В Баку помчатся телегра-аммы
 Родных и близких известить,
 Что сын их бо-ольше не верне-отся
 И не приедет погостить!
 Что сын их бо-ольше не верне-отся
 И не приедет погостить...

Боксер театрально всхлипнул и протер глаза.

В углу заплачет мать-стару-ушка, В сердцах слезу смахнет отец, И пидор Го-оги не узнает, Какой у Гиви был конец.

Когда передача закончилась, все пошли ужинать, и за трепом время неслось незаметно. Раскладывая по косточкам передачу, к слову пришлось несколько анекдотов из их собственной практики борьбы с «возбудителями расизма». Например, забавная история, произошедшая с Поваром.

Это было, когда еще Повар был достаточно «зеленым» пионерчиком и хотел заработать себе белые шнурки. Но, видать, над ним тяготело родовое проклятие. Когда они выходили на охоту, и в их рядах был Повар, можно было спорить на что угодно, что ничего не выйдет. Уже одно это делало Повара объектом для незлых подначек. Повар так бесился, что даже похудел. Они ездили с Поваром в Перловку по вечерам три раза, и ничего не случилось. А Перловка между тем всегда считалась хорошим, урожайным местом. Но стоило Повару простудиться и не поехать, как все ложилось в масть и они здорово веселились. Бедняге об этом даже сообщать не стали – Роммель боялся, что все это может плавно перейти в навязчивую идею. И вот наступил день, когда Повар решил умереть, но доказать, что он такой же, как все. Ради своего друга Роммель, Бабс, Квас и Сергей решили посвятить этому весь день. Начали поиски с утра. Где они только в тот день не были! Подошвами своих тяжелых ботинок они истоптали Москву, прямо как медведь любимый малинник. И за весь день никого, в это трудно поверить, но ни-ко-го подходящего не нашли. То есть потенциальные жертвы рассекали Москву-матушку во всех направлениях, но подходящего момента они так и не словили. Начало нового дня застало их в абсолютно пустом последнем вагоне электрички, когда они возвращались домой. Повар вырвал бы себе все волосы на голове от злости, только, к счастью, в тот момент рвать было особенно нечего. Роммель сокрушенно крутил головой и говорил, что это фантастика, это прямо мистика, твою мать! Что надо идти к колдуну! Тут им компанию составил милицейский патруль, который сначала обшмонал их, придирчиво проверил документы, а потом менты стали болтать с ними о том о сем. И вдруг случилось ужасное – в вагон вперся толстый датый негр.

– Вот и говори после этого, что ничего такого... – убито изрек Роммель и неопределенно покрутил рукой над головой, – нет!

Повар всхлипнул. Остальные скины поразевали рты. Сергей медленно перекрестился и сказал: «Спокойно, Повар, это тебя нечистый подначивает!»

Когда первый шок прошел, начались смешки в адрес Повара.

– Все бы вам смехуечки... – пробовал отбазариться Повар, улыбаясь чуть ли не сквозь слезы. Но потом Се-рега допустил запрещенный прием:

– Прикиньте, ребят, сейчас этот ниггер подойдет так, вытащит белые шнурки, потрясет ими у Повара перед носом и сделает так, – Серега поднес указательный палец к губам и несколько раз быстро провел им сверху вниз. Получилось противное дребезжанье.

Повар тихо взвыл, а вокруг рассмеялись все, даже менты. Они, кстати, тоже просекли всю комичную трагичность или наоборот, трагичную комичность ситуации. Это событие в бригаде даже стало притчей во языцах. Повара довели то того, что он болезненно реагировал на каждую улыбку. Это продолжалось до тех пор, пока Повар не добыл-таки себе белые шнурки, и по этому поводу бригада гуляла весело и шумно, а Роммель внес предложение отмечать 14 марта наравне с 20 апреля и 30 января...

Ночевать остались у Молодого, а с утра решили отплатить миру за идиотскую передачу.

* * *

Тряслась на ходу ранняя электричка. В тамбуре последнего вагона, с выбитым окном и жестянкой, забитой вместо него за железные прутья дверей, с обоссанным вонючим полом и липкими пластиковыми стенами, исписанными похабенью, стоял Роммель во главе своей зевающей наперегонки командой. Лица у всех были помяты. Тяжелая еда на ночь и беспокойный сон в накуренной комнате оставили свои следы. Черная одежда оттеняла хмурые землистые лица. Все уже успокоились по поводу вчерашней программы, но отступать было поздно. При виде этой тесно стоящей группы люди в тамбуре не задерживались и старались проскочить в салон, все с такими же серыми и помятыми лицами. Это была уже третья электричка. В первых двух не было никого. Сейчас они ехали опять в сторону Перловки, чтобы там пересечь на электричку до Москвы, и если уж там ничего не будет, тогда все, не судьба. Разведчик Башня, единственный, одетый в штатское, сейчас шнырял по вагонам. Квас дремал, опершись спиной на закрытую дверь. Он держал в руке бутылку «Гархуна» и не открывал глаз, когда кто-то ее забирал, потом, толкая бутылкой в его кисть, возвращал, тут Квас не глядя делал глоток, и бутылку снова забирали. Все ждали Башню. И вот он появился.

– Ни хрена, глухо, как в танке! – бросил Башня и сплюнул. – Время такое галимое. Русские люди на работу едут, а эти козлы еще дрыхнут, небось.

– Чего, неужели никого нет?

– Да нет, все, вроде, более менее наши.

– Спать охота-а!

– А-а, на том свете отоспимся...

– Только Квас сейчас спать поедет.

– Ну, как всегда! Все люди как люди, один Квас, как хер на блюде.

– Но-но...

Доехали до Перловки. Хорошо получилось – только они перебежали к нужному пути, почти тут же подошла электричка на Москву. Тряска в тамбуре началась заново. Только теперь тамбур был просторный, чисто вымытый, с салатовым пластиком на стенах – радовал, короче, глаз. Башня докурил, затолкал ботинком окурков в щель пола и пошел на разведку. Квас опять стал дремать. Остальные бойцы вроде немного расшевелились и принялись травить анекдоты.

Башня вернулся быстрее, чем все ожидали. Молодой как раз пересказывал первую статью, которую он перевел из «Фелькишер Беобахтер». Он хотел у кого-нибудь найти частный сканер и поднапрячь Кваса как полиграфиста сверстать точную копию «Фелькишер...», но только на русском языке. Башня прервал Молодого на полуслове. По его радостной физиономии все поняли, что Баня кого-то запеленговал. Башня прикрыл за собой дверь с возгласом «Йес! Йес! Йес!» – несколько раз ткнул сжатым кулаком в ладонь. Потом он завладел бутылкой с остатками «Тархуна». Все вокруг подскакивали от возбуждения.

– Ну? Ну? Ну, колись, кто там?

Башня только кивал, закрыв глаза. Квас два раза сказал: «Ара! Ара!» Башня отрицательно помотал головой. Тогда Квас выпятил губы и произнес, подражая противному голосу из «Акуна Мататы»: «Ши-то нам ди-ела-ать си э-этим расизь-мом!» Башня закивал.

– Вау! Ниггер!

Наконец Башня оставил в покое «Тархун», утер губы, перевел дух и, смакуя момент, сказал:

– Короче, ниггер губатый. Стоит в тамбуре. Я покажу, где. Приканчивайте воду и пошли.

– А как насчет ментов?

– Пр-р-р-р-р, – пошумел губами разведчик. – Я не видел.

– Ты всю электричку насквозь прошел?

– Всю.

– И мусоров нет?

– Да нет вроде...

– Хм... «Вроде» у бабки в огороде, а здесь точно надо... Ладно, пошли.

Наконец-то появилась конкретная цель. Все разом повеселели. Вот сейчас они и отплатят за мерзкие умствования самодовольной обезьянки с передачи.

...Башня резко остановился и кивнул головой на тамбур. Дальше все происходило быстро и без лишних разговоров. Аякс встал сбоку и положил руку на блестящую ручку двери. Бабс изготовился.

– Где?

– Слева у окна.

Бабе кивнул головой. Аякс резко дернул дверь, Бабе ногой вдавил в стену вторую створку и шумно ворвался в тамбур. Мужичок справа у окна от неожиданности проглотил окурков. Бабе налетел на невысокого коренастого негра. Аякс остался у дверей в салоне, а Башня с независимым видом прошел в смежный тамбур.

Негр от ударов Бабса скорчился, закрыл лицо руками и стал вопить. Своеобразного покроя канареечная шапка свалилась у него с головы. Бабс, вкладывая в удары свой немалый вес, долбил негра коленом в голову, и она ударялась каждый раз о дверь, глухо и страшно. Бабс явно увлекся. Остальные заволновались.

– Хорош, хорош, Бабс! Отвали, не один.

– Ага, попался, негритосина!

Бабс напоследок приподнял негра за шиворот, отвесил ему две гулкие оплеухи и отошел с

добрым лицом хорошо поевшего и сладко поспавшего человека. В дело вступили более легкие соратники. Там, где с трудом ворочался Бабс, с успехом разминались Роммель и Сергей. Серега зажал в руке связку ключей, пропустил самый длинный ключ между пальцами и ткнул несколько раз мотавшегося из стороны в сторону негра в лицо. Негр заорал.

– Ага-а, сука, жжется! – обрадовался Повар, подпрыгивающий за спинами Роммеля и Сергея.

Квас, Бабе, Боксер и Молодой коротали время в беседе с гражданином, заглотившим окурочок.

– Да, ребят, ну вы меня напугали!

– Ну что вы, – вежливо ответил Боксер, играя четками. – Не стоит. Вы же русский, и мы русские, зачем же мы вас будем трогать?

– Да вы не бойтесь, – поддержал его Квас. – Вы у себя дома, и мы у себя дома. Это же наша земля, а чего он-то тут делает?

Негр предпринял отчаянную попытку прорваться в салон вагона. Страшна была его сила, и сам он был страшен. Все лицо в крови, воет, роняя с губ розовую пену. В черной щеке была неровная алая дыра – Сере-га все-таки попал ему ключом. Тащив вцепившихся в него троих скинов, негр рвался в вагон.

– Стой, сука!!! – кривясь от омерзения, верещал Повар. – Валите его!

Негр уже уцепился за ручку двери, когда Молодой врезал ему по кисти ногой. Негр вскрикнул, поменял руки, но Молодой опять тычком «берца» скинул его руку вниз. И тут на негра навалились все и стали буквально рвать на части. Бабе как следует грохнул негра о дверь, уже не думая, что видит народ в салоне. Пинками негра опять откатили туда, где все началось.

– Гад! Гад! Сука! Получай! Получай!

– Спокойно, ребята, меньше эмоций!

Били, целясь в бока, поясницу и голову. Потом все расступились, и Бабе стал прыгать на лежащем негре с песенкой:

– Уэлком ту Раша, хэй, хэй, хэй! Уэлком ту Раша хэй, хэй, хэй!!!

Что-то в негре хрустнуло.

– И-и-и! Не стоило тебе ехать в Россию, парень!

– Дома сидеть надо, на пальме, сука! Заявился Башня с отточенной пряхой.

– Мужики, подмените меня там!

Молодой ушел. Квас своим фирменным ударом на прощанье врезал негру по затылку. Башня с улыбкой подскочил к негру.

– Оп-па, какой красивый ниггер! Тебе идет красное на черном, слышишь ты, сука?

Негр уже почти ни на что не реагировал, только дергался.

– Да ни хуя он уже не слышит. Отпрыгался, пидарю-га! Давай, Башня, распатронь ему башку!

– Отойдите, мужики. А-а-а-на, сука! На! На! Сдохни! Сдохни! У-у, мразь такая!

– Все, Башня, хорош!

– На! На!

– Хорош, Башня, хорош, я тебе говорю!

– У-у, блин, ну и кровящи-то!

– Они ребята полнокровные...

* * *

Спустя два часа после этого Квас уже мирно спал дома, под зеленым клетчатый пледом, а рядом с его плечом, свернувшись калачиком, дремала Лиска. Звенел пару раз телефон, но Квас этого не слышал. Квас спал и не знал, что над ним уже сгустились тучи, что это звонит Наташа, которую потянуло на выяснение отношений. А это, было, пожалуй, похуже, чем ребята из «Night Soldiers».

Если бы вы спросили Кваса, что он больше всего не любит, он бы тут же ответил: «Ниггеров, хачей, цветных, наркоманов, пидоров, жидов и демократов». «И все?» – спросили бы вы. «Нет, – ответил бы Квас, подумав. – Еще я ненавижу, если вдруг меня будит девушка,

которой горит выяснять отношения...»

Однако это случилось. Звонок медленно, пласт за пластом, вторгнулся в безмятежный сон Кваса, и наконец Квас приподнялся на локтях и зевнул.

– У-у, твою мать, поспать спокойно не дадут! Лиска выгнула спину, зевнула и еле слышно завывала на серую звенящую трубку радиотелефона.

– И не говори, Лиска, какие-то прям дауны! Трубка на столе продолжала противно пищать. Квас опять зевнул, выругался, свесился с кровати, уперся кулаком в пол, а второй рукой потянулся за трубкой.

– Да? – он нащупал сигареты, но пачка выскользнула из пальцев и мягко шлепнулась на пол. Квас выругался сквозь зубы.

На том конце провода послышался наташин голос. Попала она явно не вовремя. Квас еще морально не отошел от подвига в электричке, и от внезапного пробуждения и резких движений кровь мерно постукивала в висках. Он начал раздражаться помимо воли. Квас поднял с пола пачку, достал сигарету и закурил.

– Привет.

– Дим, а чего ты злой такой?

– Ничего, не обращай внимания, – Квас попытался взять себя в руки. – Ты это... Ты меня разбудила.

На том конце провода помолчали.

– Разбудила? Интересно... Устал, Мить, да? То-то я смотрю – как ни позвонишь, так дома нету. А потом вдруг днем случайно позвонила, а он спит! Странно, правда?

– Не звонил, потому что работал...

– Ночью.

– Да, и ночью тоже. Дома не было, потому что с ребятами гулял. А сейчас сплю, потому что выходной дали. Ты-то сама как?

– Я-то? Нормально. Нет, ты мне можешь сказать, что...

– Я не понимаю, ты что, позвонила отношения выяснять, что ли?

– Не, мне просто интересно, где это ты так ночью наработался, что днем лежишь и дрыхнешь и прям тебя не тронь? Только не надо мне здесь толкать саги о бритоголовых.

– Чего не надо толкать? Слышно плохо. Радиотрубка и впрямь стала пошаливать.

– Я говорю, не надо мне, блин, опять свой нордический эпос разводить! Как ни позвонишь, все он с друзьями ушел. А почему мне твоя мама звонила и выясняла, не у меня ли ты ночуешь?

Квас хотел было послать ее на хуй, но, любя все делать наверняка, смиренно произнес:

– Наташ, этого быть не могло. Ты права, мог бы позвонить. Но тут на работе заказ срочный, да еще кошка тут со своим отитом (о кошке он вовремя вспомнил)... А насчет ребят – ну, война есть война. Я же тебя люблю, ты же знаешь! Так что извини, ладно? Ты же простишь меня, правда?

Опять молчание. Квас глубоко затянулся и стал ждать, выпуская колечки дыма.

– Ну знаешь, я подумаю...

– Подумаешь?! – голос Кваса резко изменился. – Подумаешь?! А тут и думать нечего! Знаешь что, любовь моя, да пошла ты к ... – Квас разрубил гордиев узел и нажал кнопку на трубке.

– Она еще подумает! И что, Лиска, мне теперь делать? – возмущенно спросил он у кошки. – Ползти в это ее ебучее Тушино и ножки ей целовать? Совсем бабы охренели!

Квас открыл окно и щелчком отправил туда окурок.

– Во, цирк на выезде!

Он зевнул и опять полез под плед. И тут телефон ожил снова. Может, то была Наташа, понявшая, что перегнула палку, может, кто-то другой – Квасу было уже на это начхать.

– Да пошла ты... – пробурчал Кваса из-под пледа и рукой нащупал кнопку «off» на трубке. – Ну их всех на хер, Лиска. Давай спать лучше.

Именно в конце следующей неделе Квасу пришла в голову мысль, что этот злосчастный ниггер из электрички был каким-нибудь гребаным колдуном. Или шаманил, гад, на своем материке. После телефонного объяснения со своей второй половиной он еще четыре дня не находил себе места. Тянуло уже самому звонить. Квас хмуρο курил в окно и понимал, что теперь уже – все. Что сам он уже никуда не позвонит, а позвонит ли она – вот это интересно. Хотелось бы, чтобы позвонила. Были какие-то странные звонки, но к телефону Квас не подходил. И сам не знал, почему. Столбняк, и все. Только в четверг он немного успокоился. Время, как говорится, лечит. Но до четверга произошло еще кое-что.

Рабочая неделя началась с нервотрепки на работе. Привезли шведскую фальцевальную машину, а техническая документация осела где-то в офисе, среди моря бумаг, и найти ее не могли. Босс сказал, что к обеду машина должна работать, кровь из носу. Коллектив не стремился подходить к красивой фальцевалке – упаси Бог, случится чего-нибудь, так ведь потом не расплатишься. Как узнал Квас, ее даже не купили, а взяли в аренду, настолько она была дорогая. Со второго этажа, из офиса, ясно доносился мужественный бас начальника Степаныча, который разносил офисную братию за утерю технической документации. Игорь, Олежка, резчик Тимофей и Квас ходили кругами вокруг машины, цокали языками и внятно ругались. Больше всех возмущался и орал Тимофей, говоря, что он не подойдет к этой машине никогда, очень ему хочется домой, в Люберцы, в последних трусах ехать, ежели с фальцевалкой какая-нибудь гадость случится. Ему-то хорошо, он, чуть что, уйдет на свою резку, которая работает исправно уже много-много лет, его к фальцевалке подходить никто не заставляет. К обеду машина не пошла, но зато приехал технический директор. Сначала он разнес офис, потом Степаныча, а затем спустился в цех. Квас, Игорь и Олежка, плотно пообедав, сидели вокруг машины и пили чай, ругая начальство, офисных барышень, техническую документацию и саму машину. Услышав рокочущий голос директора и робкое бормотание Степаныча, Олежка поперхнулся чаем, а Квас грустно сказал: «У-у-у... сейчас начнется!» В цеху все бросились кто куда. Игорь успел вывернуться, схватив рекламный календарь какой-то сауны и с сосредоточенным видом, наморщив лоб, начав рассматривать его у окна. Тут вошел директор – и буря началась...

Часов в шесть прошелестел слух, что в офисе откопали злосчастную документацию. Сначала все обрадовались, но тут Степаныч сказал, что Квас, Игорь и Олежка будут работать ночью, потому что весь день фальцевал-ка простояла вхолостую. Заряд бодрости на всю неделю был получен. Нервотрепка продолжалась.

Во вторник Квас виделся с Инной, и она подарила ему красивую, видимо, заказную и довольно дорогую, печатку с «мертвой головой». Квас радовался, но недолго. А в среду, возвращаясь вечером с работы, он сцепился с группой подвыпивших бычков с подружками. Разрыв с Наташей сделал Кваса пофигистом, и он стал ходить на работу при полном параде, чего раньше никогда не делал, чтоб на работе не шушукались, да и район, по которому ему топтать пешком минут десять, был не очень хороший, особенно вечером. На работе у Кваса был один товарищ, с которым можно было поговорить по душам – это Игорь. А с остальными только три темы для курилки – футбол, бабы, погода. В политические диспуты Квас не ввязывался, так как точно знал, по крайней мере, одного человека, который при случае мог настучать начальству, что Квас затевает нацистскую пропаганду среди сотрудников.

В среду вечером Квас при полном параде шагал домой. Метров за сто от метро располагался вонючий пивняк. Перед пивняком была загаженная заасфальтированная площадка и три скамейки, где и кучковалась по вечерам местная быковатая молодежь. Так было и в среду. Хотя было, прямо скажем, не жарко, и им лучше было бы сидеть дома. Они затихли, когда Квас проходил мимо, а потом в спину ему раздался взрыв развязного смеха и свист. Квас никогда не оборачивался на свист, и тут себе не изменил. Он уже ловил во вторник косые взгляды всяких датых шаек у этого пивняка, но прыгнут или не прыгнут – ему было наплевать. И вот прыгнули. Тут Квас услышал: «Эй, постой, придурок!» Квас не остановился. Два датых парня в одинаковых дубленках настигли его.

- Слышь, угости сигареткой!
- Нету.
- А чириком не подогреешь? – Нет.

– А ты чего белые шнурки вдел? Чо, нацист или крутой?

Квас понял, что стычки не избежать. На двух скамейках напряглись ребята, тут же их девчонки смотрели с кровожадным интересом. Тут Квас увидел, что ему не светит.

Бычок стоял напротив, слегка покачиваясь, и уголки его рта были характерно опущены.

Квас всегда считал, что в таких случаях нападение лучше защиты, потому что нападающий обнаруживает более сильную волю. Кулак Кваса с тяжелым иннинным подарком, резко развернувшись в воздухе (Квас бил от бедра, почти без замаха), врезался в переносицу бычка, а стакан гриндера поразил его под колено. Квас толкнул пораженного бычка на второго, развернулся и бросился наутек к метро. Ребята повскакали со скамеек. Донеслось дружное девичье «А-ах!». Погоня была недолгой. Беглец надеялся, что бычье отвяжется у метро из-за милиции, но те спяну гнали его до самых дверей. Народу у метро было больше, и Квас бестолково заметался. Кто-то вцепился в него сзади, но Квас отмахнул назад локтем, вырвался, и тут же налетел на дюжего мужика с двумя сумками. Тут его и накрыли остальные. Он пытался защищаться, но – тщетно. Когда на вопли сердобольных бабулек, продающих сигареты, появилась из метро милиция, Квасу уже неплохо накидали. Менты приняли одного бычка, а Кваса, медленно поднявшегося с земли под сочувственные комментарии бабулек, проводили до турникетов. От медпункта и писания заявления Квас отказался, только зашел в ментовский туалет и стал там останавливать кровь. Все-таки он перед бегством успел заметить, что первый бык в погоне участия не принимал, а сидел на асфальте, держась за ногу и задрал лицо, над которым склонилась какая-то девочка. Кровь была и у принятого ментами, то ли это был тот, по которому Квас отмахнул локтем, то ли он его просто случайно достал, когда пытался отмахиваться.

Когда Квас добрался домой, мать, посмотрев на него, устроила форменный скандал. Зеркала в ментовском сортире не было, и только дома он увидел, в каком виде ехал в метро. Кровь запеклась под носом и в уголках губ, левая бровь была рассечена и набрякла, и вниз по щеке шла раздваивающаяся на скуле бордовая полоска засохшей крови. Вид для метро, конечно, страшный, но ничего – до свадьбы все заживет. Квас выругался, тщательно умылся и смазал раны йодом. Потом он стал размышлять, стоит ли устраивать акцию возмездия. Ясно, что ходит он там часто, и они там сидят тоже часто. Так что они еще встретятся. Они местные, их знают, так что найти их всегда будет можно. В принципе, он не уронил достоинства скинхеда и принял неравный бой. И честь свою он тоже защитил. Так что если эти уроды не полезут еще раз, конфликт можно считать исчерпанным, ну а если полезут...

На этом беды закончились. Но тут случилась катастрофа – убили Молодого.

* * *

До Нового года оставалась тогда неделя с небольшим гаком. И компания рассматривала Новый год как разминку перед празднованием 30 января. Решили, что зависать у кого-то на квартире не стоит – слишком тесно и вообще как-то не то, не сердито. Молодой выдвинул предложение найти какой-нибудь недорогой приличный пивняк и засесть в нем. Должен же быть какой-нибудь пивняк для рабочей молодежи в Москве-матушке! Все отнеслись скептически – сказали Молодому, что Москва – город ясно для кого. Но Молодой был парнем упорным и этой идеи так просто не оставил.

– Да ладно, – объявил он маловеерам. – У нас еще месяц, даже больше. Пусть все ищут – кто ищет, тот всегда найдет. Главное, чтобы там можно было еще и с собой пивка пронести.

Кончились поиски народного пивняка плачевно.

В воскресенье на Горбушке, в толчее у лотка со скиновской музыкой, Башня, приобретая «Bound for Glory», случайно нос к носу столкнулся с Молодым. С ним была какая-то совсем уж юная девочка, которая копалась в кассетах и постоянно дергала его за рукав, пока Молодой чинно беседовал с Башней. Молодой сообщил, что вроде есть недорогой и относительно цивилизный пивняк где-то недалеко от Каширской и что в понедельник вечером он собирается сгонять туда и посмотреть, что там к чему. В общем, все было ясно. Когда уже прощались, Молодой спохватился:

– Слушай, Башня. Я тут книжку свою куда-то посеял. Телефон свой напиши мне вот тут

на бумажке. Ну, как, кассету-то послушал?

– Ну. Да так, средне. Первая и последняя песни вроде ничего. Особенно последняя.

– А, «Динг Донг Мерелли...» Да, добротная песня. Короче, я тебе либо Роммелю позвоню, как на Каширку съезжу. Хорошо?

– Хорошо.

Они распрощались.

Гром грянул в понедельник вечером. Это был обычный, ничем не примечательный вечер – заурадный финал серого рабочего дня. Когда Молодой в одиночку встретил свою смерть на чужой холодной улице, каждый из бригады занимался мирными и повседневными делами, словно был не грозный скин, а обычный овощ-обыватель.

Роммель притащился домой около семи. Наскоро заморил червячка и пошел рубиться к соседу в «Age of Impire». Сосед, яркий представитель группировки «Divan Skins Front», валялся на диване и читал свежий «Cool Girl», каковой отобрал у своей девушки. «Divan Skins Front» – так бригада желчно именовала ребят, валяющихся на диване и вылезавших только на концерты и пьянки.

Квас, сидя за кухонным столом, там же точно, где в свое время покуривала Инна в первый день их знакомства, разбирался с новой аэрозолью для кошки. Рядом сидела мама, одетая в старую замшевую куртку и перчатки, и крепко держала кошку, замотанную в плед. Лиска очень походила на кокон, из которого должна вылезти темно-зеленая клетчатая бабочка.

Бабс ругался с сестрой из-за того, что его племянник, он же сестрин сын, раздавил своим задом совсем новую клавиатуру. Еще свежи были воспоминания, как этот племянник запустил в ухоженный дядюшкин аквариум двух прожорливых ротанов, которые за два с лишним часа извели всех благородных рыб. Когда Бабс пришел домой, ошметки его рыбьего царства рассекали воду во всех направлениях, а у самой стенки аквариума качались на воде два раздувшихся ротана и буравили Бабса бессмысленными взглядами. Долго еще Бабе не мог истощить весь свой запас ругательств. А потом устало заметил, что если бы он сейчас убил бы племянника, то суд присяжных его бы оправдал.

Аякс в метро ехал на ночную смену и, забившись в угол полупустого вагона, читал «Сокровища Валькирии».

Сергей выяснял отношения с матерью. Мать была очень недовольна, что Серега с отцом за один день сожрали корейку, а к остальной еде – супу и второму так и не притронулись. Дескать, не богачи они, чтобы питаться одними бутербродами. Серега тоскливо ждал, когда мать обнаружит еще и то, что он случайно профукал семейные деньги, выданные ему на блинную муку.

Боксер, мусоля карандаш, пытался сочинить стихотворение для завтрашнего свидания. Все его душевные переживания и нежные слова, которые шептали его обветренные губы, нашли выражение в своеобразных строчках:

Кровеносная система проходных дворов Нам дает простой закон: «Путь ведет к пути».

Хочешь топтать по прямой – это бесполезно. Мы идем с тобой вдвоем – мы обречены.

Млечный путь глотала ты, я жевал жуков. Сигареты кончились – время поцелуев.

– Слушай, мы сейчас ползем по кишкам Москвы.

– А в какой попали век? – А тебя волнует?

Чем-то эти строчки ему нравились, а чем-то нет, но дальше дело не шло.

Повар, интересуясь у всех встречных и поперечных девушек, не нужны ли их мамам зятя, и поздравляя их с наступающим Новым годом, спешил домой с работы. Им выдали что-то вроде тринадцатой зарплаты, и Повар, вихляясь из стороны в сторону, волок за собой большую зеленую елку, из-за выпитого пива забыв, что родители уже нарядили их обычную, искусственную.

А мать Молодого еще даже не начинала волноваться.

Времени было почти десять.

Роммель, вдоволь наигравшись, попил у соседа чайку, потрепался с его отцом о том о сем, пришел домой. Когда он чистил зубы, позвонил Башня и будничным голосом сообщил, что с Молодым произошло несчастье, что где-то его очень сильно избили, что «скорая» примчала его в больницу и состояние его тяжелое. Роммель выругался, попросил подождать, прополоскал

рот. Трудно было ему сразу переварить услышанное. Потом он спросил у Башни, из какой задницы он все это вытащил. Башня рассказал про встречу на Горбушке и бумажку с телефоном. Из больницы ему позвонили минут пятнадцать назад. Как сказали, что кроме бумажки с телефоном при Молодом не было никаких документов. Башня выспросил подробно, что за больница да как туда ехать, и тут же бросился звонить Роммелю. Но у того было занято и освободилось почти только что.

– Мать небось трепалась с подругой, – ровно ответил Роммель. – Посмотрят какой-нибудь тупой сериал, и давай обсуждать, кто там кого трахнул. Они уже там все друг с другом переоблись... Да, слушай-ка, хреново... Надо в больницу ехать!

– Ну а я о чем? Сейчас без двадцати одиннадцать.

– А это по барабану... Ну, блядь, звери, а?! Кто ж его так?

– Да рэперы небось какие-нибудь.

– От суки, а?! Ладно, разберемся еще с ними. Короче, Квасу надо позвонить, потом ты, я, Бабсу тоже неплохо бы, ну и хватит для начала. Какая говоришь, больница-то?

Башня назвал.

– Ага... Значит, где-то через сорок пять минут на «Красных воротах». Яволь?

– Договорились.

– Тогда звони Бабсу, а я Квасу позвоню.

– Слушай, Роммель, надо же, блин, это... матери его позвонить сказать.

Роммель помолчал.

– Да... От суки-то, а?! От падлы-то, блядь! Слушай, пока не надо звонить, съездим в больницу, посмотрим, чего там с Молодым, оттуда тогда позвоним. А вдруг это не Молодой? С чего ты вообще взял, что это Молодой?

– Так это, бумажка с телефоном...

– Ну и что? А вдруг это не Молодой? Ты когда-нибудь помнишь, чтобы Молодой куда-нибудь без документов выходил? Ни хрена он куда-нибудь без документов не вылезал. Ты сейчас позвонишь, а его мать тут же кондратий схватит, на месте. А вдруг потом это не Молодой? Единственное что, вдруг он при полном параде туда поперся. Говоришь, блядь, говоришь – все без толку! Квас, блядь, тут тоже схлопотал от какого-то бычья, тоже ходил, как мудака, при всем параде. Ну ладно Квас, он с девчонкой своей поругался по-крупному, получил пиздюлей, так хоть мозги на место встали, а то ходил, как белены объелся... Ну этот-то, блядь! Взрослые же люди, должны же понимать, а как пионеры, честное слово! Ладно, харэ, прошлого не вернешь, давай, Башня, звони.

Когда дозвонились до Кваса, он стал ругаться, упирая на то, что его вытащили из постели и ему завтра чуть свет вставать. Спросонья Квас туго соображал, и ему пришлось повторить все раза два. Когда Квас врубился, то стал ругаться еще ужаснее, и под конец обещал, что придет. В момент прощания вплелся материн голос, вопрошавший: «Куда это ты со своими балбесами намылился, на ночь глядя?» Роммель улыбнулся. Бабс вел себя спокойнее, ругаться не стал, а сразу сказал, что будет. Роммель начал собираться. Претензии родителей он сразу присек фразой, что, дескать, ему уже почти двадцать и он может себе позволить иногда отлучаться ночью. Но все равно из-за родителей именно Роммель опоздал на пятнадцать минут.

– Может, нам там ночевать по ходу придется, – сказал Роммель, когда они встретились и обменялись приветствиями. – Ладно, пошли.

По пути друзья большей частью молчали. Только подходя к больнице, когда все остановились перед входом покурить, Квас зло сказал:

– Он еще умрет, не дай Бог...

– Да ну, не каркай! – откликнулся Бабс. – Кто же все-таки его?

– Да клоуны, кто же еще? Сто пудов, они... Но убить-то ведь не могли... Ну да, налетели, отпинали, а ля гер ком а ля гер, но не могли же они его уж так-то?

– Да чушь все это! Молодой еще всех нас переживет... Докурили? Ну, с Богом, пошли.

Сначала они повздорили слегка при входе с охраной, но потом их проводили в приемный покой. Там друзья поговорили с санитаром в замызганном халате цвета «светлый хаки», потом с доктором. Просмотрев бумаги, заполненные при поступлении больного, он сказал, что да, в двадцать два часа семь минут бригада «скорой помощи» доставила к ним сильно избитого

парня. Кто-то с первого этажа позвонил в милицию и сообщил, что под окнами кого-то избивают. Милиция обнаружила поле боя опустевшим, только у стены пятиэтажки ничком валялся какой-то малый, еще живой, и менты вызвали «скорую». «Скорая» доставила его в больницу, и там парень почти сразу умер, даже до реанимации не довезли. Причина смерти пока не установлена, вскрытия еще не было, но и так было видно, что у парня переломаны ребра и чем-то сильно пробита голова. Документов никаких найдено не было, а только в наколенном кармане форменных камуфляжных штанов засунутые за целлофан сплюсненной в лепешку пачки «Петра I» были найдены вот эти две бумажки, вырванные из тетрадки или блокнота в клеточку. На одной бумажке был грубо набросан маршрут, от объекта, помеченного буквой «М» в кружке и надписью «Каширская», до какого-то другого объекта, отмеченного крестиком. На второй бумажке был написан телефон. Доктор выложил бумажки на стол. Все уставились на них, они вдруг сразу осознали, что Молодого больше нет с ними и никогда уже не будет. И теперь они точно знали, что убитый – Молодой. Вот еще совсем недавно, в своей обычной абстрактной манере, он с чьих-то слов набросал маршрут, как идти от метро до пивняка, помеченного косым крестиком в квадрате. Стрелка от метро уходит немного вправо, потом поворачивает налево и все прямо, прямо, и упирается в крестик. А вот Молодой дает Башне бумажку и подставляет плечо, чтобы тот в толчее ДК им. Горбунова написал свой телефон. Точно. Башня замечает шестерку – ее хвост резко ушел вверх, его кто-то толкнул в руку, когда он писал.

– Да, – чуть слышно сказал Башня. – Бумажка Молодого, а писал я. А тут он, наверное, рисовал, как до пивняка добраться... Его из района Каширки привезли?

Доктор посмотрел в бумаги и подтвердил – да, оттуда.

– Все сходится, – сказал Башня. – Это точно Молодой.

– Что сходится? – спросил Квас. Он о поисках пивняка слышал только краем уха.

– Потом расскажу.

– Опознать его надо, ребят.

Вызвались идти Роммель как командир и Квас как бывший санитар.

– Паш, куда вы его положили?

– Пошли, – кивнул им куда-то в сторону санитар Паша.

Они втроем пошли по коридору, и Квас услышал, как Башня тихо спросил доктора:

– А покурить у вас тут можно? Санитар открыл железную дверь.

– Сюда.

Это была длинная широкая холодная комната, и пахло там резко и неприятно, как, впрочем, и во всем приемном покое. Много каталок беспорядочно стояли пустые, с матрацами, одеялами и подушками без наволочек. Но две, у стены, справа от двери, были заняты. На одной под серой простыней в желтых пятнах и разводах разлегался мертвец, из-под простыни свешивалось несколько желтоватых полупрозрачных трубок и торчали напряженные босые ноги, а на груди, выгнутой колесом, косо лежала тоненькая история болезни. На второй лежал Молодой. Когда Квас увидел его, он сразу вспомнил фотографии убитых солдат в Чечне – бомбер, джемпер и рубашка были задраны к голове, открывая втянутый мускулистый живот и несколько причудливо выступающих переломанных ребер. На животе была россыпь фиолетовых кровоподтеков. Мокрые снежные камуфляжные штаны, замаранные кровью и грязью, были приспущены до колен. С берцев Молодого редко капала на кафельный пол грязь вместе с тающим снегом, и лужа под каталкой была солидная. Руки Молодого были разведены в стороны и сжаты в кулаки. На лицо была наброшена наволочка, а на листе бумаги, с датой и временем, лежала расплюснутая пачка сигарет, носовой платок, дешевая зипповская зажигалка-подделка и нательный медальон-коловрат на кожаном шнурке.

– Ну, ваш? – Паша-санитар приподнял наволочку. Это был Молодой. Квас два раза сглотнул. Конечно, эта окровавленная маска, оскалившаяся кровавыми зубами, с закатившимся под лоб глазом мало напоминала Молодого, но это был он. Квас оглянулся на Роммеля. Тот поднял на него глаза, а лицо его было белее мела, уголок губ подрагивал.

– Да, это он, – медленно сказал Роммель.

– Ну все, пошли, – погнал их Паша.

Они ушли, поправив небрежно наброшенную наволочку и по очереди пожав холодный и

мокрым полуразжатый кулак Молодого.

– А второй кто? – машинально спросил на обратном пути Роммель.

– А хуй его знает, – спокойно ответил Паша. – Какой-то доходяга из реанимации.

Когда они пришли, санитар что-то тихо сказал врачу, Роммель остался у стола, а остальные отошли. Квас им шепотом рассказывал.

– Та-к. Значит, пишу «Устинович Антон...» – сам себе со слов Роммеля диктовал доктор. – Как его отчество?

– Ребят, как Молодого по бабушке?

Все переглянулись и пожали плечами. Молодой – он и есть Молодой, и всегда его так звали.

– Я даже не знаю, они без отца жили... Я раз паспорт его видел... По-моему, Станиславович. Да, точно, Станиславович.

– Та-ак... «Устинович Антон Станиславович». С какого он года?

– С восьмидесятого.

– «С восьми-деся-ятого...», так... Адрес и телефон.

– Адрес точно мы не знаем, а телефон вот. Доктор записал телефон, тяжело вздохнул и, крутя диск, спросил:

– Дома у него кто может быть?

– Мать...

Все четверо как по команде встали и ушли в коридор, на банкетки, покурить. Сидели молча, не смотря друг на друга.

– С ментами небось еще придется базарить.

– Ну а как же! Ты чего, это же убийство, не хухры мухры. Причем сто пудов по политическим соображениям – навряд ли пьяная драка.

– Да конечно. Били за то, что скин – это ясно.

– В пору прям волну поднимать в газетах. Чтоб «Новая газета» потребовала, чтобы нашли и покарала. Чтоб написали, что вот, мол, убили парня...

– Ага, сейчас, разбежался. Русского же убили – это им до балды. Вот если, не дай Бог, жидка какого-нибудь или азера, или когда в Чечне наши там слегка перестарались – это все, конец света.

– И еще – было бы это просто там, деньги бы отнимали, Молодой удрал бы, а тут остался – значит...

– Да это и так ясно. Меня только удивляет, что били чересчур сильно. Раньше рэпера так не зверели...

– А может, это азеры?

– Может, и азеры... Хер его знает...

– Менты найдут...

– Да-а, хренушки они найдут, ты чего? Это типичная наша акция, только наоборот. Ну и чего? Да они и искать толком не будут. Надо самим разбираться потом будет. Если это местные, то мы их найдем, однозначно.

– А если нет?

– Но «Вайт Смоки»¹⁶ тоже же вроде не убивали...

– А может, они не хотели убивать? Спяну целой кучей пинали, пинали, а он умер?

– Ну конечно! А голову ему как проломили? А, видел, Квас?

– Пиздец. Это не пряхой, это штырем каким-то, что ли?

Квас посмотрел на часы.

– Мать его по идее должна щас приехать.

Она и приехала, вся растрепанная, пронеслась по коридору, не обращая на привставших

¹⁶ «Вайт Смоки» – рэперы из клана «White Smoke» («Белый Дым»). Клан на фоне тупости и беззубости всего рэп-движения известен своими агрессивными акциями против скинов. Хотя акции носили характер нападений кучей на одного, но количество пострадавших сделало клан известным. Среди рэперов клан известен «быковскими» манерами. В настоящее время клан как таковой не существует.

друзей внимания.

– Пошли на улицу, – грустно сказал Роммель. – Нам тут пока нечего делать. И вообще, сколько времени?

– Надо уже разъезжаться.

– Не хотелось бы сейчас его матери под руку попадаться... А с другой стороны – черт ее знает, в каком она сейчас будет состоянии! Бр-р-р... Сына в таком состоянии увидеть! Короче, мужики, хочется – не хочется, а надо остаться. Если кому-нибудь срочно надо, работа там, туда-сюда, – пусть едет. А я останусь.

Остались все.

– Все? Ну ладно. Фу, блин, – Роммель поежился. – Ну, пойдем, ребят.

Только они стали подходить к зловещим дверям, как оттуда донесся вопль матери Молодого. Роммель, шедший впереди, вздрогнул, втянул голову в плечи, но не остановился.

* * *

На похоронах родственников было немного – мать, дряхлая бабка, которую весть о гибели внука подняла с кровати, и все, больше у Молодого никого не было. Отец не приехал. Девушка Молодого уже свалила с родителями за город, на праздники, ее не смогли оповестить, ей этот подарок предстояло принять уже в новом году. Скинов пришло двенадцать человек, вся бригада. Похороны прились чуть ли не на Новый год, и это сильно покорило всех. В тот день, холодный и ветреный, долго ждали у морга, пока оттуда вынесут Молодого. Наконец, их вызвали. Мать, поддерживая дрожащую бабку, повела ее прощаться, а бригада осталась на улице – ожидать знака, когда попрощаются родные и пойдут они. Каждый держал по две гвоздики. Минуты тянулись долго, все ежились на ветру и тихо переговаривались, вспоминая всякие истории о храбрости Молодого, его жизнерадостности, отзывчивости и готовности помочь в любую минуту. Вышла мать, кивнула им – заходите. Попрощались, без отпевания, гроб заколачивать не стали.

Гроб внесли в автобус и придвинули назад, к дверце. Мама с бабушкой, обнявшись, сели вперед, а выносившие сели по сторонам гроба. В ноги положили венок. Автобус тронулся. На поворотах крышка дешевого гроба часто съезжала, и было видно плечо и начало согнутой руки, темно-синяя ткань простенького костюма. Общими усилиями тяжелую крышку ставили на место.

Сильных эмоций пока не было – бригада еще толком ничего даже не осознала, а лицо мамы Молодого – резко заострившееся, безжизненное, с прозрачными глазами, смотревшими из-под черного платка сквозь всех и вся, и так было гораздо страшнее слез и истерик. Теперь уже она, словно маленькая девочка, прикинула к бабушке, и обе молчали. Везли Молодого на Митинское кладбище.

На гражданской панихиде коротко говорили Роммель и Бабс, но говорили примерно одно и то же, то, что всегда говорят в подобных случаях. Было у всех плохо и пусто на душе, некоторым даже нетерпелось со всем этим быстрее покончить, чтобы броситься искать тех, кто так поступил с Молодым, и сделать так, чтобы их матери тоже познали «радость» опознания сыновей в реанимации.

Прощались же с Молодым долго и трудно. Открытый гроб стоял у черной дыры в земле, и мучнистый снежок не таял на лице Молодого, спокойном и сосредоточенном. Первой подошла бабушка, просто и быстро поцеловала Молодого в лоб, перекрестилась, поклонилась и отошла. Губы ее дрожали, а на остром пергаментном носу дрожала капля. И тут сорвалась мама. До этого она была в страшной прострации, и единственный сын, живой ли, мертвый ли, но был тут, рядом. А теперь все – сейчас его закроют, забьют гроб и засыпят землей, и это – навечно. Долгое время бригада стояла вокруг свежей могилы, слушала ее вопли и причитания, шмыгала носами и отводила глаза. Потом бабушка глазами показала им – мол, оттащите. Никто не шелохнулся. Она пошла сама. Не вышло. Бабушка трогала ее за плечо, приговаривая: «Люб... Ну, Люба... Любаша...» Мать Молодого рыдала взахлеб, что-то пыталась сказать, но тут же захлебывалась слезами. Наконец Роммель и Бабе на ватных ногах подошли, деревянными движениями попробовали поднять мать с гроба, и она внезапно обмякла и покорилась, как

будто, да так оно и было, со смертью сына из нее ушла жизнь, остались только слезы, а теперь и они вышли. Теперь уже все, она отошла и неловко упала на снег, и чувств никаких не было, а что будет дальше, как она вернется в квартиру, пустую и тихую, с завешенными черным зеркалами, все это – пустота. Зачем ей теперь жить? Бабка на ладан и так дышала, а теперь... Смерть внука и смерть дочери, только внука зарыли, а дочь – вот она, и жизни в ней нет и не будет. Мать молча смотрела, как с ее сыном прощаются друзья. Каждый подходил, целовал в лоб, держал за руку, что-то тихо шептал.

Квас подошел после Башни, накрыл рукой скрещенные на груди руки Молодого. Ладонью он чувствовал его костяшки, натренированные ударами о бревно, обмотанное толстой веревкой. Слеза скатилась из глаз, и Квас быстро слизнул ее кончиком языка и тут же взглянул – не заметил ли кто. Роммель и Бабс внимательно смотрели на него – и Роммель слез не скрывал, а толстый Бабс часто моргал покрасневшими глазами. Башня сидел на снегу, уронив лицо в колени. Квас прокашлялся. Квас вспомнил. Он достал маленький запаянный сверток из толстого полиэтилена и быстро сунул его в гроб – под покров, под скрещенью руки. Полиэтилен, как и пластик, долго разлагается, и пройдет пара сотен лет, и давно уже отшумит и отхлопочет их жизнь и от их могил ничего не останется, и от могилы Молодого ничего не останется, и никто не будет помнить их имен, только в земле будут лежать вечно эти свертки, положенные руками соратников в гробы погибших друзей, свидетельствуя, что жили такие люди, сражались и погибли. И вдруг кто-то откопает случайно это послание вымершего давно поколения, разворошит его и найдет в свертке белые шнурки, свастику и листок белой мелованной бумаги, закатанный Квасом на работе в пластик в четыре слоя. И прочтет на листке рунами старательно выписанную надпись:

**Устинович Антон Станиславович
(Молодой)
1980-1998**

**Погиб в бою 22 декабря 1998 года,
сражаясь с врагами нации, приняв
смерть там, где пощада не могла
принести ему чести.**

ВЕЧНОСТЬ – ОТДЫХ УСОПШИМ

И может, тихо задумается этот их потомок над этим листком...

Потом Квас сжал руку Молодого, тихо сказал ему:

– Ладно, давай, Молодой. Там свидимся. Спи спокойно.

Потом поцеловал его в лоб, отошел и сел рядом с Башней. Сзади кто-то потрепал его по бритому затылку.

Наконец все попрощались, и могильщики сноровисто заколотили гроб. Резкие удары отдавались в их сердцах – раз, раз, раз... Гроб медленно опустили в могилу, и глухо стали стучаться в крышку комья мерзлой земли. Каждый подходил по очереди и кидал. Слышались тихие всхлипы матери.

И вот все кончено. Резко выделялась свежая могила. К подножию железного креста сложили навалом бордовые гвоздики... Друзья оглянулись на прощанье.

– Молодого будет баюкать земля, за которую он сражался, – высокопарно сказал Роммель. Никто не отреагировал. Слишком рано для таких речей – пока у всех была только скорбь, словно по живому мясу провели наждаком, так дошло до всех, что вот только что забросали землей их друга, совсем еще недавно веселого, живого и теплого парня.

Все беспорядочно, вразброд, пошли назад, к автобусу.

ГЛАВА 8

Зиму бригада прожила трудно и как-то мертво. Они все не могли успокоиться. Из их единого организма с мясом вырвали кусок плоти, да и внутренний мир бригады был подкошен.

Призрак неотомщенного Молодого постоянно витал над ними. И хотя Роммель говорил, что все нормально, что никто из них не хочет помереть от старости в маразме, обделывая под собой кровать, что как еще может окончить настоящий, идейный бритоголовый свои дни, как не в бою, но все равно у всех на душе было муторно. Вся бригада была согласна с Роммелем, и все же...

Они часто ездили на Митинское кладбище, где под временным железным крестом нашел свое последнее успокоение Молодой. Каждый раз брали маленький однокассетник и на прощание ставили Молодому его любимую песню – «Trial» RANOWA, тем более что и по духу она подходила. Слушали ее стоя, опустив головы, расставив ноги и скрестив руки на поясе.

Менты, естественно, никого не нашли, а самим им удалось выяснить, что в тот день в том районе была дискотека, и Молодой, видно, наткнулся на целую кучу пьяных... кого? Рэперов, быков – хрен их знает. С кем же пересеклась дорога их друга, когда в тот долбаный вечер он вылез из метро и пошел разыскивать народный пивняк?

Бригада узнала, что в том же месте будет опять дискотека, и они устроили засаду на улице, где грохнули Молодого. По той дороге возвращалась с дискотеки кучка модной молодежи, и она подверглась беспощадному разгрому, и двое ребят, одетых в наиболее широкие штаны, пострадали очень сильно. Были проведены еще несколько акций возмездия, но удовлетворения они не принесли. Ведь истинные-то убийцы живы, здоровы, и достать их почти невозможно. Роммель с подружкой, одевшись в прикид продвинутой молодежи, пару раз толкался на той дискотеке, вдруг (чем черт не шутит) услышит, как кто-нибудь хвастается, что вот, типа, загасили скина. Этого он не услышал, зато узнал, что оба рэпера находятся в больнице, один худо-бедно поправляется, а у второго вывихнут таз и как-то необычно проломлен череп. Радость для хирургов – неординарный случай. Но летальных исходов, как они надеялись, не было. Вообще, после истории с Молодым бригада дала передышку кавказцам и неграм и вплотную занялась рэперами. Головы полетели. Но морального удовлетворения это все равно не принесло. Бригада раскачалась где-то к началу марта. Не то чтобы они забыли Молодого, нет, конечно, и матери его помогали по возможности, просто время немного лечит, с этим ничего не сделаешь. Прошло время, когда Молодой считался как бы живым, но только вот отошел на минутку, теперь же Молодой считался историей, и бригада обзавелась собственным пантеоном погибших героев.

Квас трепался с Инной по телефону.

– Знаешь, мне тут такой сон приснился, не поверишь... Ну, у меня простой был на работе пару дней, и я днем отсыпался, а так – фигли, приходишь с работы, валишься спать, там уже ни хрена не снится. Помнишь, я тебе рассказывал, у нас парня одного убили? Ну вот про него сон снился... Причем я до сих пор уверен, что это – не сон. Нет, сон, конечно, но сон не просто так. Короче, смысл в следующем – иду я по лесу. А лес густой такой, темно-темно-зеленый, и знаешь, такой тихий-тихий. То есть я наступлю на ветку какую-нибудь, она щелкнет, а так – тишина просто мертвая. И еще я помню – сигареты у меня есть, а огня ни хрена нет. И вот я иду и страдаю – курить хочется, край. Иду-иду, там овраг какой-то, стволы какие-то валяются, я иду, иду, блин, не знаю, зачем, просто чисто через этот лес продираюсь. И тут смотрю – костерок горит, и паренек там какой-то на бревнышке у костра сидит, спиной ко мне. Я подхожу и говорю – типа, друг, можно я от твоего костра прикурю? – Прикуривай, говорит. Ну, я прикуриваю от головешки, смотрю, а это наш Молодой, ну, этот парень, которого убили, у него кликуха была Молодой... Короче, да, смотрю, а это Молодой. Сидит в таком потертом камуфляжике, травинку во рту покусывает. У него привычка была такая – как где-нибудь увидит травинку с метелкой, обязательно сорвет, в рот засунет, идет, этой метелкой трясет. Сидит, короче, смотрит на меня и лыбится. Я говорю – еб твою мать, Молодой! Мы думаем, ты мертвый, мать твоя с ума сходит, а ты, блин, в лесу засел... А я смотрю, знаешь, а у него ни палатки, ни рюкзака – ничего нету, просто костер – и он сидит. Вот, короче... Он и отвечает – а я и так мертвый, че мне... А вот как ты сюда попал, хуй тебя знает, лес-то этот по нашу сторону, а не по вашу, ты что, когда шел, не понял? Я говорю – а-а, вроде теперь понял... Потом начал – ну, мы, типа, тебя похоронили, ребята все были на похоронах... Молодой отвечает – да видел я все, знаю... Потом чего-то помолчали, Молодой говорит – покурим, типа, с тобой. А костер нас как-бы разделяет. Он на бревнышке сидит, а я напротив него, там дерево

такое огромное, и на корнях его я сижу. А костер между нами. Тут я его спрашиваю – ну, как ты тут? Нормально, говорит, че мне... А это его присказка была любимая... Ты куда попал-то хоть, спрашиваю, в ад, в рай? Ты прикинь, Инн, я же весь этот диалог помню... Да хрен знает, отвечает, вот, сижу в лесу... А мне нравится... тихо... Ладно, Квас, говорит вдруг, ты это, не увлекся? Я смотрю на сигарету – почти всю искурил. Протягиваю ему сигарету, сидим опять, молчим, он курит. Потом говорит – мол, чего вы этих уродов найти не можете? Молодой, – говорю, – ищем их, честное слово! Но... хрен же знает, кто это такие... Может, еще найдем. А так мы мстим за тебя... А потом я говорю – как я выйду-то теперь отсюда, лес-то с вашей стороны... А он отвечает – это у нас тут лес, а у вас, может, ты дома валяешься и дрыхнешь. Как это, – спрашиваю.

И тут, Инна, опять этот будильник гребаный, и я проснулся... Интересный сон, правда?

Поговорили еще чуть-чуть, обменялись комплиментами, распрощались. Квас покурил, потом включил компьютер и стал продолжать статью. Тут надо оговориться, что бригада замутила что-то вроде журнала. Материал собрали, разбирая завалы Молодого. Роммель написал статью, посвященную погибшему соратнику, ее предполагалось снабдить фотографией, на которой Молодой в походе, у костра, пробует варево из большого котла, и второй фотографией, где Молодой, вытянувшись в струнку и выкинув правую руку, застыл на фоне картины Васильева «Свентовит», в музее. Потом сестра Бабса обещала на работе покопаться в Интернете. Боксер, Башня и Сергей долго собирали вырезки из вражеских газет для рубрики с рабочим названием «Читая прессу врага» или что-то в этом роде, а Боксер еще писал очерк под названием «Мечты недочеловеков». Повар в поте лица работал над статьей про дивизию СС «Галичина», а Квас обещал осчастливить журнал двумя стихотворениями – «Русь пробуждается» и закончить-таки стихотворение «Скинхед», о котором говорилось выше: «... Он так похож на солдата и так не похож на раба...» Кроме того, ему поручили написать публицистический опус, как сказал Роммель, «что-нибудь про Гитлера», и взять на себя труд сверстать журнал, благо опыт есть. Вот он и писал про Гитлера. Квас врубил магнитофон, кассету, которую пару дней назад принес ему парень на работе, и занялся компьютером. «...Оу! Оу! Оу! О – моя Северная страна! Оу! Оу! Оу! О – моя Северная страна!.. Оу! Оу! Оу! О – моя Северная страна!

Подергивая головой в такт песне, Квас вошел в Word, открыл свой файл и стал читать написанный текст, выделенный курсивом:

«Гитлер был феноменально талантливым политиком и частодемонстрировал сверхъестественную интуицию. Но надо признать, что стратегический талант Фюрера оставлял желать лучшего. Любой человек нуждается иногда, чтобы ему говорили правду, какой бы горькой она ни была. Диктатор в этом нуждается еще больше. Искусство Вождя заключается не в том, чтобы самому вникать во все дела, это все равно невозможно, но как раз в том, чтобы подобрать компетентных, преданных ему людей, которые при случае не побоятся смело указать Вождю на промахи и ошибки. В среднековье мудрые государи держали шутов, которые под маской глупости часто говорили в лицо монарху такое, что никогда бы не осмелились сказать царедворцы, дрожа за свое положение при дворе, замки и прочее. Гитлера часто окружали люди, которые как раз и были похожи на ожиревших царедворцев. Особенно это относится к генералитету. До каких же пор германский народ мог выезжать на гениальности Фюрера?!»

И тут раздался звонок. Это был Роммель. После приветствий и поверхностного трепа Роммель перешел к делу.

– Слушай, дело такое. Смотрел вчера «Подвиг разведчика»?

Квас криво усмехнулся, вспомнив вчерашнюю беготню на работе.

– Ну как же не посмотреть... У меня же времени до жопы... А чего такое?

– Короче... ну, как сказать? Слушай – есть информация, что в одном дворе клоуны мутят что-то вроде бригады, чисто чтобы скинов мочить.

– Да ну? В натуре, что ли?

– В том-то и дело. Там девчонка одна живет, подружка одной соски из института. Она и проболталась. Неплохо бы разузнать, серьезно это у них или так, обычное клоунское ля-ля.

– Засланный казачок нужен?

– Так точно.

– Мгм... И чего это за девчонка?

– В смысле?

– Она рэперша?

– Нет... Просто во дворе этом живет, знает этих козлов. Я ее погрузил, она согласна нам поспособствовать. Тут узнать нужно, если просто выебываются, то хер с ними, а если чего-то серьезно... – Роммель хмыкнул. – Придется вмешаться.

– Слушай, Роммель, а не проще ли просто приехать туда и всех их завалить?

– Квас, ты меня знаешь, я сам повалить любитель, но валить-то с умом надо. Можно, конечно, поехать, вот, когда у них собрание, и всех там повалить. А если грохнем кого-нибудь случайно, ты же знаешь настрой бригады после Молодого... А зацепка-то есть. Эта дура. Черт ее знает, как она себя поведет, если мы там кого-нибудь грохнем, может, в ментовку побежит каяться. Она же дура зеленая – думает, что это так чисто, вроде «Зарницы».

А так, смотри – она тебя как своего отрекомендует, побазаришь с ними, а потом нам скажешь, чо за уроды... Квас молча курил некоторое время.

– Хм... А чего я, один буду?

– Так все остальные-то – с нулевкой. И потом, смотри сам – ну кто, Аякс, Башня, Повар, Серега – у них на лбу написано, из какой стаи рысь. Бабс с Боксером – ну, сам знаешь, классные ребята, но... помнишь, да, как Бабе на Манежку в разведку ходил? Будут здороваться с ними, за руку не так возьмутся¹⁷ или взбзднут чего-нибудь не то – и пиздец... А потом, Квас, какая тебе разница – один ты или вас двое? Если они чего-нибудь пронюхают – все равно же не отмахаетесь...

– Слышь, Роммель, а я ведь про рэперов-то ни хрена не знаю – ни сленга ихнего, ни групп. Они меня сразу же раскусят. Вот если бы они к нам кого-нибудь заслали – мы бы ведь его тут же бы раскололи.

– А это, кстати, не доказано. Среди наших тоже чайников полно. И потом, чего ты думаешь, будут они там тебя допрашивать – третья песня от конца второго альбома Айс Кьюба, что ли? На сколько пальцев козырек бейсболки от глаз?

– А на сколько?

– Да это я так, глумлюсь... Нет, просто так тоже, конечно, идти не стоит... Но у меня тут два журнала завалялись – «Rap Press», изъяли у одного клоуна на Горбухе, помнишь, там еще статья про нас была?

– Ну да.

– Ну вот. Прочитаешь их, там группы их нелепые, словарик, вообще, там есть чего почерпнуть, ну и хватит... Как, поедешь?

– Пум-пум-пум, – пошумел губами Квас. – Главное, после каждого слова прибавлять «йю!»». А, хрен с вами, серые пятна! За Молодого.

– Ну и отлично. Слушай, тогда давай забиваться? Я тебе тогда и журналы, и трубы привезу.

– А трубы-то у тебя откуда?

– Трофей. Да тогда, помнишь... блин, тебя же не было тогда... Ну, после сорока дней, ты домой поехал, а мы с клоуна штанишки тогда сняли. Наверно, без яиц теперь существует, смерзлись тогда и отпали.

– Здорово будет, если один из этих свои штаны опознает...

– Да не, не бойся. Мы его так там отмудохали, что он еще полгода папу с мамой не опознает, а не то что штаны. Короче, тогда в понедельник поконкретнее поговорим, да?

– Договорились, – Квас сладко и громко зевнул. – Блин, устал я чего-то...

Распрощались.

Вечер понедельника Квас посвятил примерке труб и изучению двух номеров журнала «Rap Press». Он валялся в трубах на диване, пил чай и изучал вражескую прессу. Эпизоды, могущие послужить темой для трепа с рэперами, названия групп, альбомов и выражения сленга Квас аккуратно выписывал на листочек.

¹⁷ У националистов принято здороваться «вена в вену», то есть не за кисти, а перед локтями.

- От облудочные рожи, а! – то и дело доносилось с дивана под шелест страниц.
- Хип-хоп-культура, тьфу, блин! – сплюнул Квас, дочитав оба журнала. – Ну и мерзость!

Руки уже так и чешутся!

В ближайшую субботу у рэперов намечалось что-то вроде учредительной конференции во дворе, и Квас должен был на ней присутствовать. Все субботнее утро он мандражировал и сгорал от любопытства – живое общение с теми, кого он привык видеть в окуляр прицела, волновало.

Та самая девчушка встретила Кваса в метро, солидно припоздав минут на двадцать. Она, наверно, думала, что это что-то вроде свидания. Квас был одет в штатское, с тубусом и пакетом с парой старых тетрадей с отодранными обложками – типа, только что из института, а трубы решил не надевать. Прикинул тогда, что в клоунской одежде выглядит вообще тупо. Поэтому они нашли друг друга не сразу – девчонке-то сказали, что она встретит рэпера. Поэтому Квас, понаблюдав за невысокой изящной девочкой, явной представительницей поколения Перси, судя по шмоткам, мнущейся по станции, подошел к ней и осторожно спросил:

- Случайно, не рэпака тут ждешь? Оказалось да, его, родимого.
- Ну это я и есть... Пошли.

От метро они проехали четыре остановки на троллейбусе, вышли, причем Квас на выходе галантно подал девочке руку, и углубились во дворы.

По дороге познакомились. Квас выяснил, что девочку зовут Ксюша и что она учится в девятом классе. Наш шпион не особо был расположен трепаться, но покорно слушал болтовню про тупых учителей, подружек, мальчиков, родителей, дискотеки, пьянки и тому подобное. Себя Квас назвал Владычем.

Только начинало темнеть. Над городом посвежело. Они шли уже минут пятнадцать.

– Скоро еще? – хмуро спросил Квас, перекрывая Ксюшино щебетанье. – Нет, нет... Вот мы тут с девчонками на Поклонке тусили ...

Они подошли, наконец, к детскому саду. Его, видимо, только что сдали какой-то фирме, и работы по ремонту только начинались. А так садик был довольно ободранный. Квас брезгливо обогнул огромную лужу и первый прошел, пихнув ногой рыжую от ржавчины тяжелую калитку, попридержал ее, пока входила Ксюша, и огляделся. Серый, с подтеками на стенах, обшарпанный корпус, фанера на месте выбитых стекол первого этажа, отвратно разбухшая грязь, затопившая дорожки, как-то беспорядочно и мрачно разросшиеся кусты.

- М-да, – попытожил Квас, закуривая. – Ну и где они?
- Веранда с той стороны. Пойдем, они, наверно, уже там тусуются.
- Знаешь что, познакомишь нас, потом сошлешься на срочные дела и... – Квас не рискнул сказать «отвалишь», – ...и пойдешь домой, ладно?

Ксюша насупилась. Как же, такое представление пропустить!

– Что такое? Тебе что, Роммель об этом не говорил? – Кто?

– Ну, Денис.

– А, Денис... Не, не говорил.

– Ну, значит, забыл. Не, я тебе серьезно говорю – ты меня там смущать будешь.

Квас убедил ее, хотя аргументы хватал с неба. Он покуривал, сидя на корточках и философски глядя вверх.

– Ну что, идем?

– Сейчас докурю и пойдем, – Квас закашлялся и сплюнул мокроту. – От сволочь! Надо с этим делом завязывать. С этим куревом всю хоккейную дышалку на хрен спалю.

– Ты занимался хоккеем?

– Шесть лет. Когда в Тушино жили, в «Искру» ходил, потом переехали, в «Динамо» не взяли, класс не тот, тогда просто с ребятами на коробку ходили.

– У нас пацана в классе так ебанули на хоккее, что... Они пошли. Ксюша шла впереди, а за ней топал Квас. К этому времени порядочно стемнело. Двумя тенями они огибали детский сад с торца, и уже доносились тихие голоса.

– Вон, видишь, веранда. Сид-я-ят...

– Пошли.

На веранде и впрямь сидело шесть человек. На дощатом полу стояли три бутылки

аперитива, белели вокруг них пластиковые стаканчики. Наша парочка вошла на веранду и нашла там пятерых неслабых на вид парней и девочку. Она и еще трое были в типично рэперском прикиде, четвертый был пухлый блондин с бутылкой пива в руке, и пятый – манерный парень в костюме и галстук под расстегнутой кожаной курткой, сильно смахивающий на еврея.

– Всем хай! – бросила спутница Кваса, легкой стопой входя на веранду.

– А, Ксюха! – откликнулся один из рэперов. – Привет! Ксюша и девушка в малиновых трубах и с крошечным кожаным рюкзаком на спине поздоровались, звучно расцеловавшись. Перезнакомились. Квас скромно сел в сторонке, побалтывая аперитив в стаканчике, присматриваясь к ребятам, прислушиваясь к разговорам и освежая в голове сведения, почерпнутые из вражеского журнала.

– ...Заебали уже – то не носи, это не слушай. Да пошли они на хуй!

– Пора бы уже, пора...

– Не, ну скины – это полный отстой...

– Просто, ребята, они объединены, значит мы тоже должны объединяться, – подал голос еврейский парень, теребя галстук. Квас понял, что он тут был вроде организатора. – Добро должно быть тоже с кулаками. Они привыкли к тому, что улицы – их. Это положение надо менять. Нас тут шесть человек. Я надеюсь, тут собрались те, кто переборол страх...

– Еще двое должны попозже подвалить, – добавил один из рэперов.

– Видите, уже восемь. Они сильны тем, что собирают тупых маргиналов. Мы этого не должны бояться. Через пару-тройку акций...

«Хэ, тоже акции... Вот уроды, а?!» – отметил для себя Квас.

– ...они будут знать, что мы тоже можем бить.

– Давай со «Смоками» свяжемся, – опять влез тот же рэпер.

– У них это не система, – авторитетно ответил еврейский. – Мы должны поставить зачистки наших улиц от нацистов на поток. А потом можно будет и с ними связаться. У всех у нас есть знакомые. Поспрашивайте, может, кто знает, может, у кого во дворе скин живет какой-нибудь, где-нибудь тусуются они, что ли?

«О, это ближе к теме! – обрадовался Квас. – Такой двор я вам с удовольствием обеспечу!» Он встелился взглядом с Ксюшей. Та весело посмотрела на него. Квас подмигнул ей.

– А так, со временем, – продолжил еврейский, – неплохо бы, конечно, прямо на ихнем концерте мордобой устроить. Они после концерта идут, там половина бухие в слюни, и если собрать человек сорок таких, нормальных ребят, да неожиданно, да с перьями, да с арматурой – о-о, там такое можно устроить! А то мне один парень тут рассказывал – у них пати одна была, и туда какие-то скины-малолетки пришли, потоптались там перед входом, дали кому-то в морду, а конца дискотеки ждать не стали, ушли. И он мне так гордо об этом говорит – дескать, зассали. Я ему говорю – чем ты гордишься? Ты можешь себе представить, что наши пойдут на скиновский концерт и будут там перед входом топтаться? Да не было такого еще ни разу – их там прямо перед входом бы уложили. А тут – чисто так, свободно пришли, походили, кто-то вышел, ему ебальник начистили и ушли. А эти там, небось, сидели, кто-то сказал «скины, типа, пришли!», там от страха тряслись. Такого не должно быть! Мы пока не можем мочить их на ихних концертах, но уж на наших-то тусах... Название нашему клану я придумаю скоро, но только после первой акции...

Дальше пошли разговоры о зверствах бритоголовых. Девушка в бордовых трубах рассказала грустную историю про свою подругу. Она познакомилась в ночном клубе с каким-то арабом. Все было прекрасно, но через неделю во время романтической вечерней прогулки по яблоневому саду в Коломенском они были атакованы группой бритых. Оба надолго загремели в больницу, араб потом тут же отбыл на родину, а подружка теперь инвалид с выбитым глазом. Кроме того, она еще лечилась, или, как теперь принято говорить, реабилитировалась, так как у нее началась мания преследования и ей везде мерещились бритоголовые. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о...

Товарищ пухлого блондина от безденежья однажды решил спекулировать шмалью прямо на улице. Очень скоро прилично одетый молодой человек согласился, но предложил пройти (тут вот, недалеко совсем) к нему домой за деньгами. В тихом дворе у подъезда пятиэтажки сидело

пятеро коротко стриженных ребят в бомберах и шарфах, с которыми прилично одетый молодой человек обменялся приветствиями. Несчастный нарк не сразу понял, что попался. Потом его еще очень долго пинали тяжелыми ботинками, а прилично одетый молодой человек объяснял ему пагубное влияние наркоты на состояние генофонда нации, часто брезгливо отстраняясь, чтобы не испачкать в крови свои шикарные брюки.

Какой-то девчонке за надпись «Lady Harlem» и соответствующую картинку на футболке выбили два передних зуба в тамбуре раменской электрички, а перед этим она чисто психологически тоже не слабо натерпелась.

– А! Вот они! – прервал эти душеспитательные истории один из рэперов. – Чего-то они припозднились.

В рассеянном металлическом свете дальнего фонаря было видно, как к веранде приближаются две плотные фигуры. Квас спокойно смотрел на них, болтая стаканчиком с аперитивом. Он допивал свой первый, единственный стакан. Остальная компания себя особо не урезывала, а дамы вообще уже успели подкуриться. Ну что, думал Квас, неплохие ребята. Трусят, правда, отчаянно, но воля к борьбе есть. И еврейстый вроде неплохой оратор. Он вспомнил, как совсем недавно читал фантастический роман «Стальная мечта». Там волей врагов положительных героев владели так называемые доминаторы. Как только доминатор погибал и его влияния исчезало, всякие мутанты обращались в бегство. Тут та же херня. Еврейстому парню надо раз и навсегда отбить охоту подымать свой облезлый хвост на скинов, а остальные – так чисто, легкий мордобой, даже до больницы можно не доводить, и все в порядке. А вот тебе, еврейчик, пробитый чердак гарантирован...

Двое новеньких здоровались со всеми на веранде. Первый дружелюбно поручался с Квасом:

– Здорово. Ну что, окропим снежок красненьким?

– Да без проблем.

Когда подошел второй и они пожимали друг другу руки, Квас понял, что попался. Это был тот самый дюжий клоун, с которым он тогда сцепился в Некрасове. Рука рэпера при рукопожатии чуть дрогнула, а может, это дрогнула рука самого Кваса. Скорей всего, рэпер помнит его.

Квас устало вздохнул. Да уж, нормально! Ему стало обидно – в такой огромной пыльной клоаке, как Москва, они после того шоу в Некрасове могли прожить до седых волос и ни разу не встретиться, как и дети их, и внуки, и правнуки... Чья же злая воля столкнула их опять? Это долбаное Хуево-Кукуево-Некрасове так далеко отсюда! Как он сюда попал, мать его?!

– О! – деланно-обрадовано начал ветеран из Некрасове. – Какие люди! Скинов долбить собрался, да?!

На веранде примолкли. Ксюша, дура такая, выдав себя, тут же свинтила – тусоваться на веранде ей почему-то резко расхотелось.

Квас пружинисто вскочил – и они сцепились.

Немая сцена – присутствующие въезжали в ситуацию.

– Ты чего, охуел? – кто-то робко подал голос. – Это же свой...

История, как известно, развивается спирально, и если сложить спираль на одной плоскости, некоторые события из разных эпох могут совпадать. Эта теория теперь сошла бы для Кваса за прописную истину. Снова было, как в Некрасове, но теперь они поменялись ролями. Теперь уже Квас спасал свою шкуру изо всех сил. Еще хорошо, что чертов рэпер не отвечает своим – только пыхтит. Квас вырвался – рэпер хлопнулся на одно колено и страдальчески заорал:

– Хули вы смотрите? Какой он свой?! Это бритый из Некрасова!!!

Презирая калитку, Квас одним махом перемахнул через забор. Пакет с тетрадками и тубусом остался валяться на веранде – не до него, в самом деле. Он оторвался бы, но банально свалился в грязь. Его не накрыли, но теперь уже не выпускали из виду. В погоне не приняли участия, кажется, только оратор и подкуренная девчушка. Квас рассекал надвое вечерние дворы, мотался из стороны в сторону, без всякой логики. Района он все равно не знал. Это по фигу – главное, оторваться, а там не пропадет, не маленький. Сзади глухо дробились шаги врагов. Гонка по темным дворам скоро потеряла свою стремительность и превратилась в тест

на выносливость. Они даже переругивались иногда. Квасу короткими отрывистыми фразами расписывали, что с ним сделают, когда поймают. Его ответы носили порнушный характер. Все они касались интимной жизни рэперов с неграми, цунарефами и между собой. Квас начал задыхаться. Преследователи, хотя поддатые, но не отставали. И тут Судьба подарила ему шанс. Его обидчик из Некрасове, державшийся позади всех, вдруг споткнулся о бордюр и шумно растянулся на асфальте. Остальные машинально остановились на его крик. Квас зажал себя в кулак и рванулся вперед. Легкие уже почти рвутся, каждый вдох-выдох обжигает гортань, мокрота закипает во рту, как кипяток, – наплевать на это. Квас, же почти не видя ничего по сторонам, бросился из двора, и тут же угодил под машину.

Преследователи, посмотрев на понемногу собирающихся зевак и человека, лежащего ничком, разбросав ноги, на освещенном задними фарами пяточке, решили сваливать, не дожидаясь сирены. Их работу сделал очкастый водила на красной «копейке», который так ловко, на излете, зацепил Кваса. Сейчас он доказывал наскокивающим на него нескольким правдолюбцам, что «парень, идиот, сам вылетел, как бешеный, под колеса». Правдолюбцы с удовольствием уже в десятый раз записывали номер машины и сулили мужику, что в милиции ему сейчас покажут, как пацанов сбивать. Точно так же, как совсем недавно на веранде ходили страшилки о скинах, теперь по толпе шелестели истории о потерявших всякую совесть водителях. Приехавшая «скорая» забрала слабо ворочающегося Кваса где-то через пятнадцать минут.

ГЛАВА 9

Где-то через две недели на том самом месте в метро, где Квас знакомился с Ксюшей, та же Ксюша встретила группу обритых под абсолютный ноль ребят, одетых в бомбера и черные форменные штаны, заправленные в тяжелые «берцы». Это бригада вышла мстить за Кваса.

Точно так же, как Ксюша с Квасом когда-то, они вышли из метро и пошли к автобусным остановкам. Впереди парой шли Роммель и Ксюша.

– Чего, напряги какие-то, что ли? – спросил Роммель. И добавил, выслушав сбивчивый ответ. – Пра-авильно. Надо было головой думать, а не попкой. Конечно, они поняли, что ты навела... Ладно, успокойся, не тронут они тебя. Там же, говоришь, тусуются? Там, да? От идиоты.

– А как с Владычем? – спросила Ксюша.

– С кем? А, он тебе Владычем назвался? Да, у него отчество такое. Не, у него Квас кликуха по натуре. Нормально, до свадьбы заживет. Не, серьезно, поправляется потихоньку. Да, хреново там тогда получилось...

Подошел Бабс и легонько ткнул Роммеля в локоть. Оказывается, этим поздним вечером на остановке одиноко стояла девушка, а вокруг нее вился поддатый, но приличный по виду мужик. Приставал пока культурно, без рук. Автобуса все не было, и бригада откровенно развлекалась. И тут случилось такое – плотная женщина с детской коляской и маленькой собачкой приблизилась из темноты к ухажеру. А он этого не видел, покоренный прелестью звонкой юности. Женщина надвинулась на него и без лишних слов пару раз залепила по кумполу. Бригада откровенно рассмеялась. Роммель авторитетно предположил, что это жена. Жена взяла мужика и потащила за шкурку в темноту. Собачка противно тьякала. Мужик, оглянувшись на здоровый доброжелательный смех, пояснил:

– А это заботливая жена!

После чего схлопотал так, что рванулся вперед, как пуля. Девушка поймала машину, а бригада еще очень долго обсасывала это происшествие.

– Жалко, камеры нет, – сказал Роммель. – Отослали бы в «Вы – очевидец» либо в «Сам Себе Режиссер», кассет бы коробок на халяву схватили бы.

– А прикиньте, чего сейчас мужику дома будет?

– А что, нормально... Скалкой его, скалкой...

– Надо будет завтра с утра «Дорожный патруль» посмотреть...

Наконец подошел автобус. Они погрузились. Роммель сел рядом с Ксюшей.

– Слушай, Ксюш, чего ты с этим дерьмом тусуешь-ся? Давай лучше с нами, теперь все

равно тебе с ними делать нечего. Ты смотри, какие у нас ребята, прямо гроза гимназисткам. Выбирай любого. Поехали в эту субботу с нами к Квасу в больницу. Только шамаль всякую забрось – у нас с этим строго! С девочками нашими познакомишься...

На той веранде рэперов не оказалось.

– Тьфу ты, твою мать! – выругался Бабс. – Я так и знал!

– Чего ты знал? Ксюш, где они еще могут быть?

– Если не на веранде, то у Касты в подъезде.

– Пошли.

Ксюша ошиблась. Компания сидела не в подъезде, а перед ним.

– От они, голубчики... Так, Ксюш, возвращайся и жди нас у остановки, знаешь, у какой, да? – тихо распорядился Роммель.

Он надел на руку в тонкой кожаной перчатке массивный кастет. То же сделал и Бабе.

– Пошли.

Скины надвинулись на сидевших все разом, отрезая пути к бегству. Бригада пошла в атаку скорым шагом, в ногу, молча и неотвратно, как смерть.

– Ку-ку, обезьянки! – бросил, уже подойдя вплотную к врагам, Роммель. – Мы идем!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

«...Следующей повесили Клару Петаччи. Раздался женский визг. На несколько секунд, пока тела покачивались в прозрачном утреннем воздухе, воцарилась странная тишина. Крики и смешки прекратились. На мгновение лица стали серьезными и задумчивыми. Мы все вдруг почувствовали, как в воздухе повисло тягостное ожидание. Как будто мы погрузились в сон. Очнувшись от которого, мы обнаружили мир прежним. Казалось, что в течение нескольких секунд мы все осознали, что Дуче, наконец, мертв. Что он казнен без суда и что наступит час, когда все мы вместо унижений и оскорблений будем воздавать ему почести как герою и возносить в молитвах как святого...»

Квас пошарил по одеялу, нащупал пластиковую линейку, которую использовал как закладку, заложил страницу и захлопнул книгу. Он встал, быстро оделся и аккуратно заправил кровать. Стараясь не шуметь, подошел к холодильнику, вынул коробку с соком, поболтал ее и резко допил остатки. Было субботнее утро, и все в палате еще спали. Крадучись, Квас вернулся к своей тумбочке, достал пасту, щетку, полотенце, бритву и сигареты и так же, на мысках кроссовок, легко прихрамывая, вышел из палаты. Квас поправлялся.

Окатившись до пояса и побрившись, он вылез покурить на балкон. На свежем утреннем весеннем воздухе сигарета казалась необыкновенно вкусной. Квас сидел минут пятнадцать на потрепанной банкетке, привалившись к белой стене, смакуя каждую затяжку, ловя молодые лучи солнца и радуясь утренней разноголосице птиц больничного сквера. Их чаще и чаще прерывал шум пробуждающегося огромного города. Много лиц у этого города, много жизней, уровней, лабиринтов, как в огромном доме. Есть в нем светлые залы, и чердаки, и чуланы, куда лучше не соваться.

В палате, куда Квас вернулся, помахивая полотенцем, все так же было тихо. Не спал только благообразный пожилой мужичок Николай. Он сидел на постели и из-за очков на желтом пергаментном носу читал толстую синюю книгу.

– С добрым утром! – тихо сказал Квас. – Коль, я окошко открою?

Квас медленно потянул за веревку, и форточка тихо откинулась. В палату, пропахшую за ночь больницей, потек хрустальный колкий сквознячок, и плавно зашевелилась салфетка, покрывавшая стакан с водой на тумбочке у окна.

– Во, совсем другое дело! – Квас сел на кровать и зевнул. – Николай, хорош читать, может, продолжим?

На полу, между их кроватями, стояла шахматная доска с недоигранной с вечера партией.

Квас осторожно поднял доску и поставил на стул.

– Чей ход?

– Твой, Дим.

– Ага, так... Я уж не помню, чего там было. Ладно, вот.

Народ в палате зашевелился, двое с противоположной стороны потянулись в ванну. Игорь, молодой парень-шофер, проходя, включил маленький телевизор на холодильнике. Они играли до завтрака. После завтрака, после нехитрой больничной еды, Николай опять уткнулся в том Агаты Кристи, а Квас, нарезав ломтиками два больших яблока, завалился на кровать и углубился в биографию Муссолини. В субботу обычно его кто-нибудь навещал. Иногда приходили и в будни, но в субботу уж сто пудов. Сегодня мать прийти не сможет, поэтому он просигналил своим, чтобы подогнали машинку – оболваниться.

«...Сегодня (в мысли Кваса о трагедии Дуче вплыл звонкий голосок ведущей десятичасовых новостей) пресс-служба вооруженных сил стран НАТО в Косово подтвердила поступавшие ранее сообщения о нанесении нескольких ракетно-бомбовых ударов по позициям сербской полиции и спецназа в районе Приштины. По словам представителя пресс-центра сил НАТО в Косово, все точечные удары достигли своих целей. Все сообщения о многочисленных жертвах среди мирного населения, в том числе и албанского, о разрушении православного монастыря XVI века, а также информацию об уничтожении сербскими ПВО бомбардировщика «СТЕЛЛС» представитель пресс-центра назвал «легкомысленными и несоответствующими действительности...»

– Нормально, – изрек Квас. – Янки совсем оборзели... Приятно, что хоть «СТЕЛЛС» то ихний подшибли...

– Да, блядь, сучара! – отозвались с крайней койки. – Я б их за яйца всех повесил! Косово же – это же вроде сербские земли-то...

– Почему наши им не помогают?

– Черномырдин – козел!

Дальше пошла дискуссия про Сербию, и молодой басок Кваса прекрасно вплеся в общий тон голосов, жаждущих американской крови.

Вошла сестричка.

– Разорались... Дим, к тебе там пришли.

– Ко мне? – вскинулся подкачанный паренек у окна, довольно молчаливый.

– Нее-е, к тебе, Димка, к Никодимову.

Квас почесал репу, взял сигареты и пошел из палаты. Сестричка легонько толкнула его локотком и уважительно подняла брови. Сердце Кваса заплясало в радостном предчувствии.

Квас вывалился из палаты и – вот оно! Суббота началась лучше некуда! У сестринского поста стояла Инна, из плоти и крови, в накинутом белом халате и двумя явно не пустыми пакетами, прислоненными к стене. В одном из них красиво вырисовывались апельсины, и виноград, и еще что-то, и еще... Она стояла спиной к нему, ожидая Кваса из палаты интенсивной терапии. За последнюю неделю здорово потеплело, и Квас если бы не посмотрел на градусник в палате, то понял бы это сейчас – Инна была одета довольно легко. Он с удовольствием полюбовался ее грациозной фигуркой, а потом тихо двинулся вперед.

Квас медленно подкрался сзади и необыкновенно нежно сказал:

– Всю жизнь работать на аптеку будешь! Инна вздрогнула и развернулась.

– Пфф-ф... Приветик! – Они легко поцеловались. – Откуда это ты вылез?

– Меня в обычную палату перевели. Скоро выпишут! – похвастался Квас. – Инн, погоди минуту, сейчас я все это дело в палату перетащу. – Он заглянул в пакет и присвистнул. – Нн-нууу.. Ух! Ты прям меня балуешь! Спасибо.

Квас легонько поцеловал ее в шею под ухом. Инна потрепала его по обросшей голове.

– Оброс наконец-то. А кстати, тебе так лучше!

– Ладно, пошел я, – Квас взялся за пакеты. – Жди меня и я вернусь. Только очень жди!

Инна весело кивнула. Квас, когда вернулся, карманы его спортивной куртки оттопыривались – там лежали два апельсина.

– Итак, Инна, я весь твой. Пойдем сначала покурим на балкон?

Они вышли на залитый солнцем балкон, где Квас кайфовал утром. Там курили два парня

из сороковой палаты, но они деликатно закруглились и вышли, Квас поручкался с обоими по очереди.

– Здорово! – протянул Квас, прикуривая.

– Здорово! – повторил он, протягивая девушке зажигалку.

– Такая погода, а ты в больнице, не обидно?

– У, еще как! Ну, ничего, скоро все мое будет – на этой неделе выписывают!

– Правда? – Инна слегка отодвинулась. – Да, ты выглядишь лучше, чем в тот раз.

– Ну, так еще бы, на здешних харчах-то...

В Квасе разом поднималось все что можно.

– Инна, – он придвинулся к ней. – Спасибо, правда!

– За что?

– Ну как, это... – Квас помялся. – Типа, помнишь же, как у нас все начиналось? Я, честно, и не думал, что ты придешь. А ты, видишь, не забыла...

– Чего это тебя вдруг потянуло? Я у тебя уже пятый раз...

– А может, мне хочется тебе в жилетку поплакаться? Я же так всегда скучаю по тебе...

Они поцеловались.

– Я же тогда так перепугалась, ты не поверишь! Я звоню – мне отец твой говорит, он, мол, в больнице. Я – что такое?! Он подрался и попал под машину. Я просто в шоке была!

– А, отец у меня молодец! – гордо сказал Квас. – Любит чего-нибудь по телефону ляпнуть, а потом у людей крыша едет!

– Я тогда – когда это случилось? Что с ним, серьезно ли? В какой больнице лежит? И в первую же субботу поехала. – Инна обняла его. – Мне потом так хреново было... Так тебя жалко было... А ты помнишь, как я приезжала?

– Конечно, – Квас курил, глядя себе под ноги. – Это было, когда я тебя увидел... Ну, я не могу сказать, когда я понял, что ты приехала, это просто пиздец. Это прям, знаешь, у меня тогда сил прибавилось... А все-таки, почему ты приехала тогда?

– На комплимент набиваешься? Ну хорошо – я же уже до твоей этой дебильной драки говорила – ты для меня уже не приключение. Я думала над этим раньше, но когда ты в больницу загремел... А потом когда я тебя увидела здесь, я поняла – я тебя люблю, Митька.

Квас резко перешел в наступление.

– Тихо, тихо, что ты? Пойдем лучше в сквер спустимся, а то ходят тут всякие... – Вторая ее рука путешествовала под его футболкой.

Квас отвалился от нее, отдуваясь.

– Инна, ты... Я... Я всегда говорил тебе, помнишь – Инна, ты – прелесть!

– Помню, помню. Можно вам в сквер сходить погулять?

– Да я... – Квас весь надулся, как аэростат. – Да я им тут всю больницу разнесу на хрен, если мне в сквер не дадут выйти!

– Ну пошли...

Они спустились вниз на лифте и под ручку прошли по залитой солнцем маленькой аллейке сквера. Даже загаженные городской пылью листья деревьев светились глубоким изумрудным тоном.

– Ну вон, пошли, вроде неплохая лавка! Лавочка, какая-то родная и теплая, как все неновые деревянные вещи, притулилась за пышным пучком кустов. Но Квас отметил про себя, что с лавочки видна вся аллея и своих, если они придут, он не проморгает. Для начала он достал спрятанный сложенный лист бумаги и показал Инне.

– Во. Это я для тебя вчера рисовал!

На листе была довольно толково нарисована черной ручкой сценка в обычном романтическом стиле Кваса, если он рисовал на подарок – здоровенный скинхед при полном параде и миниатюрная девушка с развевающимися волосами идут в обнимку, и в белых облачках, вроде как в комиксах, были отражены их мысли.

– А чего тут по-немецки написано?

– А чтоб красиво и непонятно было...

– И чего же тут написано?

– Ну, короче, скин думает о девушке – мол, люблю ее, как Родину, а она думает – типа, он

настоящий рыцарь!

– Спасибо, солнышко...

– Тихо! – прервал ее Квас. – Вот оно, вот оно, на хую намотано... Полюбуйся! Правда, красиво?

Инна, затянувшись сигаретой, проследила за рукой Кваса. По аллее сквера, мерно попирая горячий асфальт начищенными высокими берцами, под взглядами встречных и обгоняемых ими людей, быстро шла группа из пяти парней. Выделялся шедший последним массивный здоровяк в черном, его коротко остриженная щетина на черепе золотилась на солнце. Они тащили три явно не пустых пакета.

– Твоя, что ли, гвардия? – спросила Инна, выпуская дым.

– Ну да! – с гордостью за воинственный вид друзей ответил Квас. – Пришли, типа, соратника проведать!

Четверых ты знаешь, помнишь, на даче тогда? Передний с челочкой – Роммель, за ним с пакетом – Серега, прикуривает Боксер, и пончик ходячий в подтяжках – Бабс. А этого качка в черном я первый раз вижу.

Квас свистнул. Ребята заметили его и направились к лавке. Квас поднялся со скамейки и шагнул им навстречу. Резко вскинулись вверх пять правых рук, и отвечая друзьям, Квас с удовольствием сделал отмашку. Бездельничая в больнице, он стосковался по этому жесту и сейчас выполнил его не чуть небрежно, как обычно, а картинно четко.

– Слава России! – раздельно произнес Квас.

– Слава России! – ответили ему пять голосов. Они сошлись и пошли рукопожатия.

– Здорово, мужики!

– Привет! Как сам? – сказал Серега, деловито опуская на травку пакет. Там соблазнительно звякнули бутылки. Все вразной поздоровались с Инной.

– Здравствуй, т-товарищ! – пафосно сказал Ром-мель. – Вон ты где отвисаешь!

– А мы думали, – начал в своей обычной манере Серега. – Квас там лежит весь забинтованный, страдает, понимаешь, на колясочке его катают, утку под него сестричка красивая подсовывает, а он тут, п-понимаешь, развлекается!

– Да вы симулянт, т-товарищ! – так же пафосно продолжил Роммель. – Мы, понимаешь, там за нацию сражаемся, а он тут устроился... Познакомься, Квас, – уже своим обычным голосом продолжил Роммель. – Наш новый соратник.

Роммель указал на здоровяка в черном. Квас с ним поручкался еще раз.

– Квас.

– Пряничный Слон.

– Очень приятно. Ну Слон – это еще понятно, а почему Пряничный?

– А я пряники обожаю.

– У-у, коллега! Я тоже. А тебе какие больше нравятся?

– Тульские.

– Аналогично. Ты уже с Роммелем работал?

– Слон – пафосный боец! – ответил Боксер. – Сейчас расскажем. Пойдем на травку, пивка поьем. Смотри, мы тут тебе принесли кой-чего.

– Блин, уж не знаю, куда все это пихать. Завтра еще мать приедет, тоже привезет хавки всякой. Опять вчера мужик приезжал, который меня сбил, тоже привез гостинцев всяких. Инна сегодня фруктов всяких привезла, мне прям в палате стыдно – у нас к двоим вообще никто не приходит...

– А ты б поделился...

– Я делюсь, но блин, у людей тоже гордость... О, мужики, у меня идея – пошли ко мне, фруктов поедим!

– Да ладно, Квас, кушай сам! У тебя после аварии-то стоит?

– Стоит, а как же?

– А действует?

– Да не знаю я, еще не проверял... Отвали, Серега! Тебя-то это чего так волнует?

– А как же, т-товарищ? – влез Роммель. – Скин должен быть идеалом мужчины! Это пусть у модной молодежи через наркоту все не стоит, а у скина все должно работать, понятно? А ты

на него так и не написал заявление?

– Я же говорил, что нет! А на хрен надо?

– А у меня была мыслишка на бабосы его поставить, тогда бы с журналом проблем бы не было.

– Чего, с дуба рухнул?! Русский мужик, на фига его на бабки ставить?! А если деньги позарез нужны, то Москва – город, набитый деньгами, и они у тех, у кого эти бабки отобрать – вполне праведное дело... Да он и не виноват вовсе... – Квас поднял пакеты и отложил в сторонку – на травку. – А чего тут?

– Да сок, фруктов там, всего по децилу...

– Спасибо. Пивко-то как, холодное?

– Базаришь?!

– А машинку привезли?

– У, блин, забыли!

– Ну ладно, хрен с ней... Ну что, ты-т-товарищи? По пивку? Инна, посидишь с нами?

Инна сказала, что спасибо, но ей уже пора.

– Жалко. Я провожу тебя. Подождите мужики, ладно?

Они пошли к калитке.

– Инн, а чего ты? – слегка встревоженно спросил Квас. – Посидели бы щас... Инн, ты не обиделась?

– Да нет, просто к тебе друзья приехали, чего я тут буду – при мне не поговорите толком...

Квас сплюнул – такая робость для нее необычна. Он чувствовал подвох. Некоторое время они шли молча и так, молча дошли до калитки. Квас думал, чтобы такое пафосное сказать на прощание.

– Ладно, Мить, побежала я, ты когда выйдешь?

– Да к выходным уж должны отпустить... – подыграл Квас, и они прыснули...

– Я позвоню тебе. Нет, Мить, ты ничего не думай, ну просто сам понимаешь...

– Все хорошо?

– Все замечательно!

– Инна, я люблю тебя!

– Я тебя тоже.

Они поцеловались, и Квас, развернувшись, пошел к своим.

– Мить?

Квас обернулся.

– Без обид?

Квас послал ей воздушный поцелуй и помахал рукой. Чуть погодя.

– Солнышко? Инна обернулась.

– Без обид?

Она послала ему воздушный поцелуй. Они улыбнулись друг другу, и Квас пошел к своим, доставая по пути оба нетронутых апельсина.

* * *

Он пришел к своим. Друзья его, наоборот, не особенно переживали, что Инна уехала. Некоторые разговоры не предназначались для ее ушей. Скрывшись за кустами, скины расположились на травке.

– Двинь тазом! – пихнул Квас Серегу, садясь в кружок друзей.

– Да пошел ты! – отмахнулся Серега, подвинувшись. – Во, внедряется!

В траве маняще лежали запотевшие от холода бутылки «Клинского» – любимого пива бригады.

– О-о!! – Квас потер руки. – Пейти пиво с плюшками...!

– Ну что, Квас! – поднял бутылку Серега. – Выздоровливай скорее. Хох дайне либе!

Остальные подхватили:

– Хох дайне либе, хох дайне либе, Драль маль хох! Либер – хох! Либер – хох! Либер –

хох, хох, хох!

Пиво пошло в дело.

– Ну, давайте, как дела? Чем живет страна? Как журнал?

– Нормально – почти сверстали. Без тебя, конечно, помучались с этим, но ничего... Ты статью-то написал?

– Да почти... В больнице делать-то не хрена!

– Квас, статью свою прочитай, – своим обычным быстрым голосом попросил Боксер.

– Сейчас?

– А она при тебе?

– При мне, я как сердцем чуял, что вы раньше припретесь, чем Инна уйдет.

– Читай.

– Ну, тут сначала спорно, я еще буду переделывать, а вот конец вроде пафосно получился.

Слушайте:

«...Как видим, «демократия» повсеместно лишает общество над материальных стимулов для объединения, и общество превращается в джунгли. Зная тягу людей к объединению, «демократия» поощряет все виды объединения людей, зачастую явно больных – вроде ассоциации голубых и лесбиянок, но тут же рьяно обрушивается на единственно здоровые объединения – национальные. В России же сейчас поощряются и национальные объединения – любые, кроме русских. А вообще всячески пропагандируется гнилой индивидуализм – "твои проблемы – это твои проблемы, проваливай!" Сколько раз меня спрашивали "продукты новогомышления" – мол, что ты до негров докопался, тебе лично они же ничего не сделали? Им не понять, что за любую русскую еще не оперившуюся девочку, которую эти обезьяны сажают нанаркотики, у меня болит сердце, как если бы она была моей дочерью или сестрой!

Именно при «демократии» становятся популярными такие мерзости вроде – "обмани ты – или обманут тебя", "кто смел, тот и съел" и тому подобное. Конечно же, в такой мутной жиже "молодой российской демократии" самым ловким оказывается жид или цунареф. Именно этими мерзостями собственного сочинения «демократы» и оправдывают свои подлости, придавая своему картавому голосу еще интонацию ожаления – я-то, мол, хороший и добрый, но вокруг меня одни звери... А с волками, знаете ли, жить, по-волчьи, сами знаете, что делать! Белым же людям, с их генетической тягой к честности и порядку, приходится туго. Разве может быть здоровым общество, где вороватость именуется «предприимчивостью», лживость и предательство – «гибкостью» и где честные люди постепенно вымирают, как мамонты? «Демократическое» общество» таким образом поражается самыми гнусными пороками, которые старательно преподносятся как нормальные явления. Если же демократы и пытаются с чем-то бороться, например, с наркоманией, то и тут они лгут, ибо они борются со следствиями, а причины оставляют не тронутыми. Это естественно, ведь причина – они сами. Аксиома – РАДИКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРЕБУЮТ РАДИКАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ...»

«...Ну и опять старый, как мир, вопрос – кто же является самыми ярыми поклонниками демократии? И такой же старый ответ – жида. Они осознают, что где порядок и сила, там им не светит. А вот где разруха и хаос в – умах, или в сердцах, или в экономике, там для них рай. Именно поэтому они просто из нежелания терять кормушки и свои теплые норы будут гадить той нации, чьим гостеприимством они злоупотребляют. Они будут опошлять прошлое и настоящее этой нации, они будут проникать в СМИ, чтобы все события люди видели их жидовскими глазами, они будут затыкать рты и зачеркивать все, что мешает им превратить нацию в жвачное стадо. Аксиома: Демократия – выдумка жидов, чтобы с помощью абстрактных или откровенно ублюдочных идеалов погрузить Белые народы в пучину расовой и моральной деградации, привить им низменные, недочеловеческие ценности, разобщить их национальное единство, а самим питаться их трудами, оставаясь такой же объединенной бандой, как и две тысячи лет назад.

Аксиома: ГАРМОНИЯ, ПУСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ, СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ, В ИДЕАЛЕ – НАЦИОНАЛЬНОМ АВТОРИТАРИЗМЕ. ЛЮБАЯ ЖЕ ДЕМОКРАТИЯ ПОДРАЗУМЕВАЕТ ГОСПОДСТВО МЕНЬШИНСТВА НАД ТУПЫМ И АМОРФНЫМ НАРОДОМ. УЖАС «РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» В ТОМ, ЧТО РУССКИХ И ГОТОВЯТ НА РОЛЬ БЕЗЪЯЗЫКОЙ РАБОЧЕЙ МАССЫ, ОБСЛУЖИВАЮЩЕЙ

ПАРХАТУЮ «АРИСТОКРАТИЮ», И ЕСЛИ РОССИЯ НЕ ОТХАРКНЕТ ДЕМОКРАТИЮ ВМЕСТЕ С ЖИДОВСКОЙ БАЦИЛЛОЙ, ТО ЛУЧШЕ РОССИИ ВООБЩЕ ИСЧЕЗНУТЬ, ЧТОБЫ НЕ СТАТЬ ДУБИНОЙ В РУКАХ ЖИДОВ, ГОТОВОЙ ОБРУШИТЬСЯ НА СВОИХ БРАТЬЕВ ПО РАСЕ, НАШЕДШИХ В СЕБЕ СИЛЫ ПРОТИВИТЬСЯ ЖИДОВСКОЙ ВЛАСТИ, КАК ЭТО УЖЕ БЫЛО В XX ВЕКЕ».

– Фу-у! – Квас перевел дух. – Все! Ну как?

– Пафосно. Нормально, пойдет. Только, блин, она же у тебя слишком здоровая. Сократи чего-нибудь.

– Сразу видно, в больнице тебе заняться нечем...

– Ты, Квас, там хоть за сестричками-то бегаешь?

– Конечно, бегаю. Морально. Слушай, у меня за последние пять лет это единственный период, когда я могу просто валяться на кровати и ни хера не делать. Я этим так наслаждаюсь! А вот из типографии меня вышибли!

– А чего так?

– Ну видишь, я же больше месяца на работу не хожу.

– Так ты же на больничном! – возмутился Слон. Квас фыркнул.

– Ты меня сейчас внимательно слушал? Типография частная, понимаешь? Хозяин захотел, и я вылетел! Мать приходила, сказала. А в больнице я, не в больнице, его это волнует, как ты полагаешь?

– Полагаю, что нет!

– Правильно. Я тоже так полагаю. Оклемаюсь, опять работу искать, еж твою мать! А ты где работаешь?

– На заводе.

– А к вам там нельзя примазаться?

– Узнаю. Ух, хорошо! – Слон откинулся на локти. – Классные кусты! Я бы такие еще не сделал!

Квас перестал тянуть пиво и воззрился на Слона.

– В смысле?

– А ты не знаешь, Квас? А, ну да, откуда? Он же у нас моделист чертов! Модельки клеит и красит!

– Чего за модели?

– Ну эти танки всякие там...

– Да я видел в «Зените» – продаются там какие-то... Самого иногда тянуло чего-нибудь сделать... Из больницы выйду – надо будет чего-нибудь замутить...

Слон оживился. Ему нечасто выпадала возможность погрузить соратников насчет моделей: да как их клеить, да как их красить, да какие фляжки были у немцев – чаще всего ему затыкали рот раньше, чем он успевал, как следует, развернуться. Сейчас он увидел свежего человека, но Роммель и компания не дремали. Они насели на Слона, пообещав ему, что как только Квас выйдет из больницы, так сразу пополнит ряды моделистов, а сейчас, мол, не надо.

Квас увидел, что пиво допито. Медленно, они и не заметили, как солнце закрыли облака.

– Чего, все, допили...

– Тебе по шарам-то дало?

– Так, по децилу.

– Тебе не вломят за это в больнице-то?

– Да нет... Ладно, пошел я обратно...

– Пойдем.

Друзья встали и стали отряхиваться от травы.

– Бутылки возьмите, поставим у лавки – кто-нибудь возьмет...

– Пакеты-то донесешь сам?

– А куда я денусь? Короче, как приду домой, я тебе, Роммель, сразу позвоню, уже поконкретней поговорим, чего будем дальше делать... Ладно, спасибо, что пришли, пошел я...

– Ладно, Квас, давай выздоравливай, и мы еще оттянемся на чурбанах! Слава России!

– Зиг Хайль! – ответил Квас и с двумя пакетами в руках побрел обратно. Ветерок усиливался, поднимал пыль. Наверняка скоро ливанет – небо быстро мутнело, уже порывкивали

далекие раскаты грома.

Квас вернулся в палату и разобрался с гостинцами. Читать не хотелось, баловаться шахматиками тоже. Обедать он не пошел – «подметал» приношения любимой девушки и боевых соратников. Только-только Квас вышел после обеда покурить на балкон, где так здорово курил утром – вот тут и ливануло. Неизвестно к чему, он вспомнил, как однажды вот в такую же точно погоду они разом накинулись на толпу рэперов у какого-то ДК в Капотне, жавшихся от дождя под козырьком подъезда. Лидер орет: «Прыгаем!!!», и толпа рвется волной вперед, и пошла, и все быстрее, быстрее, разбрызгивая лужи. И Квасов всяких там уже нет, это скользит в атаку броненосец, отвсечивающий мокрой тканью бомберов и камуфляжей, оглушающий врага топотом одинаково обутой ног. И их уже не остановить. Кто их может остановить? Во имя какой идеи, кто осмелится встать на пути их, упоенных чувством единства и экстазом самоотречения? Уж конечно, не модная молодежь! Все разом срываются и вперед! И тогда – страшно... После обеда он завалился спать.

ГЛАВА 2

Квас вернулся домой в среду утром с тремя пакетами: куртка, в которой он был в тот вечер, когда играл в Штирлица, спортивный костюм и вещи его больничного обихода – кроссовки в газете, шлепанцы, два полотенца, щетка с пастой, мыльница, колода карт, кипятильник, бритва, лосьон для бритья, тетрадь (по мелочи маракал для своей повести и рисовал) и две книжки. В третьем пакете, с картами, тетрадь и книжками, лежали два леща и полуторалитровая «титка» пива – Квас решил слегка отметить свое возвращение в родную берлогу.

Родная берлога встретила его тишиной – родители, понятное дело, были на работе. Легкой рысцой влетела в прихожую Лиска – она всегда встречала пришедших.

– Здорово, кошка! – бодро бросил ей хозяин, вскидывая на руки. Он чаще назвал ее именно так, а не по имени – так почему-то больше нравилось. – Давненько не виделись!

Лиска тыкалась мордой Квасу в лицо, посвистывая носом и легонько щекоча усами.

– Что, улицей пахнет? – Квас погладил ее, а потом нежно опустил на пол. – Ну ладно, беги!

Квас прошел к себе, по пути зайдя в туалет и проверив кошкнн песочек – привычка. Песочек был в порядке. В комнате было прибрано – сразу ясно, что убиралась мать. Так там было тепло и уютно. Квас представлял, как неторопливо, любовно она прибирается в комнате сына, волнуясь о нем, жалея. И как непохоже прибирался он – часто запихивал вещи в шкафы просто для того, чтобы с глаз долой. Глаза не мозолят кое-как скинутые джинсы – и все в порядке. Даже монитор компьютера был протерт, даже клавиатура под прозрачным чехлом! Полтора месяца назад она была порядочно захватана – а теперь клавиши сияли первозданной белизной. Вся наглядная агитация осталась на привычных местах, так же на вернувшемся Кваса впери́л свой пристальный взор барон Унгерн, но было и кое-что новенькое – маленькая копия с картины Васильева, той самой, которая нравилась Квасу больше всех. Картина называлась «Свентовит».

Отмечать свое возвращение домой Квас, прихватив магнитофончик, отправился на солнечную большую лоджию. Он завел своего любимого Ренике..

И тут же, перебрав своих друзей, и помянув убитого в бою Молодого, Квас вспомнил тот вечер в ночном клубе. Его туда вытащи́ла Инна, хрен ее знает, зачем. То есть зачем, можно предположить, но это было еще тогда, когда она еще не просекла его до конца, не знала, что Квас – фанатик.

Квас чувствовал себя как красавец-окунь, выдернутый из зеленоватой толщи воды на ноздреватый лед, посыпанный рыбьей чешуей, выдернутый безжалостной и профессиональной подсечкой. Когда его потом спросили соратники, как там было, он просто ответил: «Мутно» – и от него отстали. Для развлечения публики часто выбегал человек в костюме огромной оранжевой свиньи с множеством лифчиков, будто освещая своим присутствием этот пир во время чумы. Ярко-оранжевое пятно металось среди сумасшедшего угара, мелькало среди танцующих, его поглощал искусственный дым, потом свинья

выскакивала, выволакивала людей из-за столиков, лапала девок, хлебала шампанское, дурачилась. То и дело мимо их столика тащились явно обдолбанные парни и девицы, тут же шныряло несколько лоснящихся от пота негров. Было много холеных самодовольных крикливых кавказцев. Ну и тупые бычки со своими девушками, ясное дело. Быстрый переход из грязи в князи произошел, но все было написано у них на лицах. Недавние гоп-стопники и продавщицы второсортных магазинов. Тут же колбасилась модная золотая молодежь. «Фейс-контроль!» – Квас тогда выругался и сплюнул. На сцену выбежали мускулистый, черный, как сапог, негр и ослепительно-белая блондинка с микрофоном у рта, видимо, чтобы на весь зал победно разносились ее охи-вздохи. Все сборище приветствовало их животный танец воплями и улюлюканьем. «Хоть бы кто-нибудь бутылку запустил!» – надеялся Квас. Нет, не запустил никто. Весь этот цветастый суп варился в собственном соку, жрал и веселился, трахался и ширялся, лез в бычку друг на друга, верно, воображая себя хозяевами жизни, воображая, что этот угар будет длиться без конца. Не, они не понимали, что нельзя бесконечно плясать на костях, что Москва, как яркий прыщ на теле России, как золотая заплатка на дерюге, долго не продержится. Что очень скоро придется расплачиваться – за все, голубчики, за все! А сейчас Квас дорого бы дал, чтобы и менты, и мордovorоты-секьюрити, то и дело пресекавшие конфликты между бычками, испарились хоть бы на час, на два, и тогда с пятьюдесятью соратниками они одним махом смели бы с лица земли всю эту зажавшуюся нечисть. Квас пригубил пиво, прикрыл глаза и живо представил – боевой клич ворвавшихся в зал скинхедов, звон стекол, грохот переворачиваемых столов, мат, топот кованых ботинок, стоны хачей и визг проституток, животные предсмертные вопли негров. Никакого огнестрельного оружия, господ! Только заточки, кастеты, ножи – сегодня на нашей улице праздник! Гулять так гулять!

Квасу было хорошо сейчас. Он сидел один, неторопливо чистил леща, прихлебывал пивко из старой оловянной пивной кружки (подарок, который его деду-освободителю приподнесли представители германского народа, благодарного за освобождение от гитлеровской тирании или свидетельство того, что советская армия в Германии не грабила), тихо радовался солнышку и редкому освежающему ветерку, слушал веселый гомон детей на площадке, курил свою обычную «Тройку». Квас был один и ему было хорошо. Просто сейчас он наслаждался тем, что он опять дома, что не надо никуда бежать, что еще пару недель все будет, как сейчас – отличная погода и уйма свободного времени.

Он ошибся. Вечером затрещал телефон – лаконичный разговор, и все вернулось на круги своя.

* * *

Они встретились в субботу и при встрече невольно улыбнулись друг другу. Как понятие «при полном параде» они понимали одинаково – бомбер или камуфляжная куртка, подвернутые светло-синие или, в крайнем случае, черные джинсы или опять же камуфляжные штаны, подтяжки, гриндера или просто внушительные берцы, так и понятие «одеться в удотское» они поняли тоже одинаково – оба оделись в светлые джинсы, почти одинаковые туфли, белые тенниски и черные джинсовые куртки. Оба же держали в руках одинаковое пиво. Все это напоминало какую-то идиотскую гражданскую полууниформу. Они вспомнили, как Роммель давно еще заметил, что бригада, косящая под штатских, выглядит еще ужаснее, чем когда шествует при полном параде. Так – скины и скины, гражданам славянской национальности, не похожим на любителей музыки черных трущоб, можно не пугаться. А так – идет какая-то кодла, явно чего-то скрывает, и чего ждать от них – неизвестно.

- Куда едем-то? – спросил Квас.
- Роммель всех у Слона собирает. Чего-то замутил.
- Но сегодня валить никого не будем?
- В светлых джинсах?! – пафосно спросил Сергей.
- Куда нам сейчас?
- Первомайская.

Когда они приехали на место, там их ждали Аякс, Башня и Бабс. Кваса они встретили радостным криком и шумным похлопыванием по спине. Начались разговоры про больницу и

смачные воспоминания о расправе над теми, из-за кого Квас туда загремел. Потом Башня сообщил, что Роммель, Боксер, Морковка уже у Слона на хате, с ними какой-то боец из слоновской конторы, который должен сейчас подойти и забрать их, и что остальные, Штурм, Упырь, Сова и Иван со своей командой, будут оповещены обо всем отдельно.

– Чтобы всей толпой на хате не отсвечивать, – объяснил Башня.

Боец из слоновской конторы, который пришел за компанией, усиленно изображающей из себя кучку обывателей, оказался невысоким крепеньким пареньком со светлой прической «а-ля рейсхвер». До логова Слона он не проронил ни слова.

Хрущеба, где жил Слон, укрылась в тихом патриархальном дворике с грязно-бежевой котельной с фанатскими граффити, пыльной листвой кустарников, рядами ракушек, расплзшейся помойкой, столиком для домино, где пенсионеры забивали «козла», и детской площадкой. На ней валялось столько всевозможных бутылок, что сразу становилось ясно, что вечером дворик вовсе не тихий и не патриархальный.

В квартире Слона было, как ни странно, тихо, только с кухни доносились негромкие голоса и редкое позвякиванье кружек. Компанию встретил Слон, выглядевший мирно и по-домашнему, показал, куда вешать куртки, и провел в свою комнату.

– Чай будете?

– Давай.

– Сейчас, подождите.

Квас увидел, что комната Слона была меньше, светлее и скромнее, чем у него. Никакой яркой агитации по стенам развешено не было, икона в углу, в книжном шкафу рядами стояла «Жизнь замечательных людей» и все в таком роде, и вообще нельзя было сказать, что за человек живет в этой комнате, если бы не плакат с Кувалдиным над столом и флажок РНСС на книжной полке. «Да, – решил Квас. – Мне тоже так надо. Хватит, поигрались. Скромность украшает. Оставлю только Васильева...»

Еще была на столе большая цветная фотография, на которой гордо стоял Слон в камуфляже и с мотоциклетной каской в руках на фоне темно-зеленого фюзеляжа кукурузника, и рядом с ним помещалась невысокая блондиночка в «снежке». У ног их валялись странные рюкзаки цвета хаки.

Ну, и конечно модели. На трех специальных полках, на книжных полках, два советских вертолета, «Черная акула» (для оригинальности – с эмблемами РОА) и «Юнкере». «Лапотник» под потолком на веревочках, даже на телевизоре гордо пыжился пузатый танк с двумя башнями. Квас присоединился к Аяксу и Башне, разглядывающим модели. И тут Слон принес чай. К чаю были, разумеется, пряники.

– Это где вы? – спросил Квас, кивнув на фотографию.

– А это я с парашютом прыгал.

– Ты прыгал?

– Прыгал. Четыре раза.

– Ну и как? Страшно? С какой высоты?

– Да как сказать – страшно было, когда стоишь у открытой двери, а за ней – пропасть. Потом сгруппировал-ся, левую ногу вперед, руки на стропах, тебе говорят: «Пошел!», и вылетаешь. Секунды четыре летишь просто, потом – бац – тебя вверх дергает – парашют раскрылся. А в воздухе – красота, тихо-тихо. И земля – как на карте, только порельефней. С тысячи мы прыгали. Как модели?

– Здорово сделано, – присвистнул Квас. – А это чего за извращение?

– Это «Панцерьягер» – истребитель танков.

– А вот наши, смотри, – сказал Слон. Он оседлал своего любимого конька. Слон говорил еще минут десять, тыча пальцем в разные танки и бронев автомобили, но Роммель прервал эту идиллию.

Было так: у стола со стопочкой каких-то листков сидел Роммель, а все остальные расположились где угодно – на диване, на двух креслах, на ковре.

– Итак, – начал Роммель. – В одном райончике косые устроили что-то вроде небольшой толкучки. Там никакой ограды, никаких прилавков пока нет, просто косые стоят рядами и торгуют. Я сам туда съездил, там потолкался, вокруг район обнюхал, план нарисовал – наше

место. – Роммель сделал ударение на слове «наше». – Там можно будет пошалить нехило. Я это планирую на воскресенье после марша.

– В поддержку Сербии?

– Да. В субботу марш, а вечером в воскресенье работаем. Сейчас я собрал наш актив, мы тут кое-что перетрем, обсудим и выработаем план. Мой план акции такой. Вот возьмите карту. – Роммель пустил по рукам стопочку листов. Каждый взял себе по экземпляру.

– Видите, какой район? Квадратики – это хрущобы, дворы вроде этого, – Роммель мотнул головой в сторону окна. – Район почти весь из хрущоб и панельных девятиэтажек. Овал с галочками – это пустырь. Он начинается сразу после домов. Заштрихованное пятно – это косая барахолка. «Ц» в кружках – это метро «Царицыно», два выхода. «М» в квадратиках – «Марьино», тоже два. Плюсиками и звездочками показаны остановки автобусов и троллейбусов. Видите, ниже я перечислил номера и до каких станций метро идут. Ходят они довольно часто – я там был в воскресенье примерно в то время, когда мы там будем работать. Плюсы района – барахолка буквально у самых домов начинается, то есть мы кидаемся на них внезапно, и от места до станций метро идут только дворы и небольшие улицы, шоссе, какие трудно пересекать, нет. До хрена транспорта помимо метро. Ясно?

Теперь мой план. Стадия первая. Подготовка. Нам надо собрать тридцать-тридцать пять человек. Сейчас нас здесь десять. Иван со своими – еще восемь человек. Штурм, Упырь и Сова – двадцать один, да, в общем?

– Мы еще троих наших приведем, – подал голос Слон. – Да, Нестор?

– Хоть тридцать троих, – отозвался неразговорчивый Нестор.

– Э-э, нет! – вмешался Роммель. – На хер надо. Мы тоже можем собрать хоть пятьдесят человек. На марше клич кинуть, среди фанатов пропаганду развести, но этого не нужно. Я позже объясню, почему. Вообще, чего вы разговорились? Я сейчас план изложу, потом все вопросы. Короче, Слон, скольких надежных вы можете привести?

– От трех до восьми.

– Хорошо. Значит, по минимуму – двадцать четыре, двадцать пять. Еще пятерых я наберу. Вы тоже думайте. Короче, с бойцами проблем нет. Дальше – оружие. Никаких ножей, ясен хуй, с собой в тот день не носить. Арматуру, заточки надо будет там незаметно притырить заранее, а после дела там же бросить. Значит, народ собрали, оружие притырили. Все, у кого гриндера на болтах, обязаны взять отвертки. Отмазка – подкручивать подошвы. Да и вообще, можно уж разориться и купить в магазине какую-нибудь дешевку – все равно косому брюхо пробьет, и бросать не жалко. К отвертке в упаковке вряд ли кто-то придерется... Даже дебил отмажется... Так, дальше. Все, кто будет работать, должны найти время за две недели пошляться по району, уяснить для себя, как кому уходить, чтобы не было как один раз, блядь, когда на одной остановке двадцать человек топтались... Так, еще – две недели никому не бриться и все, повторяю, все одеваются в удотское, ясно? Кто будет хоть чуть-чуть смахивать на скина, тут же пойдет домой. Дальше – работа. Ну, это дело техники – кучкуемся по дворам, у метро, где угодно. К назначенному часу сходимся в одно место, кидаемся без крика, месим, также организованно покидаем место, уходим во дворы и там распыляемся. Да, еще. Маленький подленький подвох для ментов. Во время работы как можно громче орите «Хайль Гитлер!», «Скинхед – Вайт Пауэр!» и так далее. Пусть высматривают людей, похожих на нацистов, тогда будет меньше желания тормозить штатских. Так, уход. С этим все ясно – как можно быстрее разбиться на группки, тройки, двойки, одиночки и – исчезнуть. Да, еще – я перетру с Эльзой, она подружек пять так мобилизует – мол, типа-а-а, отвязные парни, туда-сюда, пусть подождут нас там недалеко, и вообще – у кого есть девушки, назначьте им там свидание недалеко – пусть с цветочками вас подождут, просто когда менты будут из машины смотреть, кого бы тормознуть на предмет избиения косых, то до влюбленной парочки они навряд ли будут докапываться... Все ясно?

– А как Ксюша? – вдруг спросил Квас.

– Какая Ксюша?

– Ну, соска, которая нас на тех клоунов навела, что меня под машину загнали?

– А, кстати! Я про нее и забыл! Нормально, она вроде теперь с нами.

– Во, нормально! Она моя будет! Мы, типа, с ней там свидание устроим.

– погоди, Квас! У тебя же есть девушка! Уступи Ксюшу какому-нибудь холостому!

– Ни хрена!

– Чо ни хрена? Совесть поимей!

– Ладно, ладно, мужики, хватит про девок, вопросы по делу еще есть?

– А если на быков спишут? Типа, криминальные разборки?

– Не спишут. Два кекса с баллончиками, как только все начнется, где-нибудь рядом напишут что-то вроде «Хайль Гитлер!», «скинхеды», «смерть косым», нарисуют свастику или кельтский крест, 88, поставят дату и тут же свалят, не мешаясь в драку. В четыре руки и два баллончика это все рисуется за полминуты.

– Работаем в перчатках?

– Базаришь?!

– Время работы?

– Так ведь тепло же, блядь! Подозрительно – менты вдруг тормознут, хоп – перчатки!

– Сейчас на все отвечу. А ты чего спросил – время? – Да.

– Значит, так. Косых валим, когда начнет темнеть – в девять, в начале десятого. Во-первых, в это время у них там торговля прекращается, меньше вероятности, что кто-нибудь из русских людей попадет под руку. А во-вторых, мы-то отличим в крайнем случае человека от косоного, а они хрен кого узнают. Еще вопросы?

В ответ молчание.

– Заебись. Теперь организация. Все тридцать пять человек будут разделены на четыре группы. Может, на пять. У каждой группы будет командир. Командир будет знать место общего сбора. Дальше – полностью его дело, его задача, чтобы группа вовремя подошла на место и так же организованно оттуда свалила. Где и как встречаться, где болтаться до общего сбора, где ховать оружие, как уходить – эта вся херня на усмотрение командира. Еще задача, чтобы в каждой группе не было бойцов, которые после крика «Уходим!» чувствовали себя покинутыми. Чтобы каждый знал, с кем и как ему смываться. Командиры будут планы обсуждать друг с другом, чтобы друг у друга под ногами не болтаться. С этим все?

– Да.

– Тогда план по пунктам на первое время. Пункт первый. Кто свободен на неделе?

Квас, Серега и Боксер подняли руки.

– Отлично. Значит, мы вчетвером – штаб. Наша задача – к среде знать, кто точно поедет, составить список, разбить на группы, назначить командиров, и пусть работают. По телефону особо не трепать – нас четверо, звоните, назначайте встречу, пивка попить, кассетами, дисками обменяться – что угодно. Вашей прослойкой командуешь ты, Слон. К среде вечером надо бы отчитаться о первых результатах. Понял?

– Понял.

– Дальше – ну дальше, все ясно, командиры сами работают. Планы местности чтоб у всех были, чтоб все на месте побывали, чтобы план с собой никто не брал, отмазки, если менты тормознут, за внешний вид – за все это командир отвечает. Поэтому я и говорю – будем брать только надежных, чтобы, блядь, никакой анархии, а то вы знаете, есть любители, ему скажешь, в удотском приходи, а он, козел, разоденется, как на концерт, да еще с таким, блядь, мачете за пазухой, что хоть стой, хоть падай! Есть такие, и что поразительно, что еще на свободе! Еще вопросы есть? Нет? Заебись. Фюреру нужны сильные солдаты – штурмовики, вперед!

Все встали и, подталкивая друг друга в тесном коридорчике, кучей пошли в прихожую. Кваса придержал за руку Слон.

– Короче, узнавал я начет работы: увольняется у нас один кекс, ты приходи в четверг часам к двенадцати, возьми разовый пропуск, и я тебя сразу за проходной встречу, пойдем в отдел кадров. Там тебе все расскажут. Вот тут я нарисовал тебе, как доехать сможешь.

– Ага, Слон, спасибо!

– погоди, телефонами обменяемся?

– Давай. Вот тут можно?

– Давай.

Квас написал свой телефон и получил взамен бумажку с телефоном Слона.

– Мой тоже запиши, – подошел сбоку Нестор.

– До метро-то сами дойдете? – спросил Слон. – Как выходите со двора, так прямо через дворы, до красной школы, там по улице направо, до «Русского бистро», там же на углу такой большой зоомагазин, вот за него поворачиваете налево и прямо минут десять – будет метро.

ГЛАВА 3

Квас, соскучившийся в больнице по всяким акциям и погромам, стряхнув с себя некоторую лень, деятельно принялся за дело. Он позволил себе только три личных дела – съездил к Слону на завод, поговорил с Инной и побывал в типографии, где забрал свою последнюю зарплату и трудовую книжку. Теперь у него были хоть какие-то деньги. А на заводе было все нормально, но Квас решил подумать до следующей недели. А так Квас с головой окунулся в знакомую, греющую сердце подготовку к очередному мордобитию. Штаб работал без халтуры, личного времени никто не жалел, и в среду, когда они четверо собрались у Роммеля, общий список был составлен. Квас получил список своего подразделения. В подразделении было семь человек – Иван и шестеро его бойцов, точно обещавших быть свободными в то воскресенье. Еще двое были под вопросом – они обещали позвонить, если у них все получится. Квас передал Ивану, чтоб те не беспокоились – народ уже набран. Раз обещали, то все придут, а тех, кто не отвечал за свои слова, бригада уже давно отсеяла. Чуть позже появился Слон. Он сказал, что завербовал четверых, которых охарактеризовал как «дельных ребят». В четверг и пятницу Квас с Иваном, попивая пиво, обстоятельно покрутились по району, потолкались на барахолке, составили свой план местности, дополнив роммелевский некоторыми ориентирами, специально для своих. Они постояли у каждой остановки, отмеченной Роммелем, последили за тем, как часто ходят автобусы и троллейбусы, описали каждую остановку, например, можно ли там недалеко подждать своего автобуса так, чтобы быть незаметным с проезжей части. Достаточно близко от толкучки, во дворе, они обнаружили чудную, только что вычищенную помойку. Ее только-только вывезли, но вонища на весь двор говорила о том, что помойку убирают редко, и через две недели она заполнится достаточно, чтобы их невинный тайничок, замаскированный под что-нибудь убогое, пролежал там денек, не вызывая никаких подозрений. Потом, найдя тихую лавочку в кустах у ветхой хоккейной коробки, Квас с Иваном размножили от руки план, чтобы у каждого бойца был свой экземпляр. И тогда, уже все обсудив и наметив в общих чертах, Квас дал команду Ивану на субботу объявлять сбор всего подразделения для общей рекогносцировки.

* * *

С утра Квас с Серегой потолкались на Горбушке, попили пивка на «железке», Серега остался там, а Квас отчалил в сторону Царицына. Они с Иваном забили стрелу на полчаса раньше общего сбора. Просто неплохо бы привести все задумки в порядок, перед тем как дрессировать бойцов. Свое подразделение отцы-командиры узнали еще издали, а ведь тем было сказано явиться в том, в чем они предполагают поехать на акцию. Все равно, их вид даже в штатском был настолько миролюбивым, что Иван одним беглым случайно брошенным взглядом срисовал их из толпы и толкнул локтем Кваса.

– У-у! Какой отстой! – сплюнул Квас. – Да вот они, можешь не показывать. Еще хуже, блядь. Не, ну ты посмотри, а? Еще в ногу шагают! Не, так дело не пойдет! Надо будет еще разделяться. Вчетвером когда – еще покатит, но в восьмером – это полный пиздец. Знаешь, да, даже в любой бригаде есть какие-то кучки, ты своих лучше знаешь, сам разделишь их по трое...

Подходившая ватага еще и картинно отсалютовала правыми руками. Двое командиров, скептически покачивая головами, наблюдали за произведенным на публику эффектом. Но сказать ничего не сказали – молодежь резвится, сами такими были, и Иван так и вообще – еще совсем-совсем недавно.

– Здорово, здорово! – приветствовал их Квас. Двоих он помнил, они были, когда бригада расправлялась с негром и его беременной подругой. – Пошли на улицу.

Метро, рынок почти рядом, павильоны и ларьки перед ним, тут же железнодорожная станция – всюду, как муравьи, сновали люди. Компания резко отвалила в сторону и нашла

довольно тихий тенистый дворик. Там Квас, покурив для начала, начал.

– Ну, вам вообще говорили, чего будет? Нет? Правильно, не фиг по телефону трепать. – Квас подумал, как бы продолжить. – Короче, косых мочим. Так... Сейчас мы с Иваном вас собрали, чтобы осмотреться на месте. Вот, возьмите, – Квас раздал копии с плана местности и объяснил, что там что значит.

– Посмотрел я на вас в метро, короче, смотрите слишком зло. Так не пойдет. Будем делиться еще на две команды. М-м-м... Ладно, пошли, все на месте увидим...

В дороге Квас с Иваном договорились, что доставку инструмента к приглянувшейся помойке они возьмут на себя.

* * *

В понедельник Квас с утра встал временно безработным, а к обеду уже был почти кандидатом в рабочий класс. Слон сдержал свое слово, и завод распахнул свои широкие зеленые ворота перед стоящей у проходной фигуркой в черной джинсе и слегка подоброщей головой, отбрасывающей угловатую тень на солнечный асфальт. Понедельник и вторник Квас потратил на дела бумажные – бегал по врачам в заводской поликлинике. В среду второй этап – знакомство с работой, инструктаж по технике безопасности (не стой, типа, под стрелой!), долго ему объясняли, как не учинить пожар в цеху (курить только в специально отведенных местах!) и что делать, если все-таки оный случится (звонить по местному телефону в пожарную охрану). В четверг все было, наконец, закончено – Квас получил временный пропуск на два месяца. С понедельника Квас – рабочий. Но до понедельника еще надо было дожить – надвигались весьма насыщенные выходные.

ГЛАВА 4

Субботний марш в поддержку Сербии в ее праведной борьбе начался ровно в два часа, в самую жару. Организатором марша был «Российский Национал-Социалистический Союз». Бригада Роммеля, которую пригласил Слон, объединившись в пути с командой Ивана (который теперь уже был не Иван, а Ржевский, а всем его бойцам было категорически запрещено даже заикаться о готовящемся мордобитии), подобрав в метро еще нескольких знакомых и малознакомых бритых, прибыла на место, на «Краснопресненскую». Кваса и Ивана не было – они были в Царицыно, прятали инструмент, и их ждали в метро. Скоро друзья появились, одетые очень мирно, и все повалили на улицу. Они вышли из метро и огляделись. Была жаркая солнечная погода, но красил ее освежающий ветерок, часто налетавший на толпу человек в четыреста. Гомон толпы, шум множества машин, дружное хлопанье флагов на ветру, хрипы из двух матюгальников, с которыми возились несколько активистов из РНСС, – это было то, что нужно.

Компания разом окунулась в толпу. В ней шныряли продавцы соответствующих газет, выделялись одеждой и видом воинственной сплоченности группы бритоголовых, болтались несколько дядек с телевидения, выискивая жертв для интервью. Компания расположилась чуть в стороне, кто-то отвалил искать знакомых, кто-то пошел за пивом, а Квас с Серегой и с Аяксом отправились болтаться в толпе, смотреть газеты, вступать в дискуссии, короче, ловить впечатления. Изрядно потолкавшись в толпе, они вдруг увидели, как дяди с телевидения тормознули двоих явно еще совсем зеленых скинчиков и сунули одному из них под нос микрофон, нацелились камерой и начали допрашивать. Их тут же окружили, скинчик оглядывался, ища поддержки – конечно, заробел перед камерой. Второй тоже приумолк. Путного сказать ничего не смогли, но хорошо, что хоть пытались. Но помощь уже спешила – с одной стороны проталкивалась тройка друзей, но их опередили два взрослых скина.

– Чего вы до парня докопались? Чтобы потом сказать, что все скины дегенераты? Спросили б кого постарше!

– Провокаторы жидовские! – сказал кто-то из толпы.

– Хорошо, хорошо, – примирительно начал дядька, держащий микрофон. – Сейчас мы поинтересуемся мнением старшего участника этого марша. Скажите, с какой целью вы пришли

участвовать в этом марше?

– Ну-у, – начал скин, потом, резко одернув сам себя, четко продолжил: – Мы здесь собрались, чтобы выразить свою солидарность с нашими братьями сербами и возмущение по поводу свинского поведения так называемого российского правительства. Я считаю, что Россия должна оказать любую помощь Милошевичу вплоть до отправки туда армии, для борьбы с внешней агрессией и для подавления купленной Западом оппозиции.

Мы также хотим выразить протест, по какому праву вся эта мировая общественность суется в дела суверенного государства и учит сербский народ, как защищать самого себя на своей же собственной земле.

– Защищать от кого?

– Вы знаете, сколько чурок-мусульман сейчас в России? Знаете, сколько их каждый год сюда прется? У вас нет опасения, что через сто лет наши дети и внуки, харкая кровью, будут отвоевывать нашу землю, потому что мы из-за какого-то сопливого абстрактного гуманизма позволяем подготовить чуркам русское Косово? Я хочу поддержать Сербию. Мне очень приятно, что и через пятьдесят лет тотального вранья еще не все освинели, еще есть люди, которые способны мыслить и делать выводы. А в Сербии они еще и составляют настолько значительную часть общества, что пробилась во власть. Надеюсь, Европа пробуждается во второй раз. Мы протестуем против двойного стандарта, потому что Америка, вся с ног до головы в крови, опять что-то блеет о правах человека. Тем, что мы здесь, мы хотим показать: у России много тех же проблем. Мы не хотим их так называемой массовой культуры, потому что мы – не быдло, а нация, у нас есть Русская культура, есть Европейская культура, а рэперам и жопошникам здесь не место. Мы не хотим их поганых ценностей, потому что у нас есть свои ценности, благодаря которым Россия тысячу лет была великой державой, когда Америки даже еще и в помине не было. Мы не хотим, чтобы Россия и дальше задыхалась от наплыва эмигрантов. Мы хотим, чтобы чурки убралась вон отсюда, чтобы русские города не находились во власти черножопой мафии, чтобы ниггеры не травил нас наркотой, чтобы жида не мешали нам жить так, как мы хотим в нашем собственном доме. Начиная с Любечского съезда князей, потом Иван Грозный, Петр I, императрица Елизавета, в России жидам постоянно указывали на дверь. Екатерина ввела черту оседлости, но против жидов полумеры бесполезны. У жидов есть Израиль, Америка, и пусть все они убираются туда, а в России им не место!

– А вы вообще нацист?

На этот вопрос скин ответил очень ловко.

– Вам хочется услышать, что я нацист? Ну да, я – нацист! Ну, если сейчас в России любовь к своей нации, к своей Родине, ненависть к тем, кто сейчас беспредельничает в России, если человек не педераст, не наркоман, не ворюга, если все это называется нацизмом, тогда да, я – нацист! Довольны?

– А как вы к Гитлеру относитесь?

– Как я к Гитлеру отношусь? А вы меня внимательно слушали? Как надо, так и отношусь!

Еще вопросы будут?

Нет, вопросов больше не было. Все было и так ясно. Нашла коса на камень. Не получилось пока у корреспондента развести на базар какого-нибудь молодого скинера, который с юношеским максимализмом будет лепить правду-матку, которого удастся спровоцировать, взять поправку на чисто юношеское желание покрасоваться, а хитрому журналисту только того и нужно. Потом подрежет, чего надо – склеит, вырежет, и получится на пленке совершеннейший дегенерат. На этот раз не вышло – скин оказался взрослым и начитанным, а такого на мякине не проведешь. Корреспонденты собрали манатки и отвалили, сопровождаемые ругательными напутствиями, скин поучал молодых, как базарить с журналистами, а друзья пошли назад к своим. Там уже всю читали новый номер «Я – Русский!» и газету РНСС «Народный наблюдатель». Квас закурил, собираясь поведать о том, как скин отделал журналиста, и тут разом рванул напополам жаркое марево воздуха марш «Прощание славянки», все разом зашевелились, выше поднялись стяги. «Все, все, начинается!» – загомонили вокруг. Повинуясь резким командам матюгальника, толпа зашевелилась, заворочалась, выстраиваясь в колонну. Анархия кончилась. Марш начался. Длинная темная змея колонны вытянулась и медленно поползла к Новому Арбату. Оттуда, где в голове колонны

под солнцем плескались имперские флаги и красно-бело-черные знамена РНСС, далеко разносились марши, а в перерывах под живую барабанную дробь все тот же резкий голос толкал короткие спичи, неизменно заканчивающиеся одним и тем же призывом: «Слава России!» Колонна вскидывала правые руки отвечала на единых выдохах трижды: «Слава! Слава!! Слава!!!» Их сопровождали два автобуса с ОМОНОм, несколько милицейских «козликов» и обычных машин, две кареты «скорой помощи». По бокам колонны цепью вышагивали пешие менты. Дороги по пути следования колонны перекрывали, давая участникам марша пересечь проезжую часть. Почти сразу же случился и первый инцидент, как только колонна медленно втянулась на Новый Арбат. Вся колонна уже пересекла проезжую часть, а последней группке из стоящей иномарки крикнули: «Фашисты – козлы!» Человек десять тут же бросились штурмовать иномарку. Милиция всполошилась. По рядам как бы пробежал электрический ток – многие разворачивались и кидались на врагов. Один скин вспрыгнул на машину и ударами гриндера принялся высаживать лобовое стекло. Но колонна ушла уже достаточно далеко, менты этим воспользовались, отсекали живой клубок вокруг залупнувшейся иномарки от основных сил и навели порядок. Кое-кому перепало дубинкой, но никого не взяли – все-таки слишком много в одном месте безбашенных скинов, и массовой драки милиции, наверное, тоже не хотелось – колонна уже остановилась и выжидала, чем кончится стычка. Менты загоняли обратно наиболее активных, все рвавшихся на помощь своим. Наконец, бритых отогнали от покореженной иномарки, заставили догнать остальных, и колонна снова двинулась вперед. Вторая склока случилась уже на Новом Арбате. Квас вдруг услышал сзади свистки, крики, звон стекла, шум. Над колонной пронесся ликующий юношеский вопль: «Ура-а-а! Черных бьют!!!»

«Как, уже?» – весело спросил Башня. – Пошли разомнемся!» Ряды смешались. Многие опять повернули назад. Но и милиция не дремала. Место драки моментально отсекали. Квас с компанией и остальные уткнулись в цепь вовремя выстроившихся ментов. Оставалось только криками подбадривать друзей, мельтешащих перед палаткой. Через разбитое стекло палатки то и дело внутрь влетали пустые бутылки, обрушивая ряды товаров. Один кавказец уже лежал на асфальте с пробитой головой, и несколько ментов защищали его от желающих добить. Четверо кавказцев, раздерганных и окровавленных, остервенело отмахивались, но их загоняли градом ударов в палатку. Прилетела бутылка и гулко ударила одного кавказца по голове. Меткий удар оценили восторженным ревом и аплодисментами. Кавказец, держась за голову, побежал во дворы. Менты суетились, выдергивали из драки бритых по одному, заталкивали за цепь. Один скин, которого менты волокли мимо лежащего, все-таки умудрился как-то вывернуться и пыром тяжелого «шелеса» вмазать кавказцу по голове. Обстановка накалялась, все вопили. Толпа напирала на ментов, Кваса притиснули вплотную к молоденькому белобрысому менту, и в глазах его Квас ясно прочитал испуг. Толстый краснолицый капитан что-то орал в матюгальник, но его почти не было слышно из-за воплей десятков и десятков рассвирепевших скинов:

– Хачей бей! Убивай!!!

– Убивай черных!!!

– Бей черножопых!

– Мочи-иии!

Кто-то уже сзади заорал:

– Ментов бей!

В ментов полетела бутылка.

– Мусор-ров бей! Хули за хачей впрягаются!

– Уебывайте отсюда!!!

Из автобусов посыпался ОМОН. На одного из последних скинов, участвующих в драке (остальных уже затолкали за цепь), вдруг выскочили из палатки два кавказца. Толпа взвыла от ярости. Цепь ментов поддалась назад под яростным напором. По мере того как по рядам проходила информация о том, что два хача бьют скина, ярость толпы возрастала. Волнами скины кидались на цепь ментов, и она шаталась. ОМОН изготвился. Скина били озверевшие от безнаказанности кавказцы. Он, еще молодой, и так пострадал больше всех, сражаясь в первых рядах, а теперь его метелили двое. Менты поняли, что сейчас все рванутся на помощь и

тогда начнется смертоубийство. Кавказцев просто затопчут, ментов опрокинут, а что потом? Куда рванется толпа, вкусившая крови и почувствовавшая свою силу, крикни кто громче остальных, вот как только что: «Бей черных»?

В результате кавказцев же и забрали. Избивая дубинками, их поволокли в «воронок» под одобрительные крики и улюлюканье, а скину стали оказывать медицинскую помощь врачи из «скорой». Лежащего кавказца увезли в больницу. Порядок мало-помалу восстановился. Оказалось, что все началось с того, что высунувшемуся в окошечко палатки кавказцу кто-то из молодых показал «фак». Кавказец в ответ плюнул. Скин, не снеся наглости, метнул в него бутылку. Красиво лопнула витрина, из палатки выкатились четверо кавказцев, и понеслось.

Колонна потянулась дальше. Уже и из окон смотрели – шум только что был первоклассный. И менты, и скины, потные и растрепанные, двинулись дальше. У всех глотки саднили от непрерывных воплей. Но настроение скинов было уже другое. Они только что вкусили битву, они видели свое торжество над врагом, они сплотились из разрозненных компаний в одно целое. Пострадавшие в драке гордо шли и не стеснялись крови – ведь это кровь победителя. Из начала и середины колонны в конец стягивались бойцы – настроение было такое, что становилось ясно, просто так все это не кончится. Ре-чевки стали гораздо агрессивнее. Звонкий голос где-то впереди проорал, срываясь: Бей жидов – спасай Россию!

И колонна в ответ проорала на весь Арбат: БЕЙ ЖИДОВ – СПАСАЙ РОССИЮ! Тот же голос задорно завел: Чемодан, вокзал, Израиль! ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, ИЗРАИЛЬ!

Неизвестно, кто первый разжег, но вот уже три с лишним сотни глоток дружно орут:

А ну-ка, давай-ка,
Уебывай отсюда!
Россия – для Русских!!
Москва – для москвичей!!!

Квас и компания восторженно драли глотку вместе со всеми. Потом Роммель им сказал:

– Надо бы сваливать! Менты наверняка подмогу вызвали, а ты посмотри, чего творится – не дай Бог, сейчас какой-нибудь ниггер навстречу попадет, это ж пиздец чего начнется. А у нас завтра, сами знаете, чего...

– Слышь, Роммель, может, передать по рядам, чтоб успокоились, а после митинга кого-нибудь завалим?

– Да ну конечно, сейчас прям они успокоятся... Сейчас дойдем до «Арбатской» и свалим в метро. Поедем сейчас ко мне, журнал обсудим и насчет завтра напоследок все обговорим...

* * *

Вся компания собралась у Роммеля, кроме Слона, который остался на марше и клятвенно обещал, что завтра он так и так будет и что у него все под контролем. Долго перетирали насчет воскресного погрома, отчитывались командиры, сопоставляли планы. Все проявили похвальную изобретательность, все с удовольствием видели, что из пяти составляющих складывается хитроумный и стройный план. Недаром вся бригада две недели шлялась по Царицыну и прикидывала, как лучше да как бы похитрее разделать косых – не пропадет их скорбный труд...

– Так, – подвел итоги Роммель. – С этим все. Если Перун с нами, то кто против нас! Теперь насчет журнала. С названием определились – называться будет «Пересвет». Теперь со статьями. Помните, мы обсуждали оглавление, и вот что получилось. Зачитываю:

1. От редакции.
2. (Ну, это понятно.) Российское нацдвижение и его перспективы.
3. Зарубежные новости (некоторые я выкинул, уже устарели за это время, надо будет снова в Интернете покопаться).
4. Российские новости (тут «СПАС», в основном).
5. Российские соратники (РНСС, ну, про РНСС Слон напишет, статья будет

называться «Наше знамя»).

6. Рубрика «Никто не забыт, ничто не забыто». Первое будет, значит, про Новочеркасский расстрел, типа, «Расстреливать русских рабочих коммунисты доверили чечену», и второе: из книги Шульгина возьмем про зверства жидов в Киеве.

7. Наша история. Документы. Указ Елизаветы насчет жидов, слова Нестора-летописца, письмо Иоанна Грозного литовскому королю, короче, Любеческий съезд князей, Петр I, и какой-нибудь пафосный комментарий.

8. Руки прочь от Сербии! Хроника Сопротивления. Чего-нибудь про наших добровольцев. Потом еще репортаж насчет сегодняшнего марша. (Один крендель из Ржевской бригады догадался фотоаппарат взять, так что снимков хороших до жопы...)

9. Русские художники (убей «mass-culture»!) Васильев и Верещагин. До следующего номера, если доживем, там будут Васнецов и Илья Глазунов.

10. Стихи наших соратников. (Пока у нас «емели» нет, придется самим чего-нибудь написать. Тем более Квас тут вот сидит, Боксер тоже любит стишками побаловаться... Короче, решим этот вопрос...)

11. Статья будет посвящена Молодому. (Не знаю, как назвать ее попафосней.)

– Так, теперь верстка. Верстать будет Квас, благо его в колледже этому учили. Хоть чему-нибудь тебя там научили?

– Ну, научили кое-чему...

– Ну и заебись. Я тут кое-что, конечно, сверстал, но пусть лучше этим профессионал занимается. Как только с косыми разделаемся, я тебе передам все по журналу, и действуй. Компьютер на ходу?

– На ходу.

– «Противостояние» добил?

– Нет еще. Станцию от совков защитить не могу.

– Понятно... Да, вот еще – насчет завтра. Если будет возможность, с косоглазеньких немножко лаве неплохо бы снять. В партийной кассе штука всего, и матери Молодого нужно помочь деньгами – она второй цоколь собирается ставить, и вообще – разгребем всю эту кучу – обязательно съездим к нему. Ну все тогда, сейчас скоро мать придет, я клюкву ни хрена не прокрутил, опять мне влетит за то, что, типа, дома ничего не делаю.

А завтра мы повеселимся. Все все запомнили? Ну ладно тогда, по ко-оням!

* * *

Воскресенье. Отсчет начался.

...Квас с тремя бойцами из Ржевской бригады встретился в условленном месте. Он придирчиво осмотрел их внешний вид, проверил наличие перчаток. Нормально, пойдет. Квас спохватился насчет того, они, дескать, перчатки в трусы засунули, и сплюнул.

– Ладно, пошли...

Компания вышла из метро и углубилась во дворы. У метро со скучающим видом стоял Бабе и еще четверо, с бутылками безалкогольного «Сокола» в руках. В первом же дворе они наткнулись на сидящих на лавочке Слона с Нестором, еще с двумя парнями и четырьмя девушками. Они улыбнулись друг другу. «Ага, – зарадо-вался Квас. – Начинается!»

Расхлябанной походкой четверка подошла к заветной помойке. Темнеть еще не начинало, но день уже явно умирал. Пока три бойца с беспечным видом встали у помойки и трепались, Квас, сделав вид, будто зашел отлить, пошарил в их тайничке. Там ничего не было.

– Ну, как? – спросили его.

– Суки, блядь! Нет там ни хера. Пошли, может, Ржевский забрал.

В подъезде, где встречались все, уже заседали Иван со своей троицей. За трубой мусоропровода были припрятаны инструменты.

Ржевский фыркнул.

Квас надел перчатки, вынул откуда-то из одежды припрятанный нож, запакетанный в пакетик, и положил его к остальному инструменту.

– Стерильно? – спросили его.

– Базаришь?! Ну, все, – сказал Квас, закуривая. – Темнеть только-только начало. Сколько там время?.. Точные они у тебя? Ну, еще полчаса... Закуривайте, минут через двадцать пойдем...

Ржевский извлек оттуда же, из-за мусоропровода целлофановый пакет, аккуратно достал бутылку какого-то дешевого пойла и восемь стаканчиков.

– Во, для маскировки! Типа, сидим здесь, бухаем...

Минуты в молчании тянулись тоскливо, долго. Окурки кидали в распахнутое хайло мусоропровода. Все были угрюмы, каждый обдумывал что-то свое, дорогое, щемящее, чем делиться ни с кем не хотел.

– Боятесь? – спросил Квас, выливая треть бутылки на пол.

– Не... Нет... Ни хуя.... Не-а... – ответили в разной.

– Ну и правильно – чего бояться, все пучком. Ладно, время – пошли.

Оставив бутылку и стаканчики, тихо вышли из подъезда восемь человек. На улице уже клубился полумрак, и до общей встречи осталось девять минут. Все знали, как идти, и Квас уверенно вывел своих к месту общего сбора. Все уже были там, сидели по подъездам. Роммель стоял под козырьком одного из них с тремя командирами. С ним было два волосатика в удотском – художники. Квас подошел, и они молча перездорвались.

– А чего тут так ссаньем пахнет?

– Да косые сюда ссать всю дорогу бегают. Мы пока тут стояли, две тетki возмутились – типа, косые им весь двор зассали.

– Суки...

– Разведка говорит, там два каких-то бычка в тачке сидят.

– Может, мусора в штатском?

– Я знаю, что ли? Хрен их знает... Подождем.

– Подождем-то подождем, но хрен ли тут долго отсвечивать, еще какая-нибудь сволочь в ментовку стукнет!

– Квас, успокойся. Сейчас разведка придет – посмотрим.

Разведка появилась – и Квас ее сразу узнал.

– Ба-а! Да это ж знакомые мне лица! Ксю-ю-юша! Какими судьбами!

– О, привет! Живой!

– Косых порежем мы – и я у ваших ног! Ты с кем?

– Ни с кем... Сейчас расскажу и домой поеду...

– Ну, нет, домой ты, конечно, сейчас никуда не поедешь... Ладно, давай, чего там?

– Ну, я, значит, пришла туда...

– Короче! – резко сказал Роммель и выругался тихо. – Не с подружкой про дискотеку треплешься! Быки в машине? Сколько косых? Чего делают?

– Парни в машине побазарили о чем-то с косыми и уехали... Их точно не знаю сколько...

Они сейчас товар пакуют. Три грузовика подъехало.

– Каких еще грузовика – «газельки», «бычки»?

– Ну, я не знаю... Такие вот... – Ксюша помахала руками, изображая форму кабин.

– «Газельки»... Конечно, барахло пакуют... – подсказал Квас, деловито натягивая тесные старые перчатки и резко шевеля пальцами.

– А водилы русские или нет?

– Один черный, а остальных не видела.

– Ну все, прекрасно... – Роммель тоже стал натягивать перчатки. – Вы идите на место (художникам), рисуйте и сваливайте – сейчас начнется. Мужики, давайте своих из подъездов.

Командиры разошлись. Квасовская армия сидела в подъезде с воинством Слона, поэтому он остался и повернулся к девушке.

– Слушай, Ксюша! – Квас положил руку в перчатке ей на плечо. – Ты мне нужна сегодня как женщина... Шутка! Короче, сейчас выйдешь из двора прямо, пройдешь мимо школы, дальше следующий двор, там такой колодец с клумбой посередине, его пройдешь через арку, от клумбы налево, там еще в арке написано «фанов конской масти будем рвать на части», выйдешь на улицу, пойдешь направо, дойдешь до двух павильончиков – «Цветы» синим и

«Аудио-Видео» красным. Тут же остановка автобуса, там будешь меня ждать. Договорились? Запомнила?

Ксюша помялась.

– Да чего тут помнить? – возмутился Квас. – Прямо до клумбы, налево через арку и направо. Все! Ексель-моксель! – Квас посмотрел на ее ножки. – Еще хорошо, что каблучки не надела. Придется пробежаться. Все, наши уже выходят, давай!

Он нежно подтолкнул Ксюшу. Она легкой изящной трусцой побежала. Обернулась. Квас послал ей воздушный поцелуй.

Бригада скучковалась во все сильнее темнеющем дворе. С одной стороны дома должны были первыми броситься три группы во главе с Роммелем, с другой – четырнадцать человек Кваса и Слона. Все уже было определено заранее. Квас и Слон вывели своих на исходную позицию у угла дома. По дороге Ржевский передал Квасу его нож, который был немедленно изготовлен к бою. Квас прокрался вперед и, прячась за кустами, стал ждать, когда же Роммель начнет. Его бригада вжалась в черную мелкими плиточками стену дома, некоторые присели на корточки. Азиаты, ничего не подозревая, копошились, упаковывая оставшийся товар. То и дело они перекликались на чуждом и бесившем Кваса языке, смеялись. В свете фар белели всюду брошенные картонные коробки, которые, по-видимому, никто и не собирался убирать.

Момент Квас все равно прозевал – бригада с той стороны дома ворвалась на пустырь и только по воплям азиатов и типичному шуму погрома Квас понял, что потеха началась.

– За мной! – И он рванулся вперед. Все внимание врагов было обращено на бесчинства Роммеля, и их команда врзалась в азиатов, как нож в масло.

Первого азиата Квас сшиб с разбегу, перескочив через тюк с барахлом. Врезав ему пыром в живот, отчего начавший приподниматься азиат хрюкнул и ссунулся на землю, Квас набросился на орущую подругу азиата, выронившую на землю пухлую барсетку и калькулятор. Сбоку налетел Ржевский и колющим ударом ткнул ей в живот арматуриной, а потом резко – по черепу, р-раз! Квас ловко присел, подхватил барсетку, и, опершись рукой о землю, подсек ее ноги. Азиатка навзничь хлопнулась на землю, и Ржевский еще несколько раз ударил ее арматуриной по голове. Вокруг неистовствовал, рвал и метал погром. Как это всегда бывает, внезапное нападение, град болезненных ударов, вопли и бестолковщина полностью сковали волю жертвы, в темени сгущающихся сумерек азиатам казалось, что врагам нет числа. Кто не лег, бросился удирать, вопя и стеная...

Пока Квас, Ржевский и Слон метелили толстого азиата, лежавшего ничком и прикрывшего собой толстую пачку денег, рядом стояла азиатка и заламывала руки, и ее почему-то никто не трогал. Наконец, Слоноу осточертели ее вопли, и он саданул ее заточкой в бок. Она как-то скорчилась, и Слон пинком ноги опрокинул ее на землю. Квас, поняв, что деньги у вьетнамца не выцарапать, тоже раза три ударил его ножом, целя под лопатку и по почкам, сказав при этом:

– Подыхай на своих бабках, гнида!

– Хайль Гитлер! Россия для Русских! – заорал кто-то.

– Смерть черножопым! – откликнулись рядом. Кавказец у машины уже полег, и звенели разбиваемые арматуринами стекла.

Один азиат, по хитрости душевной, видимо, прикинувшись отключенным, вдруг загребая руками и ногами, кинулся наутек. Квас пнул его ногой, но промахнулся, и вовремя вынырнувший из темноты Серега отмахнул ему по голове обрезком трубы. Азиат дернулся и ткнулся носом в землю.

– Хайль Гитлер! – заорал где-то слева Роммель. – Атаc! Уходим!

Все бросились обратно. Окровавленная визжащая азиатка вцепилась намертво в какого-то молодого скинера не из квасовского подразделения. Своеобразный жест отчаяния. Скин бился сам, лупил ее, но свое оружие он бросил при команде «уходить!», а затрещины на обезумевшую азиатку уже не действовали. Помощи ему никто не оказывал – много молодых, которые готовы уже драться коллективно до конца, теряются при отступлении, думают только о себе, и несутся наутек сломя голову. Вести себя хладнокровно при уходе гораздо труднее, чем в бою. Это все за доли секунды осмыслил Квас, налетая на азиатку и всаживая ей нож в спину. Он рванул парня за шиворот, придавал ему ускорения. Нож остался в азиатке. На дороге кто-то ворочался и

стонал. Квас мельком взглянул – наш, не наш. Косой. Добить бы! Ладно, хрен с ним! Уже не до него в самом деле!

Квас рванул через кусты и у стены огляделся. Ржевский со своими исчез. Слон тоже. Слабый топот разбежавшихся в разные стороны скинов затихал. Азиат на дороге надсадно стонал. Своих Квас не слышал, а, вот они, бегут за ним – молодцы, не потеряли его в суматохе. В глазах этих троих ребят, обращенных на него, Квас увидел испуг типа «Господи, да неужели мы сделали это и нам за это ничего не будет?» и доверчивость. Они доверяли старшему, готовились положиться на него и слушаться его во всем.

– Не отставать! – и понесся дальше через дворы. Все-таки напрасного труда не бывает, не пропали даром их неоднократные топтания по этому району – они не неслись бестолково через темные дворы, лишь бы удрать подальше, а уходили толково, помня план и так, как их учил Квас. Рывок через темный двор, потом походочкой вразвалку пересекаем улицу, опять рывок через четыре двора, опять спокойно перескаем улицу. Снова рывок... «Побег на рывок»... Все, здесь уже можно идти пешком. Ну, не так медленно – не на прогулке. Быстрым шагом. Простым быстрым шагом. О-па! Помойка! Перчатки у кого-нибудь остались? Кидай здесь! Мавр сделал свое дело! Спокойно, мужики! Спокойно. Осталось чуть-чуть. Теперь уже чуть-чуть. Тихо! Подъезд открытый – зайдем на огонек! Барсетку – в мусоропровод, деньги – на бочку! Пересчитаем. Ого! Восемь тысяч с копейками. Всем по пятьсот – остальное в партийную кассу. Запомнили, у кого сколько? Менты почему-то начинают волноваться, когда у человека охапка денег, а он не знает, сколько. Хотя это мое конституционное право – не знать. Ведь это какие-то низменные деньги! Отлично. Пошли дальше.

...Согласно плану, откололись первые двое – вошли в подъезд у облюбованной ранее остановки. Код узнали заранее. Дорога просматривалась. Светиться не будут, а на автобус сядут.

Осталось двое – Квас и тот паренек, который был тогда в электричке с негром и его подружкой. Они быстрым шагом срезали еще один двор и вышли на перекресток у ряда из трех ларьков.

– Помнишь это место? Перейдешь дорогу и наискось, наискось, через дворы – метро. Только спокойно, понял? Считай, на девяносто процентов ты уже дома! Сейчас едешь на «Автозаводскую» и ждешь всех остальных. Давай, удачи!

Квас некоторое время соображал, где находится, потом понял, где и как отсюда дойти до Ксюши. «Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша! Ждешь ли ты меня?» Мама всегда говорила, что у него хорошая память – план был как бы перед глазами. Ну, теперь можно закурить. Черт, руки подрагивают. Спокойной походкой он направился на randevу с Ксюшей. Старым носовым платком обтер Квас себе ботинки и тут же выкинул его. Нацепил галстук и расстегнул наглухо застегнутую черную джинсовку. Ксюша ждала его – ну все, дальше дело техники. Квас сграбстал девушку и тихо прошептал: «Терпи милая, со стороны мы должны сойти за влюбленную парочку! О, видишь!» Воя сиреной, пронеслась мимо ментовская машина. «Хрен вам, ребята! Не в этот раз! Ну, все, пошли... Теперь уже не интересно... Только б из наших никого не приняли...» Обнявшись, они дошли до метро, а мимо них несколько раз проносились милицейские машины и дважды – «скорая помощь». Провожая каждую неотложку, Квас цокал языком.

– Ну, милая, метро! Улыбочку!.. Подожди, сейчас, – Квас отошел, купил себе пива, а Ксюше джин с тоником. – Пошли! Gott mit Uns!

* * *

Был прекрасный теплый вечер тяжелого дня – понедельника. Легкий ветерок пошевеливал занавеску у открытого окна, а в комнате Кваса сидело трое друзей – Роммель, Боксер и Серега. На столе, на серой скатерке стояли две бутылки «Сидра», баклашка «Очаковского», два уже ободранных леща и миска с соленым крекером – друзья слегка отмечали бурные выходные. Роммель развалился за столом – ухмыляясь, читал что-то. Квас курил, любуясь бордовым диском заходящего солнца, Серега резался в «Противостояние», полностью погрузившись в игру и бормоча что-то вроде «Во-от мы как... Ага-а-а... Танки, значит, двинули, да? Где там

мои пушки? Во-от они...» и т. д. Боксер привязал к карамельке толстую нитку и играл с Лиской. Мелькал экран телевизора. Они, собственно, и собрались у Кваса посмотреть новости – кое-что они слышали по радио и решили, что уж по НТВ должны что-нибудь сказать про зверства бритоголовых.

– День завтра жаркий будет – отметил Квас. – Закат какой...

– Как первый день отработал? – спросил Боксер. Он стал крутить конфетой вокруг головы Лиски, и Лиска отмахивалась от конфеты лапой. От ее шлепков конфета крутилась все быстрее и быстрее, и – оп-па! – кошка подпрыгивала и хватала ее лапами. Но Боксер не дремал – он отдергивал конфету, и все начиналось сначала.

– Нормально...

– Да-а... – Роммель отложил листки в сторону. – Какая ч-чушь!

– Какая чушь? – спросил Сергей.

– Да они тут всякую чушь понаписали. Для журнала это не годится.

– Что не годится? – хором возмущились Квас и Боксер.

– Да то. Послушайте. Квасовский шедевр.

На белом снегу – цепочкой чьи-то следы,
Только свеча у окна услышит молитвы твои.
На хрустальном окне – чешуей разлеталась зима,
Ритуальные пляски в огне, письма на все времена...
То, что силу дает этот крест мне нести,
Там, в углу, за железным гербом.
Но слишком много огней на дворе,
Слишком много лиц за окном.
Королева моя, ты – бутылка вина,
Ты пуста и тверда, на душе короста.
Моему скакуну не нужны стремяна.
Моя плоть под кольчугой не просит креста.

– Ну и чего?

– Чего? Да это чушь собачья! Какого хера ты это притащил? Что это значит?

– Ды-ы... – помялся Квас. – Лирика...

– Ли-ирика... Хулирика! Сопли! Смысл-то какой? Или как у Малевича: насрал, размазал – чем непонятней, тем гениальней? Чего за последний куплет? Чего это за херня – ты чего, алкоголик? Сто пудов, ты это писал, когда еще не был скинхедом. Так, ладно, это вообще чушь... В туалет с этим сходить...

– Пошел ты...

– Пошел сам. Наш же журнал, не чей-нибудь, правильно? Теперь ты, Боксер. «Посвящается Ма-аше...»

Спаси меня, спаси меня, От пуль шальных и от огня, Укрой от душной пустоты, От тех, кто слабы и немые...

А вихрях праведной войны Грехи все будут прощены...

Когда вся тьма, вся гнусь, вся муть Сшибется с нами грудью в грудь, Когда в зрачках шальных коней Запляшут всполохи мечей, И я удар приму не раз За счастье твоих синих глаз, Когда с меня собьют шолом, И коловрат блеснет на нем, Когда под сталью боевой Со звоном лопнет панцирь мой, Тогда возникни из-за плеч, Отбей пронзить готовый меч.

Ну? Тоже лирика?

– Лирика.

– Девушке посвятил?

– Ну не мальчику же! Так там же написано.

– Да, верно... Кх-кхм... Да! – Роммель помолчал. – Хотя, в общем, неплохо. Я так сейчас подумал – пойдет. Как вы?

– Конечно, пойдет. По-моему, здорово.

– Не, в натуре здорово. Боксер, ты – гений!

– Значит, «Стихи наших соратников», «Спаси меня», потом надо чего-нибудь пафосное...

– Может это? – Сергей пропел:

Я люблю горизонты окраин
В пелене ядовитых дымов,
Там вздымается почва буграми,
Там встают вертикали домов...¹⁸

– Да ну, брось, – отмахнулся надувшийся Квас. – Кто этих стихов не знает? Может, еще про «когда ботинком лупят в темя» печатать? Это уже все знают...

– ...Ладно, это мы подумаем... Я раздобыл-таки перевод «Нашего знамени»...

– А-а, «Наша классика» (имеется в виду название рубрики для журнала) – марш Гитлерюгенда... И чего там за перевод?

– Довольно брутальная песенка... Там короче так:

Вперед, вперед! – зовут фанфары,
Вперед, вперед! – юность не ведает страха,
Впереди жестокие битвы,
Но юность добьется своего.

Наше знамя реет впереди,
В светлое будущее путь укажет нам,
Мы маршируем за Гитлером
Сквозь ночь и нужду
Под знаменем юности
За свободу и хлеб.
Наше знамя – символ новой эры,
И знамя ведет нас в вечность,
Да, знамя выше, чем смерть...

– Здорово...

– Оп-па! Тихо... Начинается! По местам! Начинались новости...

«...В студии Татьяна Миткова, здравствуйте... Воскресная трагедия в Москве: в результате хорошо организованной акции неонацистов погибло четверо граждан Вьетнама. С места событий...»

– Уау! Йес!

– А чего так мало-то...

– Да, не зря потрудились!

– Завянь!

«... Около двадцати двух часов не менее пятидесяти неонацистов, вооруженных ножами, обрезками труб и арматурой, с криками «Хайль Гитлер!» напали на небольшой вещевого рынок на Учительской улице. (Видеоряд – разбросанное барахло, сосредоточенный мент говорит с врачом, мент говорит по рации, людские силуэты в окнах, подъезжает «скорая», ряд «скорых», подъезжает кто-то из мэрии, загружают кого-то в «скорую», лежит ничком убитая вьетнамка, кто-то из свидетелей разговаривает с ментами, машет в сторону рукой, «газелька» с выбитыми окнами и отметидами от ударов на двери, лежит убитый вьетнамец, спортивная куртка распахнута, футболка задрана к голове, кровь в свете ламп...) По словам очевидцев, наблюдавших за погромом из окон квартир и позвонивших в милицию, побоище закончилось так же внезапно, как и началось. В результате от полученных травм трое граждан Вьетнама скончались на месте и семнадцать человек госпитализировано с травмами различной степени тяжести. Четверо из них, в том числе и двадцатилетняя девушка в данный момент находятся в реанимации Института имени Склифософского и их состояние врачи оценивают как критическое. По дороге в больницу от тяжелой черепно-мозговой травмы скончался еще один торговец. Также тяжелые травмы головы получил случайно оказавшийся на месте погрома москвич. Буквально перед началом выпуска мы получили сообщение, что в реанимации Института «скорой помощи» имени Склифософского сегодня около четырех часов дня от полученных ножевых ранений скончалась двадцативосьмилетняя гражданка Вьетнама. Таким образом, число жертв неонацистов возросло до пяти человек. Никого из погромщиков не

¹⁸ Сергей цитирует стихотворение известного праворадикального поэта Алексея Широпаева.

удалось задержать по горячим следам. В расследовании этого пугающего по своей наглости преступления и установлении личностей погромщиков уже задействованы значительные силы органов охраны правопорядка...»

- Да чего она пиздит, тварь?! Там русского мы никого не тронули!
- Да там их и не было!
- Да это, наверное, тот чурка у машин за москвича сошел...
- А она и не сказала – «русского»! Она сказала – «москвича»! Косых они вроде еще стесняются за москвичей выдавать, а чурки у нас вроде уже как коренная национальность!
- Жалко, его не добились!
- Да ладно! Все равно классно поработали! Сейчас такой кипеш подымется!
- Теперь какое-нибудь чувырло все расследование под контроль возьмет...
- Здорово еще, если еще Запад начнет залупаться – мол, разгул экстремизма в России!
- Да, мужики, все здорово! – подвел итоги Ром-мель. – Но теперь мы все залегаем пока на дно. Борьба конечно, не затихнет никогда, но по бригаде – отпуска. Надеюсь, что из наших никто ничего не сболтнет.

ГЛАВА 5

Шум из-за разгромленной барахолки на Москве поднялся большой. Они даже сами немного перепугались. Конечно, задумка с граффити и была рассчитана на слабонервных журналистов, но такого они не предполагали. На Горбушке бригада осторожно выясняла, что обо всем об этом говорят в движении. В движении погром приписывали некоторым группировкам, состоящим из так называемых «старых» скинов. И кое-кто слышал даже, как представитель такой группировки туманными намеками приписал этот подвиг себе. По движению ползли слухи, что, дескать, менты таскают некоторых свеченых скинов на беседы – типа, где был, что делал, чего слышал.

Роммель даже отметил, что весь этот шум, в принципе, совсем неплохо – некоторые потенциальные болтуны остерегутся красочно расписывать свои подвиги. А то за пивом, перед соратниками, да еще перед девочками как здорово небрежно обронить – мол, слышали тут по телеку про косых? Так это мы их... Да! И я там был – вот какой я крутой! А теперь язычки-то попрдержат – вон какой шум поднялся, и скинеров трясут, и мусоре-кие шишки наперебой кричат, что экстремисты бросили доблестной милиции вызов, но они-то постоят за честь мундира – спать и кушать не будут, а уж злоумышленников отловят.

Квас из-за всего этого шума навел-таки порядок у себя в комнате. Как и хотел, он оставил лишь копию картины Васильева, а все остальное рассовал по шкафам. Мол, когда был скином – все это висело, а сейчас завязал, но храню это как память.

* * *

Бригада разошлась на каникулы. Они, конечно, встречались, пили пиво на природе, ходили друг к другу в гости – короче, общались, как и раньше, но акции пока прекратились.

Квас вкалывал на заводе, старательно вникая в производство трансформаторов. Они со Слоном взяли несколько учебников из заводской библиотеки, чтобы врубиться в теорию, понимать, что там к чему. Чем больше Квас работал на заводе, тем больше ему нравилось. Ему было приятно причислять себя к рабочему классу, хотя отец на его пафосные монологи о рабочем классе говорил, что, мол, на заводе без году неделя, а туда же, строит из себя пролетария. Шел на завод он каждый раз с удовольствием. Квас вставал полшестого, когда родители еще спали, тихо собирался и шел на легкую зарядку и кросс. Потом – под прохладный душ, завтрак (чаще всего чай и бутерброды), и – вперед. Раннее утро, молодо светит солнце, и улицы еще пустые и свежие, иногда еще пахнет ночным дождем, и дышится тогда необыкновенно легко. Если кто и встречается на пути, то такие же, как и он – сосредоточенно идущие на работу. Все ближе метро, и людей все больше, и на остановке тоже стоят люди, читают газеты, курят, лущат семечки – начинается рабочий день. Квас любил подходить к проходной минут за двадцать до начала смены. «Мои десять минут» – так он называл это

священное для него время. Можно постоять и покурить у проходной, порадоваться утру, здороваться за руку с рабочими из цеха, сознавать, что он один из этих, кто сейчас вот один за другим идет через проходную. Пусть видят, что с ним здороваются взрослые работяги, что он тоже один из них. Или спокойно переодеться в раздевалке, где народ, потрепаться с соседями, побалагурить со Слоном, можно, наоборот, неторопливо обсудить работу, что делал вчера, чего будет делать сегодня, обругать свой трансформатор – мол, и такой он, и сякой, и паек до хрена, и медь толстая, вроде бы и ругань, а на самом деле гордость. «Мой» трансформатор. Не чей-нибудь, а «мой». Мол, трудный, зараза, а все равно я его добыю. Чинно сказать, что лучше уж помедленней, но наверняка, чем тяп-ляп, а потом перед ОТК краснеть. Или просто посидеть в курилке и почитать газету. «Что пишут?» – спросит кто-нибудь, Квас ответит, а потом вместе обматерят американцев, евреев, чеченцев или демократов.

Потом комичные объяснения, когда Квас мотал свой первый трансформатор:

«Ну вот, смотри! Видишь, чертеж. Сечешь чего-нибудь в чертежах? Понятно... На чертеже показано, какой должен быть трансформатор. А к чертежу вот, видишь, спецификация. Тут обозначения всего, что мне нужно для работы. Ну, допустим, нам дали с тобой чертеж и нам нужно мотать трансформатор. Вот видишь, цилиндр. На него надевается профиль с рейками. Берем трос – принеси, вон, видишь, валяется? Цепляем эту фигню и краном устанавливаем на станок. Потом Квасу показали устрашающего вида гаечный ключ – с каплями от сваривания заводской самоделки, – подкручиваем цилиндр, чтобы профиль не болтался. Подкрутили. Так, теперь держи рулетку... Теперь сверяемся с чертежом – сечение сходится? Сходится. Прекрасно. Теперь я, видишь, пронумеровал рейки – у меня их получилось двадцать четыре. Значит, у меня двадцать четыре поля. Поле – это расстояние от рейки до рейки, основная моя единица измерения. А вон на каретке, видишь, катушки с медью. Вот я концы загнул и заизолировал. Все, теперь начинаем. К первому полю я протягиваю конец... Не-е, чего ты усмехаешься, конец-это отвод... Хотя нет, конец – это не отвод... Ладно, короче, хрен с ними... Вот видишь, закрепил я конец зажимом, чтобы у меня стоял ровно на девяносто градусов (ха-ха-ха, очень смешно, правда?) от профиля... Все, в принципе, начал мотать. Так, промотал чуть-чуть... дай чертеж, пожалуйста... Смотрю, какой виток... Виток тринадцатый – как раз изменение размера канала. Видишь, между витками – канал. До двенадцатого витка канал восемь, а после – шесть. Значит, если прокладки у меня по две, то раньше я ставил четыре прокладки, а теперь, вот перееду через первую рейку и буду ставить по три. Ну как? Хоть немного врубаешься?»

Именно на заводе, коротая обеденные перерывы в беседах со Слоном (это если не резались в карты), впервые Квас и столкнулся с темой, которая, оказывается, последнее время все чаще и чаще обсуждалась в бригаде, вернее, во взрослой ее части. На два месяца Квас отошел от дел – больница и все такое, и, только вернувшись, понял, что что-то изменилось. Причем изменилось так, что прежнего уже не будет. Нет, внешне все оставалось, как и раньше – бритые головы, соот-ветствующая одежда, расправы с врагами, проводившиеся время от времени. Квас слышал обрывки разговоров, намеки, которые не понимал, сам сердцем начал чувствовать что-то мутное, но ясно и конкретно это он услышал от Слона на заводе. Этот вопрос, витавший в воздухе, звучал просто и страшно – ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ? Им уже не по семнадцать лет. Они все возмужали вместе, и как-то вдруг осознали, что выросли. Квасу девятнадцать лет, Бабсу – двадцать, Боксеру – тоже, Сереге – вот-вот стукнет девятнадцать, как и Башне и Аяксу, скоро все будут гулять на двадцатилетии Роммеля. Ну год еще, ну, максимум, полтора – а потом? Что делать потом? Они плечом к плечу уже перешагнули рубеж, за которым все вдруг поняли, что просто так разойтись они не могут. Все они были не только соратники, они уже были друзья. Надолго. Может, навсегда. Вопрос этот был еще мучителен и потому, что никто из них и не думал отходить отдел. Все поголовно, они свято верили, что их идеи – единственная правда в этом мире. Может, кто-то и хотел, повзрослев, убедить себя, что безбашенная юность кончилась, а вместе с ней надо оставить позади все, чем они жили эти годы, может, кто-то даже еще раньше боялся того, что слышал от старших – мол, повзрослеешь, вся эта чушь из головы выветрится. Боялись, что, верно, повзрослеют – и выветрится. Но нет – взрослеть взрослели, но идеи оставались такими же. Более того, это почувствовал Квас, да и не он один, их идеи крепили – и то, что они видели и слышали вокруг себя, делало эти идеи

прочней и прочней. Когда-то идеи смешивались с юношеским желанием выделиться из толпы – бритые головы, куртки без воротников, камуфляж. Теперь этого не было. Чем старше они становились, тем чаще выходили в мир в обычной одежде. Только стрижки так и остались короткими, а рубашки – черными. Но идеи-то в сердцах горели так же. Как каждый пришел в движение? Можно ли быть убежденным нацистом в пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет? Например, Квас побрил голову после работы санитаром, но он не был тогда нацистом, ничего по этому вопросу не читал, просто парень из нормальной семьи столкнулся близко с тем, как наглы и жестоки кавказцы, когда вдруг они оказываются сильнее русских, и пошел мстить. Кто-то также пришел из-за нелюбви к кавказцам. Кто-то пришел просто от нечего делать, просто потому, что юность должна во что-то верить, а ему подсовывали всякую грязь. Кто-то хотел выпендриваться. Было время, когда это было просто модно – каждый третий считал себя скинхедом, ходил с лысым черепом и конфедератским флажком на бомбере. Кто-то пришел за компанию. Но в каждом из них что-то же было светлое – ведь все они считали себя патриотами. Многие приходили. Но многие потом и уходили. Кто-то осознавал, как только дело заходило подальше дешевой работы на публику, что ему это не нужно – таких было совсем мало. Чаще уходили из обычного страха. А ля гер ком а ля гер – их тоже били. Били в милиции. Били рэперы – когда десять на одного. Так что уходили тоже. Но, надо сказать, лучшие оставались – и чем дальше, тем больше и шире им открывалась правда. И они шли за этой правдой. Многие не любят черных, но черных от этого меньше не становится. Многим нечего делать, и поэтому растет пьянство и наркомания. Многие хотят выпендриться – и становятся настоящими скотами. Так что если кто-то из каких-то пусть мелких соображений, но стал бритым, а не каким-нибудь юным торчком, что-то в нем есть. Единственный, кто присоединился к ним, считая себя уже убежденным нацистом – это был Молодой. Молодой, которому сейчас тоже стукнуло бы двадцать. А тогда ему уже было почти семнадцать. Поздновато для начала карьеры бритоголового. Но Молодой был неформал с солидным стажем. И кличку он вынес из своей доскиновской биографии. Метаморфозы в его сознании были еще те – на старых фотографиях он был с пацифистским значком и хаером, потом входил в фэн-клуб «Queen». Особенно шокировала друзей одна фотография – лысый череп, бомбер, камуфляж, и под всем этим великолепием футболка «Queen». Правда, он утверждал, что всегда был патриотом и националистом. В конце концов он и пришел туда, где собрались такие же патриоты и националисты.

И вот – что теперь делать? Слон говорил:

– В сущности, без обид, кто вы сейчас есть? Группировка маргиналов. Да, крови врагов вы попили вдоволь, и это хорошо. Но сколько веревочке не виться, все равно – рано или поздно – конец. И он будет плачевным. Силы слишком неравны...

И так далее в том же духе.

– Против вас милиция со всем оснащением. Против вас прикормленные жидами и откровенно жидовские СМИ. Против вас дурацкая психология обывателя, которому на все наплевать, либо ему, если он еще не совсем освинел, даже если и хочется что-то изменить, но самому в это мешаться не хочется. Пока вы выезжали на трех вещах – на внезапности, на какой-никакой, но все-таки дисциплине, и на вашей идейности. Когда мы имеем дело с ублюдочным поколением пехт, этого достаточно, мы всегда будем их гнать и давить, потому что они плоть от плоти этого загнивающего больного общества. Но чаще и чаще в последнее время вы выходите на тот уровень, где наши враги не дегенераты в широких портках, а милиция и ФСБ. Вас сомнут и загонят за решетку. Вы можете еще очень долго мочить хачей и рэперов, но этим вы страну не спасете. До главных виновников, хотя бы тех, кто сидит в России, вам не дотянуться. Я знаю, – говорил Слон, – все равно польется кровь, потому что просто так они с нашей шеи не слезут ни-ког-да, но пусть лучше это будет позже, и наше выступление станет гораздо организованней. Собрать всех националистов и патриотов в единый кулак – вот наша цель. Пусть даже нас будет не большинство, хер с этим. Всегда агрессивное и сплоченное меньшинство победит аморфное обывательское болото.

Квас возражал – мол, мы делаем хоть что-то. Хоть какие-то маленькие, но конкретные дела. А вы, РНСС, что делаете? Ну хорошо, марш. Допустим. А кроме этого? Где вас видно?

Слон парировал – мол, где надо, там и видно. Мы на митингах языками не треплем, и

касками стучать не собираемся, по церквям шляться и царскими мундирами и бородами форсить – тоже не катит. Мы выделяемся из толпы, когда захотим. Обычно нас не видно – но мы есть и нас не так мало. Пропаганда среди людей, живое общение, глаза в глаза – постепенно, по одному перековывать людей. Там, где работаешь. Там, где учишься. Там, где живешь. Не сразу, исподволь. Время-то так и так на нас работает.

А чего перековывать, огрызался Квас, типа, и так вокруг одни недовольные. Ага, иронизировал Слон, все недовольные только языком ворочать. А подойди вон к Пете, к Васе, к Грише, которые вот тут в курилке только что черных ругали, и предложи – а пойдем, типа, на выходных какого-нибудь черного замочим? Что тебе ответят? Отмазки пойдут, хоть роман пиши. А языком все пиздить горазды. Вот в том-то и дело, Митяй, что дух людей нужно перековывать! Помнишь, о чем мы с тобой спорили? Ты мне щас что хочешь говори, но ваша борьба чисто материальная – ну, одного хача замочили, ну, другого, ну, ниггера, ну, рэперу морду набили. Но всех-то вы не перебьете! Помнишь, ты сам в статье писал – типа, дерьмократы якобы борются не с причиной, а с последствиями. Вот у вас такая же фигня – всех хачей не перебьете, система новых сюда запустит. Всех рэперов не передолбаете, потому что эту заразу система осознанно плодит. Нам повезло – я, ты, твоя бригада, мы выросли, когда коммунизм рухнул, когда молодежью в принципе не занимались. А сейчас ты посмотри, что творится? Как они капитально мозги ебут!

– Так что, ты мне хочешь сказать, что скинхедство – это чушь, что это не нужно? – повышал голос Квас.

– Никогда я такого не говорил! – отвечал Слон. – Скинхедство необходимо. Как молодежная культура, которая открыто противостоит хип-хопу и прочему говну вырожденцев. Как молодежная культура, которая имеет свой яркий стиль во всем. Скинхедство необходимо как фильтр. Пусть через него отсеиваются слабые, лентяи и трусы. Террор – необходим. Я не говорю, что не надо бить морды. Надо. Надо бить морды, мочить, резать, что угодно. Но не надо стоять на месте. Не надо делать из мордобоя культы. Мы из этого выросли. Но прекратили ли мы борьбу? Нет! Пока Россия не будет великой, мы будем сражаться! Мы выросли – и вы из этого вырастаете. Ты что, этого не чувствуешь? Многие ваши это чувствуют. А вы себя изживаете. Ваше лучшее время прошло. Теперь конец, какой бы он ни был – не за горами.

Два дня они не разговаривали – Квас обдумывал сказанное. Он понял, что Слон, мать его так, вроде прав. Но тогда что же делать?

Слон сказал – только два, мол, выхода. Отказаться от всего, прекратить борьбу и медленно стать тупым обывателем, лишенным всего святого, существом без идеалов. Как тебе такой вариант? Нет, никогда! Это же страшно! Это как изнасиловать самого себя! Верно, я тоже такое чувствовал. И второй вариант – всем вступать в какую-нибудь партию и заниматься легальной борьбой. И иногда трясти стариной и трогать черных за вымя – чтоб не забывали, чью землю топчут, падлы! – Другой партии, кроме РНСС, я не знаю. Если хочешь, я притащу тебе кое-что ознакомиться.

– Валяй, – ответил Квас. – Но сам понимаешь, я обо всем расскажу нашим. Ты сам, наверное, понял, что разговор был слишком серьезным.

– Да валяй, – ответил Слон. – Эти разговоры – не секрет. Мы это обсуждали. Мы это еще будем обсуждать. А насчет того, что я слишком много знаю – пиз-дить языком кому-то из ваших меньше надо, и все...

* * *

Квас перенес тяжесть тела на правую ногу, чтобы не облакачиваться на станок, уже приготовился жать кнопку нагрева паячных клещей, когда медная проволока, зажата в этих самых клещах, дрогнула, поехала в сторону и в сотый раз соскользнула. Злости не хватало, даже чтобы ругаться. Квас шумно выдохнул и резко повесил клещи на крюк. Швырнул серебряный припой на тумбочку для инструментов. Кулаком от злости шархнул по мотку бандажной ленты.

– Что ты тут расшвырялся? – послышалось из-за спины. – Не получается?

Это тихо подкралась вьедливая тетка Маша из ОТК.

– Да тут с концами я напутал, теперь, блин, шесть паек делать.

– А ты что, намотку все, сделал? – Да все уже...

Тетка Маша полезла к катушке, а Квас присел на корточки, стал собирать обрывки бандажки и швырять их в ведро. Это занятие, легкое и понятное, слегка успокаивало.

– Чертежи подай! – послышалось от станка.

Квас подал засаленную развертку и продолжил навесом швырять куски бандажки в ведро и при каждом удачном броске довольно говорил сам себе: «Трехочковый!» И тут на его бритую макушку обрушился дробящий удар.

– Д-да? – зловеще-звеняще спросила тетка. – И сколько же у тебя здесь витков?

– М-м... Сорок, – уверенно ответил Квас.

– А надо сколько?

– Сорок.

– С чего ты взял?

– Чалый сказал.

– Чалый сказал... – передразнила тетка. – А больше он тебе ничего не сказал?! А чертеж ты читал?

– Читал. Так там написано мотать по второму варианту.

Маша вздохнула.

– Короче, эту херню, что ты нагнул, разгибай, спаивай все обратно, и еще девять витков. Медь отрежешь «лестницей», чтоб пайка на пайку не належала, а то радиальный размер похеришь, на стяжке завернут. Еще тебе четырнадцать паек. Спаяешь, я приду, проверю. Давай, дерзай!

Ну все, это уже слишком! Квас дождался, пока ОТК отвалило, пнул паячные клещи ногой и пошел в курилку. Там покуривали Игорь и Арбуз – еще один ученик и грузчик. Закурив и швырнув на стол зажигалку, Квас подпустил таким матюгом, что оба разом умолкли.

– Че случилось? – спросил Арбуз (Арбузов).

– Да пошли они на хуй, уроды! – отмахнулся Квас. – Уже заколебали, честное слово! Не, ну ты прикинь – я ученик, мотаю первую катушку, они мне дают наставника – Чалого, он вот с понедельника бухой, блядь, в лах-муты! Вот я начал в среду, до пятницы я почти все сделал, он был трезвый еще – ну, мы с ним вон сколько намотали! Подойдешь к нему, если чего надо, спросишь, все объяснит, как человек, короче, ништяк.

– Чалый – мужик шарящий! – вставил Арбуз.

– ...А с понедельника – как пошел бухать, так и началось – делает там, черт знает что, а я переделывай. А начальство ходит и смотрит – всю неделю, мол, ни хрена не делаешь. Медленно, мол, мотаешь. Не закладывать же мне Чалого – мне еще тут работать...

Тут забрел покурить старенький Семеныч, старожил цеха. Квас, размахивая сигаретой, продолжал изливать душу.

– Дескать, что не ясно, спроси у наставника. Ебать ты конем! Вот он стоит, наставник, блин, глазки в кучку! И так уже вот почти неделя! Нервы все уже измотали! Я так думаю – ты начальство же, твою мать! Ты что, не видишь, кто в каком состоянии у тебя по цеху ходит?! Хуль ты до ученика докопался?! И этот еще, блядь, Петя-Петушок! Сто раз подходил, когда я с пайками мучался, встанет над душой и давай трендеть – клещи не так держишь, то не так, это не эдак, советчик хренов! Нет бы сказать – давай я тебе, Дима, медь подержу! Я бы там все и спаял! А то языком трепать все мастера!

– Хреново вас учат, – добродушно вставил Семеныч. – Тогда, при Союзе еще, считалось, вот пять лет отработаешь – вот тогда ты да, трансформаторщик. А ты месяц подручным стоял, прокладки херачил, – Семеныч рукой изобразил, как подбивают прокладки, – а тебя уже за станок пихают. Хуль с тебя взять-то еще? Раньше тебя бы к станку еще близко бы не подпустили! На тебе меди гору – сиди тренируйся пайки.

– Ага, сейчас, блядь, пайки тренируйся! – съязвил Арбуз. – Медь вся как сквозь землю проваливается!

– А что, воруют? – спросил только три дня отработавший Игорь.

– У-у, еще как! – хором ответили ему остальные.

– Еще как, парень, воруют! – со вкусом пыхнул «Примой» Семеныч. – Вот, за выходные

тонну, считай, спиздили.

– Ого!

– Да-а, а ты как думал!

– А помните Ваню из слесарки на проходной за жопу взяли? – вернулся в разговор Квас. – Полкило меди тащил на пузе, какой тут кипеш поднялся! Собрание, Игорек, собрали! Мартышкин приперся! На проходной плакат вывесили – позор, типа, несунам! Приперся Мартышкин – и па-ашел пиздить! Какой позор! Какой ужас! Работяга пронес полкило меди, не от хрошей жизни, наверно. Такой кипеш был, ты чего! А тут за выходные уперли тонну меди – и ничего, нормально, все тихо и спокойно. А ты смотри: ведь тонну – это на машине надо вывозить, правильно? Водиле – раз! – Квас стал загибать пальцы, – ВОХРе – два! Тому, кто за машинами следит, – три, просто так машина тоже с завода не выкатится...

– Да машина с улицы сюда хрен въедет! – присовокупил Арбуз.

– Вот и считай, кто эту тонну стащил? Ты? Я? Он? Семеныч? Да ни хера! Мартышкин, сука, ее и вывез! А Ваньку он статьей грозил, посажу, мол, козел!

– Прихожу тут в контору, – сказал Семеныч, – мать твою за ногу! Одни пархатые сидят – что ты будешь делать! Сидят, бумагами обложились. Спрашивают меня – как вам, мол, по нарядам платить? Я смотрю на нее, думаю – или я ебанулся, или ты, дрянь, тут воду мутишь! Строит из себя целку! Как платить, хуй веревкин, так они не знают...

– Точно-точно, – добавил Арбуз. – А как себе в карман класть, так это они быстро усвоили. Все разворовали...

– Пойду по собственному желанию писать! – Квас мрачно растер окуроч в пепельнице.

– Да ну, Димка, не психуй!

– Брось, Дим! Вон, Игорек послушает, так...

– Да ну их на хер! Это – не работа! – Квас поднялся. – Чалый мне сейчас всю катушку спьяну запарол!

Прошло около часа, и Квас, еще более злой, опять вошел в курилку. Она была пустая. Квас вытряхнул в ведро пепельницу, потом сходил к станку, принес банку и набрал клея. Тут же уселся перекурить. Он уже замял бычок, когда опять на пороге показался Семеныч с Морозом, толстым и веселым мужиком.

– Ну че, Дим, написал?

– Не. Босс сказал, добей катушку, а там видно будет. Карта же, типа, на меня заполнена.

Тут в курилку гордо вошел кот Блядун.

– Мужики, Блядун вернулся! Кс-кс-кс-кс! – позвал его Мороз, и рыжий кот легко вспрыгнул на лавку рядом с ним. Кот знал, что самое лучшее место в цеху – курилка.

– Мороз, а почему Блядун? – спросил Квас.

– А это его Степка Колыванов (царствие небесное!) Поздним Блядуном назвал. Зато, что орать начинал всю дорогу в конце марта. Блядун – умный кот, уже лет восемь в нашем цеху живет.

– Ладно! – Квас хлопнул ладонями по столу. – Пойду поработаю!

Семеныч с Морозом стали вспоминать Колыванова. Квас вышел. Злость его не остывала. У станка он не торопясь, чтобы успокоиться, начал делать пайку. И не пошло – вообще-то для таких работ должен быть подручный, но кого к парню-ученику подручным ставить? Профессионалов? А тем заняться больше нечем, как только в подручных стоять. Такого же зеленого ученика? Так они все заняты. Так что Квас мучился один. Пряничный Слон бы помог, но он в другом цехе. Прямо весь издегавшись, Квас залепил три пайки, и Маша две из них запарола. Вне себя, он поплелся курить. И тут увидел, как Костик, еще с утра врезавший, ткнул паячными клещами, какими только что паял, по задней лапе Блядуна, который крутился под ногами. Кот подскочил вверх, заорал и стрелой рванулся наутек, а шерсть его дымилась. Квас одним махом оказался у костиного станка.

– Ты чего, мудака, делаешь?

– Че-его?!

– Я говорю, хуль ты кота трогаешь, сволочь?! – Квас и так бы вступился за Блядуна, а тут тем более надо на ком-то злость сорвать. Кроме того, будучи язычником, Квас фанатично любил природу.

Костик стал медленно подниматься с корточек. Его подручный и дружок, Тима, облокотился на катушку, быстрыми серыми глазами следя за ссорой.

– Герой выискался, бля, кота трогать! Ты б меня клещами мазнул, урод!

– Ты чего, охренел что ль, я не пойму? Отвали от меня, ненормальный! Надо будет, и тебя мазну!

– Что? – Кваса заклинило, и он пошел вперед. Костик изготовился. Но тут меж ними вклинился Тима.

– Тихо, тихо, мужики! Брек! Вы чего, охуели, в цеху драться?! Потом, потом все разборки!

Квас для вида поупирался, но сам быстро понял, что переборщил. Махаться в цеху – это, конечно, глупость. С достоинством он повернулся, сплюнул и пошел к курилке.

– Валерьянки иди попей, псих ебанутый!

– Отвали, живодер!

Этот конфликт случайно продолжился в раздевалке после смены. Квас со Слоном уже переоделись и пошли за пропусками, когда Квас вдруг хлопнул себя по лбу.

– Постой, Слон! Одну вещь забыл сделать.

Квас вспомнил, что на днях принес аэрозоль для быстрого затягивания ожогов, и решил найти Блядуна и побрызгать ему рану аэрозолем. Они со Слоном развернулись и двинулись обратно. Так случилось, что в узком проходе между рядами ободранных железных шкафчиков они столкнулись нос к носу с Костиком и Тимой. Голые по пояс, с полотенцами на плечах, те возвращались из умывальни. Они бы так и прошли спокойно мимо друг друга, но черт дернул Костика спросить у Слона:

– Твой друг всегда такой психованный или когда только котов видит?

Выскользнула из руки Кваса матерчатая сумка и звонко лопнула об пол пустая банка из-под обеда. Квас начал своим любимым методом – ударом сверху вниз вмазал косточками кулака по костькиному носу, потом, пользуясь секундным болевым шоком, пару раз полноценно отработал по физиономии и ринулся в ближний бой. Опрокинулась банкетка и, как старые литавры, за дребезжал шкаф, когда в него широкой спиной врезался Костик под разящей атакой скинхеда. Тут же на Кваса сбоку прыгнул Тима, и Квас получил по уху. Сразу же напор Тимы ослаб – на него навалился Слон. И тут на явный шум драки стали сбегаться мужики – разнимать. Костик отшвырнул Кваса, все-таки ему уже под тридцатник, чуть ожиревший бывший десантник, и солидным крюком левой в свою очередь послал Кваса на шкаф. Сцепившихся Тиму и Слона вынесло из коридорчика на простор, и Слон стаканом гриндера врезал врагу в косточку голени. И тут их разняли. Квас, пришалев от удара, сполз по стенке шкафа на пол, и, не вмешайся мужики, ему бы здорово бы перепало. Слона отпихнули от сидевшего на полу и державшегося за ногу Тимы. Лицо его покраснело и, натужно выдохнув:

– У-уй, ма-аа! – Тима завалился набок.

– Тимофей? – тронул его за плечо Мороз.

– Чего? Чего с ним? Чего такое? – заволновались мужики. – Чем ты ему?

– Да ничем, – хмуро ответил Слон. – Ботинком по ноге. Сейчас пройдет.

Костика оттерли от вставшего Кваса.

– Ну вы чего, мужики, баб, что ли, не поделили?

– Да он охуел! – Костик хлопнул разбитым в кровь носом. – Из-за кота ебаного драться лезет!

– А кот-то тут причем?

– А не хера Блядуна паяльником дрючить! – отозвался Квас, массирующий ладонью скулу у уха – удар старого солдата пришелся прямо туда, и правая половина лица быстро покраснела.

– Ну их на хрен! – громко отозвался кто-то, – с ихним котом!

– Короче! – сказал мастер Толя. – Еще чего-то такое будет, на ковер к Светлову все четверо пойдете, ясно? Заняться больше нечем, что ли? А сейчас умойтесь и домой!

Квас резко вытряхнул в ведро из сумки остатки обеденной банки. Слон невозмутимо курил. Тима поставил банкетку и сел на нее, массируя косточку. Костик пошел умываться. Рабочий день закончился.

* * *

В набитую моделями комнатку Слона в ближайшую же субботу набилась вся взрослая часть бригады. Пришли все, кого касались все эти мутные разговоры. Были тут Роммель, Квас, Сергей, Аякс, Башня, Бабс, Боксер. Из более молодых присутствовали три самых одиозных и пафосных бойца – Повар, Морковка и Сова. Разговор был неприятный, то и дело приходилось разряжать обстановку. Было и такое – чуть не сцепились Боксер со Слоном. Из-за того, что Боксер что-то пробурчал насчет того, что Слон-де возник, чтобы развалить бригаду. Стычке не дали разгореться, потому что схватка двух таких массивных товарищей привела бы к потерям среди личного состава бригады, да и вся бронетанковая техника Слона тоже бы перестала существовать. Конфликт общими усилиями замяли, но Слон долго еще орал, что он, типа, не разваливает бригаду, а спасает и все такое. Порядок навел Квас, прямо предложив огласить Слону все то, что он на-гора выдал в заводской раздевалке.

Тяжко вздохнув (типа, сколько же можно одно и то же повторять, тишкина мать!), Слон повторил в мертвой тишине все свои аргументы и предложил всем, кто не согласен, вот тут, на этом месте ответить ему. Ответа не было. Все переваривали услышанное. Но вид у всех был убитый. Слон тут же перешел в наступление, пафосно заявив – да вы, типа, что, упали – я же не говорю, все! Бригада останется. Мы все будем вместе. Борьба продолжается! И еще куча всяких поднимающих настроение лозунгов. Даже для упертых сторонников террора у него нашлось доброе слово – мол, в Союзе возможности пошире. Можно аккуратно и без шума замутить чего-нибудь и посерьезней – не только же кулаками махать! В конце концов все согласились – да, стоять на месте нельзя. Да, подросла смена.

С этим разобрались. Со всем согласились. В комнате и так уже дышать нечем было, когда раскрыли пошире окна и закурили еще по одной. Теперь пошли чисто организационные вопросы. Морковка, Сова и Штурм с Упырем, а также Ржевский со своей командой – вот новый костяк бригады. Уже тринадцать человек. У молодой бригады даже будет свой Гитлерюгенд – совсем уж зеленые скинчики, знакомые Штурма. Значит, уже и третье поколение подрастает. Командовать будет Повар. Он, во-первых, по возрасту нечто среднее, во-вторых, хорошо себя в деле зарекомендовал, пользуется авторитетом, всяким порокам не подвержен, инициативен, не амбициозен, не болтлив, не заносчив, легко сходится с людьми, да и со старшими давно дружит – значит и дальше будет тесное взаимодействие поколений. Кандидатура Повара возражений не вызвала.

«Российский Национал-Социалистический Союз», в общем, тоже не вызвал нареканий – партия откровенно националистической ориентации, с восьмилетним стажем, вызывающая обильное слюноотделение и ненависть тех самых СМИ брехливых телевизионщиков, которых друзья ненавидели органически. Эта партия стояла несколько особняком от остальных, это было что-то вроде ордена, и равных ей по одиозности в глазах врагов, сплоченности и многочисленности не было среди прочих. Роммель, Квас, Боксер, Серега решились вступать в Союз окончательно, Бабе и Башня сказали, что подумают. Все-таки они всегда были известны как слишком уж самостоятельные деятели и дисциплине подчинялись до известных пределов. Но и они наверняка вступят – просто уже все привыкли и в пир, и в мир идти вместе.

Когда со всем этим разобрались и наметили план дальнейших действий, у всех точно камень с души свалился. Ведь каждый слышал эти полунамеки-полудогадки, и каждый как-то подсознательно боялся худшего. Крепкая почва, затвердевшая за все эти годы до железобетона, на короткое время задрожала и скользнула под их ногами. Но теперь все – они опять будут вместе, и борьба продолжится.

ГЛАВА 6

Однажды Квас заявился домой с завода уж слишком в приподнятом настроении. В этот понедельник он получил зарплату, и они со Слоном недурно проехали по пивку. По квартире, врываясь через открытую балконную дверь, носился сквознячок, нежно пошевеливал белоснежный тюль. Квас разделся, икнул и двинулся на кухню – мыть банки из-под рабочего обеда. На всю квартиру разносилось его громкое пение:

Вот закончились дни выходные,
И с утра мне идти на завод,
Снова будни пойдут трудовые.
Так живет работающий народ!
Бум-Бум! (Квас губами сымитировал фанфары.)
Но к винтовке тянется рука,
Рабочий класс – к винтовке от станка!
Своей мозолистой рукой
Порядок наведешь крутой...

Это они со Слоном сочиняли всякие вирши, упиваясь принадлежностью к рабочему классу. Получалось так, средне, но распевали все это с удовольствием.

Квас отметил, что ни матери, ни кошки дома не было, и получалось, что опять Лиску потащили к ветеринару. Причины были. Ведь проблемы с ухом не закончились, и тут вдруг резко пошло на обострение. Мать, как обычно, все откладывала и откладывала в долгий ящик – наверно, ей легче было каждый день чистить кошке ухо, успокаивая себя, что она, мол, лечит ее, что рано или поздно ей станет лучше. И однажды Квас взбунтовался. Тогда просто ему стало ясно, что все плохо – видно было, что опухоль выросла. Он сказал тогда – мол, мам, хватит. Ты что, не видишь, что все хреново? Смотри ситуации прямо в глаза – само это не пройдет. Если ты, типа, сама не повезешь ее, то в субботу – я буду не я, но я ее сам повезу! Я сказал. Подействовало – мать поволокла кошку к ветеринару.

И вот, когда Квас вытирал банку, они приехали. Квас с полотенцем на плече вышел в прихожую.

– Привет!

– Привет... Ты с работы давно пришел?

– Да вот только что... Ну что, как там?

– Сейчас скажу... Ну, в общем, ничего хорошего... – мать разделась и выпустила кошку из большой дорожной сумки. – Мить, по-моему, она там пописала, иди протри сумку. Сейчас все расскажу...

Квас вернулся в кухню – и мать уже сидела там, смотря какие-то свои записи в тетрадке.

– Ну, – Квас уселся на стул. – Давай рассказывай...

– В общем, все плохо. Ты был прав. У нее что-то вроде рака. И дальше будет только хуже. Я не представляю себе, что мы будем делать...

– И что, все? Ну, а может, операцию как-нибудь...

– Я говорила об этом...

– Ну? – с надеждой перебил Квас.

– Хирург сказал, что это у кошек место такое, что вырезать-то можно, но потом кровь нельзя будет остановить. Это слишком близко к мозгу.

– Ну и что? А ты хочешь, чтобы она тут на наших глазах мучилась? Мази да порошки ни хрена не помогут! Тут либо-либо, понимаешь? Так она умрет точно. У нас есть шанс. Если да, то да, если нет, то пусть она умрет под наркозом, чем так, медленно. Ты же сама понимаешь, что такое рак...

Мать не согласилась. Пока, в общем, правильно – есть, мол, еще один ветеринар, надо свозить и к нему-что там он скажет. Может, все еще не так плохо. Может, это хирург говорит насчет операции, ведь ему с нее деньги пойдут. Может, и операции никакой не нужно. Может, вообще какой-нибудь авитоминоз. Все уже привыкли к Лиске, просто как к члену семьи, а Квас и кошка вообще понимали друг друга с полуслова, так сказать. И хотелось до конца искать лазейки – а вдруг случится чудо, а вдруг, а вдруг само пройдет, но только не принять то, что кошка обречена, и отныне стоит только один вопрос на повестке дня – как облегчить ей переход в мир иной. И Квас первый сказал такое слово мудреное – «эвтаназия». Мать это назвала «нацистскими штучками».

В воскресенье же Квас с матерью поехали к другому ветеринару – и там было то же самое. Потом долго еще Квас спорил с матерью насчет эвтаназии, в конце концов на его сторону встал

даже отец, но женщины иногда непрошибаемы. Решили, что пока вроде все нормально, кошку не трогать, но как только начнется ухудшение, то тогда все – эвтаназия. И они ждали. И Квас каждый вечер чистил своей кошке ухо – морщился от запаха, но дезинфицировал перекисью водорода, снимал гной, который буквально на глазах заполнял ушную раковину, мазали «Витаоном», еще чем-то, и мазь какую-то купили, и капсулы давали. И каждую капсулу – с боем, кошки ведь вообще насилия над собой не терпят. Иногда за ночь в ухе скапливалось такое, что приходилось обрабатывать ухо и утром, и Квас уходил, не позавтракав. И хотя мать цеплялась за любое, убеждала себя, что сегодня лучше – типа, пахнет уже не так или гноя меньше, но она-то видела мельком, что творится в ухе, а Квас там копался ежедневно. И он видел, что опухоль понемногу растет, причем не только вверх, но и в глубь тоже. Да и вообще было заметно и по самой кошке – смерть уже близко. Шерстка у нее, всегда блестящая, как вороново крыло, гладкая, шерстинка к шерстинке, теперь свалаялась и померкла. Потухли глаза. Ела она мало, и все время где-то скрывалась. Потом кошка вообще пропала, и нашли ее только через два дня. Нашли по запаху. Лиска забилась под ванну, и Квас однажды утром зашел в туда и понял все. Это был запах смерти, ужасный и стойкий. Квас достал фонарик и когда луч рассек темноту под ванной и наткнулся на кошку, Квас охнул и заплакал, и выключил фонарик. Нет, серьезно заплакал. Если бы кошка умерла, ему было бы легче, но Лиска была жива. Он ожидал ее увидеть мертвой, но такой он ее видеть не мог, слишком любил. Голова Лиски раздулась почти вдвое, один глаз заплаыл и потух. Рот был полуоткрыт, она дышала тяжело и шумно. И запах. Квас так и плакал, стоя на четвереньках, прижавшись щекой к холодному полу. А Лиска дышала. И дышала так, что Квас не мог остановиться. Не мог он, когда знал, что существу, которое он любил, каждая секунда несет боль, одну только боль, а все равно, не хочет она умирать, цепляется за жизнь. Прибежала мать. Сразу все поняла. Спросила.

– Не, – помотал головой Квас, поднимаясь с карачек. – Она жива. Но не смотри, не надо. Это, это жутко. Там сидит не Лиска. Надо ее везти – все, это уже конец.

Квас перенес тарелку с едой и питьем к ванне и ушел на работу. Мать обещала повезти ее на днях, но два дня не везла, и Квас плакал и ругался с ней, а потом сказал, что повезет вечером после работы. Его бесил этот, по его мнению, сопливый гуманизм, мол, пусть лучше кошка загнется в муках, лишь бы, упаси Бог, не быть причастными к ее смерти.

И потом сразу же наступил конец. Но перед этим Квас увидел такую жуть, что он вообще никогда не подозревал, что такое может быть. А началось все со взлета надежд. Два дня Квас ходил убитый, и ни с кем толком не разговаривал, а это ведь самое страшное, когда боль несешь в себе. И тут вдруг вечером он вошел в ванну, и понял, что запах исчез. Они повесили в ванной сильный озонатор, но так и не смогли перебить запах смерти, и получалось что-то вроде покойника в цветочном магазине. А тут запах исчез. Квас принохивался – может, просто привык. Нет, исчез и все тут. Потом Квас увидел пустые миски. А ведь раньше кошка не ела и почти не пила, хотя еду и воду они меняли регулярно. Квас улыбнулся сквозь опять выступившие слезы и побежал за фонариком. Луч нащупал темный силуэт Лиски, и Квас заорал «Ура!» И столько в этом вопле было надежды и радости, что из спальни прибежали родители. Квас стоял на четвереньках, в одних трусах, и все не мог насмотреться на Лиску.

– Что, что такое? – в один голос спросили родители.

– Ну, посмотрите! По-моему, ей лучше!

– Не может быть!

– А запах куда девался, а? А на миску посмотри! Я говорю – ей лучше! Господи, неужели!

Квас поднялся и передал отцу фонарик. Теперь под ванну полез отец. Пока он рассматривал кошку, Квас обнял мать и тихо говорил ей в ухо:

– Мам, ей лучше! Гадом буду, ей лучше! Ты понимаешь, лучше! Значит, не зря! Черт побери, значит, не зря! Говорю же, ей лучше!

– Подожди. Володь, ну, что там?

– Светятся оба глаза, – констатировал отец, – Опухоли нету, вокруг нее – объедки.

Потом они все вместе на кухне пили чай, и обсуждали Лиску. Мама изображала из себя Фому Неверующего, может, от жизненного опыта, который подсказывал ей, что если рак уже схватил клешней, то все, амба, а может, просто потому, что ей хотелось в десятый раз выслушивать Кваса, который с горящими глазами стоял посреди кухни и спрашивал:

– А кто сказал, что у ней рак? А может, у кошек вообще нету рака? Мы имеем факты – запаха нет, опухоли нет, кошка стала есть! Да откуда ты знаешь, что у ней было? Ты вспомни, как мы боролись за нее?! Так и должно быть, потому что мы боролись за нее до конца! Не может же это быть впустую! Запаха же нет? Опухоли нет?

Ну и так далее...

Сошлись на том, что завтра посмотрят. Но Квас долго не мог заснуть. Он часто вставал, шел в ванную и с наслаждением вдыхал цветочное амбре без запаха смерти. И шептал: «Лиска, ну давай, выздоравливай! Только не умирай! Тебе лучше, я знаю, только не умирай! Ладно?» А кошка чего-то возилась под ванной. Потом Квас возвращался к себе, ложился, но заснуть не мог – весь внутри ликовал, вставал, закуривал. «Живи, Лиска! Мы же тебя так все любим!»

И утром он увидел ее. Она сидела на кухне, на стуле у стола. Он увидел ее грациозный силуэт, и все в ней вроде было стройно, как и раньше. Лиска вылезла на свет Божий! Значит, он был прав! Значит, лучше! Лиска, милая! Боже мой!

Квас ринулся к ней и когда он увидел ее в упор, то поперхнулся и только чудом не заорал от ужаса. Ухо, вся правая половина морды, белая манишка на груди – все было в свалющимся бордовом колтуне. Местами в ее шерсти застыла эта бордовая гадость так, что участки шерсти приобрели вид сосулек. В основании ушной раковины набухла блестящая язва, а от уха вниз на бордовом фоне зияла черная трещина. Но несмотря на весь этот ужас, Лиска, по-видимому, боли не чувствовала и взирала на окаменевшего от ужаса Кваса спокойно и безмятежно. Все, что Квас пережил при виде этого зрелища, вылилось в дрожащий шепот:

– Твою мать!

Но это было еще не все. Опухоль, судя по всему, умертвила кошкину кожу вокруг себя, а потом лопнула. Или боль от нее была такая, что Лиска не выдержала и расчесала все на свете, эта сволочная опухоль лопнула, и вся гремучая зараза текла и текла, словно лава, пока не окаменела и не превратила кошкину шкуру в засохший омертвевший пергамент. И что самое ужасное – клочок этого пергамента свободно болтался за ухом, и хлопал, когда Лиска взбрыкивала головой. Что там внутри, Квас смотреть так и не отважился, только выдохнул во второй раз:

– Е-й-о-б твою мать! Господи, что же это такое? Так, в полном ступоре, он и пошел на работу, твердо пообещав себе, что, придя с работы, отвезет кошку к ветеринару. Пришло время рубить гордиев узел – или опухоль действительно лопнула, угроза для жизни миновала (он в это свято пока еще верил – ведь лопнула же!), а весь этот кошмар со временем пройдет, или нет – но в любом случае, момент для окончательного разговора с ветеринаром наступил.

И Квас, придя с работы и заморив на скорую руку червячка, осторожно засунул почти не сопротивляющуюся кошку в кожаную дорожную сумку и повез, захватив с собой рублей двести. И по дороге он отчасти понял, почему мать так сопротивлялась решительному шагу – ужасно тяжело вести собственную кошку на убой.

Так хоть какая угодно, но хоть живая. Он знал, что этой кошке пять лет, и вместе с ней оборвется ниточка, связывающая его с тем беззаботным временем. Так что какая-никакая, а все-таки живая, а через пару часов ее не будет вообще. Мужчина, по мнению Кваса, отличался от женщины тем, что сколько бы он не питал надежд, сколько бы не бился в безнадежной ситуации из-за этих надежд, но всегда наступает миг, когда мужчина начинает оценивать ситуацию трезво и непредвзято, в то время как женщина до конца прет на одних эмоциях. Осталась одна маленькая и слабенькая надежда на чудо. Но чем ближе Квас подходил к ветеринарке, тем отчетливее понимал, что это – конец, что титаническая, но безнадежная борьба за кошку заканчивается. Любовь и готовность жертвовать личным временем ради любимой кошки отступили перед чудом по имени «рак». Он уже изуродовал прекрасное своей дикой грацией маленькое отважное существо – но этого ему мало, ему нужна она целиком.

Квас молча зашел в клинику, коротко осведомился, кто крайний, тихо сел и так просидел почти полтора часа, держа на коленях сумку, пока не подошла его очередь.

Даже сейчас Квас ожидал, что вдруг ветеринар скажет что-то вроде: «Чудо! Чудо! Случай самоисцеления! Один на миллион! Вы молодцы, выходили кошку, кожу мы пришьем, это все смоете, на язву поделаете компрессы, и через пару месяцев кошка будет как новая», и Квас с

Лиской победителями вернутся домой, и он будет рассказывать все пришавшей от радости матери, и поставит своим соратникам на радостях пива, и они с матерью опять будут возиться с Лиской каждый день, но уже по-другому – раньше, зажав зубы, они бились от безнадёги, а теперь – зная, что победа близка.

Но чудес не бывает. Толстый ветеринар не показал никаких эмоций, когда Квас распаковал кошку и посадил ее на стол. Видать, видал кое-что и поэкзотичней. Осмотрел Лиску, отогнул пинцетом лоскут кожи, покачал головой. Вот тут Квас все и понял.

– Только усыплять, – прозвучало как приговор. – Дальше только животное мучить. Опухоль лопнула, и сейчас у ней весь организм в метастазах. То, что потом начнется, вы же с ума сойдете, на нее глядя! А начаться может хоть завтра!

...Через два часа Квас привез мертвую Лиску домой. Оставлять ее не захотел ни за что – просто однажды, когда был маленький, ездил с теткой и ее кошкой в ветеринарку, и пока они томились в очереди, вышел во двор, бесцельно шатаясь, обогнул белое здание клиники, а в глубине кустов зеленел облупленный мусорный контейнер. И там Квас увидел, привстав на цыпочки – почти до половины ободранного контейнера были валом навалены мертвые кошки и собаки. Квас глядел на них как замороженный. Стоял едкий запах лекарств. Лежащий сверху рыжий котяра был явно ухоженный, и его шикарная шерсть еще не свалилась в этой братской могиле как войлок, а по ней ползали трупные мухи. Квас вспомнил это, и забрал Лиску домой. Лиска была членом семьи и заслужила, чтобы ее похоронили где-нибудь в парке, под деревом, да так, чтобы ее тихую могилу не разворошили собаки. И чтобы над ее могилой не безумствовала цивилизация, а мирно шептались листья, и солнце, лучиками пробивая ветки, пригревало небольшой холмик, отсвечивая сквозь листочки, и бегала во всех направлениях всякая лесная живность, большая и малая. Хоть Лиска и прожила всю свою жизнь в квартире, но пусть она вернется в свою стихию – на природу...

Мать, конечно, ударилась в слезы, а Квас молча прошел на балкон, достал из рюкзака саперную лопатку, попробовал острие. Потом, стараясь не глядеть, упаковал Лиску в два пакета и кусок брезента, обвязал веревкой, так что получилось что-то вроде кокона, и пошел на улицу. Мать захотела посмотреть, но Квас отрезал:

– Чего там смотреть... Ничего хорошего не увидишь! Мертвая Лиска... Будем помнить ее живой.

Мать ушла на балкон плакать, а Квас добрался до парка и углубился в лес. Недалеко от пруда, возле древнего-древнего пня, он ожесточенно выкопал глубокую яму, выстлал дно ветками, потом положил Лиску, а сверху прикрыл несколькими досточками. Потом закидал яму землей.

Квас присел у ямы на землю, откупорил пиво и закурил. Вот и все. Отныне кошки у них уже нет. Он ведь еще даже не осознал этого, может, оттого так и спокоен. Мать ведь поплачет поплачет, а потом Лиска уйдет для нее в историю, как Мурка, которая была у ней в детстве, как Пуршик, как Васька. А вот для него, хоть он пока не плакал, да может, и вообще не будет, Лиска никогда не станет какой-то абстракцией, она всегда будет для него живой. И не надо собирать ее фотографии, он ее и так прекрасно помнит, и без фотографий. Кто-то сказал, что фотографии лгут, ведь время-то не может останавливаться. Так что ему и не нужно фотографий – Лиска и сейчас для него живая, и помнит он ее живой, целые истории про нее. И в этих историях она то прыгучий котенок с вислыми усами и глупой уморительной физиономией, а потом гордая молодая Багира, полная сил и грации...

Квас допил пиво, оттер лопату, зачехлил ее и пошел домой.

* * *

Недаром однажды Сергей позвонил Роммелю и сказал:

– Вождь, надо спасать соратника! Чертов Слон заразил его моделизмом!

Роммель тогда не поверил, а напрасно. Квас, из-за Лиски не находящий себе места, плюнул на все и купил себе немецкий Т-1, краски, кисточки и позвонил Роммелю, впрочем, как и всем остальным, с просьбой посмотреть по случаю зубной порошок.

– Это еще зачем? – подозрительно спросил Ром-мель.

- Чтобы в краску сыпать, типа, чтоб матовая была.
- Какая еще краска?
- Обычная, для моделей.
- А-а-а, ч-черт!

И начали ходить про Кваса анекдоты. Причем Квас обычно присутствовал при их рассказах и смеялся вместе со всеми, а так еще крепче сдружился со Слоном. И Слону, кстати, тоже доставалось.

– Слушайте, ребята! – начинал обычно Серега. – Анекдот. Представьте комнату Кваса. Полумрак. Рассеянный свет. Бутылка шампанского, фрукты. Музон для порева. За столом сидит Квас в одних трусах, чего-то делает. Заходит девушка, классная такая, все, короче, при ней. «Милый, пойдем в ванну!» – «Сейчас, милая, пять минут!» Проходит полчаса. «Милый, пойдем в ванну!» – «Обожди, милая, пять минут!» Проходит еще полчаса. Девушка, полностью обнаженная сзади обнимает Кваса. «Милый, ванна стынет!» – Тут Серега, давась от смеха истерично взвизгивает, имитируя сорвавшегося Кваса: «Да отъебись ты со своей ванной, у меня башня не клеится!»

Общий хохот.

– Дура-ак! – давась от смеха, добродушно констатирует Квас.

– А вот тоже анекдот! – вступает Боксер. – Сидит Квас перед только что сделанной и выкрашенной моделью, дронит и стонет: «О-о какая башня, о-о какой корпус, о-о какие гусеницы!»

– Сидит, короче, Слон и читает инструкцию по окраске пасхальных яиц... «Чтобы были синие – защемить в двери, чтобы были красные – ошпарить кипятком. Затем серебрянкой нанести имитацию облупившейся краски и подтонировать полусухой кисточкой под грязь...»

– Квас, дождес-ся! Короче, придем к тебе на День рождения, свяжем тебя, и я буду кувалдой все твои модели разбивать, а Эльза – туфелькой давить!

– У-у, звери! Я же вам говорю – когда вы придете, я же все к тетке вывезу! Предков заставлю резко все съесть, чтоб вам ничего не досталось.

– Прикиньте, ребята – отец с матерью Кваса сидят, едят все – пельмени, сыр, колбасу, Квас там конфеты, повидло там какое-нибудь, быстрее, типа, быстрее, в кошку там ежиком от унитаза торт запикивают...

– Вот это вот не надо, бля! – вскинулся Квас. – Не надо кошку трогать!

– Извини, друг! Прости, правда, забыл! Жалко кошке, конечно...

– Ладно... Мужики, я же говорю – я в осаду сяду! Отец там у двери с молотком будет стоять, я на балконе с палкой, а мать с Инной на кухне – смолу будут на плите кипятить, кипятком, чтобы вас обливать.

– Ничего, нас больше – числом задавим! Штурмом возьмем!

– Да пожалуйста. Только я предупреждаю – у меня сосед, такой боевой старичок, ветеран: «Мить, кто там ломится?» – «Дядь Вань! Там фашисты ломаются! Все у меня сожрать хотят!» – «Ага-а, я же говорил, все будет, как в 41-м! Пойду с антресолей ППШ доставать!»

– А мы через балкон!

– Да ради Бога. Только у меня десятый этаж, предупреждаю – раненых не будет!

* * *

Воскресенье, начало одиннадцатого утра. Место действия – комната Кваса. Шевелится бордовая штора у приоткрытого окна. На столе, на белой скатерти, блюдо с остатками «Праги», тарелка с виноградом, апельсиновые корки, бутылка из-под шампанского на полу, полупустая бутылка черноголовочной «Крем-сода». У постели на маленьком столике бокалы, пепельница и черная босоножка. Из-под раскрашенного под тигриную шкуру одеяла расслабленно свешивается изящная ступня с вишневыми коготками. На кровати шевеление и невнятное мычание. Приподымается бритый парень, откидывает одеяло, зевает. Это Квас. Он осторожно перебирается через спящую девушку, возвращает ее ножку под одеяло, идет к столу и прямо из горла пьет газировку. У поясницы и на плече видны несколько алых царапин. Попив и утершись ладонью, Квас садится на подоконник к окну, закуривает и рывком отбрасывает

занавеску. Постель в тигриных тонах тут же заливается солнцем. Квас курит. Тут девушка тоже начинает ворочаться и приподымает растрепанную головку, щурясь от солнца.

– Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало, – медленно декламирует Квас – Что вставать пора, наверное, бо одиннадцать часов. Инна, красота вселенной, дрыхнет нежной попкой кверху, и из-под тигриной шкуры пятка ейная сверкает...

Инна зевнула и потянулась всем телом, потом изящно села на подушке, скрестив ноги, и зевнула еще раз.

– Чего врешь? Только двадцать минут. Водички передай попить!

– Что-то вы хрипите нынче, о богиня всех скинхедов, – продолжает дурачиться Квас, даже не шелохнувшись. – Точно так бомжара грязный, утру радуясь младому, продирает свою глотку после пьянки накануне...

– Так, сейчас ты у меня схлопочешь... Что я сказала – быстро мне воды неси! – Инна состроила зверскую физиономию, отбросив прядь волос. А потом во всей своей красе раскинулась на оранжево-черном одеяле и ткнула легонько Кваса ступней под колено. – Мить, ну передай водички, так вста-аха-аха-авать неохота!

– Слушаюсь и повинуюсь! – Квас легко соскочил с подоконника и налил «Крем-соды» в бокал.

Инна медленно осушила бокал. Квас кинул со стола пачку ее буржуйских сигарет ей на одеяло, потом брезгливо, двумя пальцами, поднял со столика черную босоножку, повертел ее, посмотрел на свет и, морщась, спросил:

– Это еще что такое?

– Туфелька моя, – тоненьким дрожащим голоском ответила Инна. – Всего лишь моя туфелька...

– Э-э-э, типа, телка, – подражая Бивису, выдал Квас. – Ты, типа, купила ее на бомжовской барахолке и все такое... А где вторая?

– Откуда я знаю, куда ты ее вчера закинул? Был бы ты хорошим мальчиком, поискал бы...

– Ага, Инна, сейчас... Сейчас я все брошу и буду искать твою туфлю.

Инна покачала головой и закатила глаза – мол, что еще от вас ожидать, молодой человек!

Квас щелчком отправил окурочок за окно, положил босоножку обратно на столик и завалился на постель. Инна посмотрела на него сверху вниз, а потом сказала:

– Ну, чего замолчал? Давай, скажи еще чего-нибудь!

– Помнишь, у меня над столом картина висела...

– Это этот, как его...

– Ну, Унгерн фон Штернберг. Роман Федорович. Был такой, как это по-вашему, чувак.. Ты меня еще спрашивала, типа, кто он такой. Я тут про него стихи родил. Слушай:

Я видел, как в дальней уральской деревне, Девчонка в свечой освещенном окне, Льянную косу по плечам распуская, Поет про барона на черном коне.

В палатке суконной под небом угрюмым Так вонь от метелок полыни остра, А в дымке косматой метались фигуры, И сыпали залпами искры костра.

Глухими, без звезд, колдовскими ночами, Как встарь, по Уралу бушует война. И снова корежит в петлях комиссаров, И снова деревни кострами горят.

В тумане подлунном бесшумным аллюром Несется в степи мертвецов эскадрон. Руки мановеньем казацкие лавы Срывает в атаку кромешный барон.

«За Русь без жидов! На фонарь комиссаров!» Призыв как молитва, как клич и как стон. На сценах Берлина и Кенигсберга Склонился над картой оживший барон.

Тевтонец за Русь здесь дерется упрямо, И в сабельном плеске, в дыму и в огне. Уральские ветры со сцен обвивают Мундир генерала и дам декольте...

– Уф... Ну как?

– Это все?

– Не, до конца еще не придумал...

– Ну-у, ничего... Но я же ничего про него не знаю... Скажи еще чего-нибудь...

– Э-э-э, типа, Бивис... – начал Квас и дал волю рукам, но тут зазвонил телефон.

– У, твою мать! – ругнулся Квас, рывком приподымаясь, а Инна показала ему язык и нежно толкнула:

– Беги к своим бритым! Квас взял трубку:
– Алло! А, здорово! – он взял телефон и перенес на постель. Это был Слон.
– Привет! У меня для тебя классная новость! «Звезда» «Тигр» выпустила!
– Оп-па! Наконец-то. И как качество?
– Да я не видел, коробка запаяна, но говорят, нормально, передрали италовский. Декалей чуть ли не четыре варианта. Пафосная штучка.
– А лаве сколько стоит?
– Сто шестьдесят.
– Ничего, нормально. Ты как, брать будешь?
– Да я уже два взял.
– А два-то на фига?
– А я из второго транспортер сделаю. А ты, Квас, какой камуфляж будешь делать?
– Под Восточный фронт. Какой там был камуфляж?
– Ну вообще-то стандартная окраска для России – серый, ну а если «Тигр» из Африки переброшен, то...

Дальше пошел прискорбный для Инны разговор двух зануд-моделистов. Хотя Квас содеял только Т-1, но все равно, со стороны можно было подумывать, базар идет между двумя совершенно повернутыми на моделях гражданами. Квас присел на кровать и, не прерывая разговора о выхлопных трубах для танков-«пустынников» и камуфляжа для танкистов СС, мягко ладонью повалил Инну навзничь (причем она, падая на подушку, внятно сказала: «Аи!») и стал ласкать шейку, груди, и ниже, ниже, ниже...

– А еще, – докладывал Слон, – прикупил я два набора казаков, буду лепить казаков СС. У тебя там книжка про них была? Слушай, не в пахло, посмотри, был ли у них флажок с «мертвой головой»? Я просто сейчас им уже знамя делаю...

– Ага, сейчас... – Квас положил на кровать трубку, и пошел к полке. А Инна мрачно сказала в трубку:

– Бэ-э-э-э!

– Ну! – дернулся Квас, уже с книгой в руках. – Что ты делаешь! Фу! Прямо как маленькая! Да, Слон! Вот, я нашел... Ну, это тут девочка развлекается! Бэ-э, мэ-э-э... А? Ну да, и не говори! Это все феминистская пропаганда... Ага, точно, точно... Короче, слушай. Вот тут прямо фотография – казаки в атаку скачут... Значит, у них тут так...

Тут Инна не выдержала, занесла ножку и почти опустила ступню на рычажки телефона.

– А-а-а, Инна, не надо! Я больше не буду!

– Еще три минуты мне про твоих казаков слушать!

– Да-да, мы уже заканчиваем! Ты видишь, Слон, совсем бабы с ума посходили! Не дают мужчинам... – изящная ступня Инны вдавила рычажки до половины. – Я пошутил! Пошутил я...

– Короче, ладно, Квас! Не буду тебя отвлекать, – ухмыльнулся Слон. – Дашь потом книжку посмотреть... Давай, пока!

– Счастливо! – Квас положил трубку. – Что за дела? Как ты меня выставляешь перед соратниками?

– А ты? Ты когда меня трахать будешь, будешь со своим Слоном штаны казаков обсуждать?

– М-да... Ну, в общем, квиты... Ладно, пойдем в душ, а?

* * *

Квас вылез первым, когда Инна еще выгибалась под теплыми струями воды, и, даже не вытираясь, пошел покусать торт. Когда он вернулся, заглянул в ванную и увидел, что Инна растирается большим махровым полотенцем. Легкой трусцой заговорщика Квас сбегал на кухню, набрал в кружку ледяной воды из-под крана, вернулся и медленно вылил ее Инне на спину. Инна завопила.

– А-а-а! Идиот!

– А? Что? Э-э-э, типа, мамонты проснулись!

– Не, Мить, ну ты что, совсем сбрендил!

– Слышь, пельмень! Э-э-э, типа, телка обиделась! – Плюнь, Бивис! Телки сами не знают чего хотят... – Ни фига, Батхед! Телки хотят, чтобы им вдули, вдули, вдули! Это клево! – Чо ты гонишь, баклан! Тебе еще ни одна телка не дала! – Отвали, Батхед! Телки от меня тащатся! – Квас, дурачась, растирал Инну полотенцем. – Они тащатся, потому что ты девственник! Телки всегда тащатся от девственников! – Во, во! Точно, точно! Всегда буду девственником, чтобы от меня тащились телки! – Типа, ты не понял, пельмень! Телкам...

– Все, все, хватит, Мить. Это ужасно!

Квас закончил работать полотенцем и поцеловал Инну в шею.

– Все, любовь моя! Ниже – уж сами. Пойду на столе приберу...

* * *

Ветреной солнечной субботой бригада перешла рубеж. Роммель, Серега, Квас и Бабе приоделись в цивильное, аккуратно прихватили с собой дипломы и спортивные грамоты (у кого были). Слон ждал их у метро «Сухаревская». Все-таки Слону больше шла военизированная форма, а так он больше походил на «пехотинца» из какой-нибудь криминальной группировки.

– Ну чего, может, по пивку пока?

– Вступать в твою контору с запашком?

– Да ладно, выветрится за полтора-то часа...

Они отошли к обелиску на месте взорванной красными Сухаревой башни и присели на лавочку. Слон закурил, и тут же стало ясно, что никакой он не мелкий бандюган, а работяга – видно по кистям рук, с припухлостями и ссадинами, неровно обкусанными ногтями.

– Встреча сейчас на «Красных воротах», они все равно потом сюда придут, так что сидим. Отсюда пойдём в офис.

Подошли два парня в черной джинсе, покосились на друзей, чего-то посоветовались. Потом, разглядев у Слона маленький красно-бело-черный жетон Союза на лацкане пиджака, подошли и поинтересовались, здесь ли встреча.

– На вступление? – Да.

– Так вы рано подошли. Еще минут сорок. Посидите, подождите с нами.

Слон переключился на новеньких, достал свернутые трубкой листовки Союза, раздал ребятам в черном, что-то стал им вкручивать, а друзья потягивали пивко, пригревшись на солнышке и лениво перебрасываясь словами по поводу проходящих мимо девушек.

Час прошел незаметно. К Сухаревой башне подвалила еще группка малолетних фанатов в зелено-красных шарфиках «Локо» – тоже вступать в Союз.

– О, вот и наши, – наконец поднялся Слон. – Пошли. Девять человек, которые пришли вступать в Союз, вел высокий парень с таким же, как у Слона, жетоном на черной рубашке. Слон поздоровался с высоким, они отошли в сторону и начали тихо разговаривать. Квас разглядывал потенциальных бойцов Союза. Шесть фэнов, двое в черной джинсе, волосатый металлист с конфедератским флажком на косухе (а ведь если вступит – все равно шикарный хаер придется сбривать), просто граждане, которых «в каждом трамвае по десять штук едут».

Слон с высоким повели, наконец, всю группу уже непосредственно в офис. Шли переулками, чей дореволюционный облик порядочно портили вывески и отдельные особнячки, заново вылизанные турками, у подъездов которых висели латунные таблички с названием контор и маячили мордастые секьюрити. Через арку, обогнув серебристый пятисотый «мерин», группа вошла во двор, обычный двор, уже безо всякого новомодного лоска. Офис Союза (специальный, для приема) располагался в подвале. Табличек никаких не было, а спуск в подвал был огорожен железным заборчиком с калиткой. В самом подвале было скромно, чисто и аккуратно. За столиком сидел дежурный, пил чай и читал «Майн Кампф».

– Слава России! – дежурный через стол поздоровался со Слоном и Высоким. – На прием привели?

– Да.

– Ну, проходите...

Новичков привели в комнату, где обычно беседовали с желающими вступить в Союз.

Комната была большая, с зелеными обоями, с забранными светлыми жалюзи двумя окошками. Комната напоминала аудиторию. У стены под красно-бело-черным знаменем Союза по центру стоял стол под бордовым сукном. По обеим сторонам от флага вниманию новичков предлагались два стенда с фотографиями, запечатлевшими будни бойцов Союза. Напротив стола выстроились ряды стульев, как в кинотеатре, с откидными сиденьями. Отдельно, в углу, у стендов, притулился столик с партийной литературой. У противоположной стены располагался черный офисный стол с четырьмя стульями и двумя стаканами для ручек.

– Садитесь, пожалуйста, где кому удобно. Если кто хочет, можете взять почитать наши листовки, газеты, посмотреть фотографии.

Слон вышел. Новички расселись в трех первых рядах, тихо переговаривались, а Высокий засел где-то на «Камчатке».

Быстрым шагом в комнату вошли два плотных товарища в черной форме, а за ними Слон. Товарищи направились к «кафедре», а Слон подсел к Высокому.

Встреча началась. В комнате из-за закрытых окон было жарко. Первую половину выступления товарища в черном Квас слушал в пол-уха, сам бы мог сказать не хуже. Офицерского вида товарищ за столом говорил резко, энергично и лаконично. Про современное положение России в мире. Про катастрофическую внутреннюю ситуацию. Факты вопиющей статистики – по рождаемости, по наркомании, по самоубийствам, по преступности, по беспризорным детям, по СПИДу и так далее. О том, что все нынешние силы на политической арене либо откровенно антирусские, либо, вроде КПРФ или ЛДПР, играют роль карманной оппозиции, неплохо прикормленной. Многие мелкие националистические партии не имеют вообще никаких перспектив, а некоторые специально дробят национальное движение. Что, как показывает история XX века, спасти страну, в которой бушует постимперский хаос, может только сильная авторитарная партия вождистско-го типа. Именно такой и является Российский Национал-Социалистический Союз. Тут Квас уже напряг внимание. Далее новичкам поведали о том, когда был создан Союз, кем и зачем, смысл названия, военизированной формы и символики, кого принимают, кого нет, структуру организации, методы повседневной борьбы. Новичкам обрисовали цели Союза во внутренней и внешней политике России, экономическую и политическую программы. Под конец предложили желающим задать вопросы. Предсказания Слона сбылись – вопросы были типичными, какие, по его словам, он слышал на встречах из раза в раз. А как, мол, вы к Гитлеру относитесь? А не отпугнет ли народ форма и символика? А жидов ведь террором надо, поганцев, когда мне автомат дадут? А чурок официально бить можно (вопрос из среды футбольных фанатов)? А вот мне однажды скинхеды в хаер жвачку засунули и интересовались, не гомик ли я, как Союз относится к скинхедам (вопрос металлиста)? На все вопросы терпеливо и грамотно отвечали. Наконец желающим вступить в ряды Союза предложили подойти к столу, получить анкеты и заполнить их, и предупредили, чтобы не врали – все равно все анкеты будут проверяться. Первыми подошли наши друзья, за ними потянулись фанаты, двое в черной джинсе, несколько человек из обычных граждан. Металлист не пожелал расстаться с хаером, сказал, что он все равно останется нацистом, но хаер жалко – и ушел. Два мужичка сообщили, что подумают, а пока попросили листовки и газеты, чтобы пораспостранять среди знакомых. Квасу выдали бланк анкеты и он, сидя за столом, старательно заполнил ее. Каких-то там особых волнений не было. После того как они чудили последние годы, можно было позволить себе не волноваться. Просто... Просто это было им необходимо, чтобы идти вперед, если они были действительно националистами. Перед тем как сдать анкету, он еще раз пробежал ее глазами:

АНКЕТА

1. Имя, фамилия, отчество: Никодимов Дмитрий Владимирович.
2. Число, месяц, год, место рождения: 7 июля 1979 года, Россия, Москва.
3. Национальность, вероисповедание: Русский, придерживаюсь язычества.
4. Родители, Родственники до максимально возможного колена, указать полные имена, отчества, у предков по женской линии указать девичьи фамилии, краткие сведения из биографии:

1. Отец – Никодимов Владимир Романович, 6 сентября 1956 года, русский, из семьи служащих.

2. Мать – Никодимова (до замужества – Лушина) Софья Терентьевна, 11 ноября 1955 года, русская, из семьи офицера.

Дед и бабка по отцовской линии:

1. Никодимов Роман Владимирович, 17 марта 1915 года, русский, из семьи офицера, по профессии – геолог, имел опубликованные печатные работы и государственные награды. Умер в 1971 году.

Двоюродный дед – Никодимов Павел Владимирович, 6 января 1910 года, русский, был рабочим, был призван в армию в 1942 году, направлен в танковые войска. Погиб в конце 1943 года.

Двоюродный дед – Никодимов Борис Владимирович, 19 Апреля 1904 года. Погиб при неизвестных мне обстоятельствах в 1920 году.

2. Никодимова (до замужества – Нестерова) Александра Леонидовна, 23 апреля 1917 года, русская. Умерла в 1984 году.

Одного прадеда звали Владимиром, он был русским офицером, по-моему, артиллерии и пропал без вести в Гражданскую войну, борясь против жидо-марксистского порабощения Российской Империи.

Второго прадеда звали Леонидом, он был до революции почтовым чиновником в Егорьевске.

Дед и бабка по материнской линии:

1. Лушин Терентий Степанович, 2 августа 1910 года, русский, из рабочей семьи, был офицером, принимал участие в Финской и Великой Отечественной войнах, был дважды ранен, умер в 1990 году.

2. Лушина (до замужества – Коляскина) Ефросинья Ивановна, 17 мая 1918 года, русская, из семьи рабочих. Умерла в 1990 году.

5. Образование, гражданская профессия – Закончил Московский Полиграфический Техникум в 1998 году, по профессии печатник, имею навыки компьютерной верстки газет и журналов.

6. Имеете ли судимость (если да, указать статью), состоите ли на учете в психоневрологическом диспансере – Не судим, не состою.

7. Имеете ли вредные привычки – Курю, не пью, наркотиков никогда не употреблял.

8. Серия и номер паспорта, кем и когда выдан, адрес прописки, контактный телефон: –

9. Какими видами спорта занимались: Хоккей с шайбой в спортивном обществе «Искра».

10. Служба в армии, участие в боевых действиях, государственные награды, ранения, контузии – Не служил, не участвовал, военной подготовки не имею, наград и ранений не имею.

11. Написать краткую биографию, указать, как пришли к идеям национал-социализма:

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Я, Никодимов Дмитрий Владимирович, родился 7 июля 1979 года в Москве. Мой отец, Владимир Романович, работал геологом, а мать, Софья Терентьевна, в НИИ приборостроения.

В 1987 году я пошел в районную общеобразовательную школу №132, в 1990 году в связи с переездом на новое место жительства был переведен в школу №361. В ней я закончил 9-й класс и поступил в Московский Полиграфический техникум, который и окончил в 1998 году. В настоящее время работаю на Московском высокотехнологическом заводе в должности сборщика трансформаторов. К идеям национализма начал приходить в шестнадцать лет, после того как два месяца на летних каникулах работал санитаром в 100-й городской больнице, где впервые столкнулся близко с наглостью и бесцеремонностью кавказцев, которых в моем отделении почему-то было очень много. Потом один мой товарищ дал мне прочитать книгу Адольфа Гитлера «Майн Кампф». Прочитав ее, я понял, что во многом разделяю идеи Адольфа Гитлера. То, что я узнавал из газет и слышал по телевизору, только укрепляло мою уверенность в том, что и Германию, и Россию душит одна и та же сила, потому что Гитлер это все очень точно описал в «Майн Кампф». Теперь я стал считать себя уже не националистом, а нацистом,

и стал принимать участие в молодежном движении скинхедов. Ознакомившись с Программой и Тезисами партии «Российский Национал-Социалистический Союз», я понял, что полностью разделяю идеи этой партии и, вступая в нее, обязуюсь выполнять все распоряжения командования для построения Великой России.